АБАЖУР
ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

Выдавец:
ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
Перыядычнасць 1 раз у 2 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.
№№ 9–10 (64–65)

Галоўны рэдактар
Уладзімір Дзюба

Намеснік галоўнага рэдактара
Таццяна Мельнічук

Фота
Юрый Дзядзінкін
Photo.bymedia.net

Выданне зарэгістравана ў Дзяржаўным камітэце Рэспублікі Беларусь па друку, рэгістрацыйны № 1553 ад 12.12.2000 г.

Падпісана да друку _________
Дата выхаду __________
Фармат 60х84 / 8.
Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк. 7,4.
Наклад 500 асобнікаў.
Заказ №______
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220030, г. Мінск,
пл. Свабоды, 17 – 304.
Тэл./факс: (017) 203-63-66,
(029) 126-70-98
e-mail: press@baj.by,
baj@baj.by
http://www.baj.by

Друкарня СТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП № 02330 / 0056748 ад 22.01.04 г.
Адрас:
220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.
Тэл.: (017) 203-74-10, 203-53-41,
8-029-623-74-10
office@medisont.com
www.medisont.com

У адпаведнасці з Законам аб друку аўтары нясуць адказнасць за падбор і дакладнасць фактаў, прыведзеных у артыкулах.

Рэдакцыя можа публікаваць матэрыялы ў парадку абмеркавання, не падзяляючы пункту гледжання аўтараў.

Мы кажам «не» краіне без мінулага! 2
Яніна Мельнікава

Усё проста. Было б жаданне 5
Міхаіл Пастухоў, Юрый Тапарашаў

Адбылося ўручэнне прэмій імя Завадскага і Герменчука 8
Генадзь Кеснер

Чарговыя хітрыкі 10
Аляксандр Тамковіч

Міраслава Гангадзэ: Я абавязана зрабіць усё, што магу 11
Андрэй Бастунец

М. Лявонцьеў:
Пуціна ў Расіі ўспрымаюць як выбарнага цара 13

Замаразкі альбо адмарозкі 15
Леанід Радзіхоўскі

На смерць эпохі 18
Андрэй Бастунец

Пішам пра эканоміку 19
Алена Наважылава

Як пісаць пра афіцыйную статыстыку 23
Юзік Лабэцкі

Парыж! Парыж… Я не хачу дадому… 24
Уладзімір Базан

Права быць вольным 28
Генадзь Косараў

Музыка руйнуе межы 32
Аляксандра Ігнатовіч

Вільнюскія замалёўкі 34
Галіна Шараева

Забыццю не падлягае 36
Ігар Кузняцоў

Праўда пра дзевяты кіламетр 41
Анатоль Санаценка

Спектакль пачынаецца з вешалкі 42
Сяргей Пульша

І вось мяне вядуць на суд… 45
Аксана Раманенка

Творчая брама 48
Сяргей Законнікаў

«Любы Ваш твор тысячу разоў апраўдаў
Ваша жыццё на Зямлі» 50
Сяргей Шапран

Споведзь самотных самасёлаў 56
Анатоль Гатоўчыц

Нататкі з летняй практыкі 59
Настасся Занько

Школа, настаўнік, родная мова 61
Ала Кажэра

Сёе-тое пра аўто для народа 63
Канстанцін Скуратовіч

Мы кажам «НЕ» краіне без мінулага!

БАЖ распачаў медыя-кампанію «Журналісты за гістарычную спадчыну»

Яніна МЕЛЬНІКАВА,
каардынатар медыя-кампаніі

Разумеючы, што Беларусь рызыкуе стаць краінай без мінулага, журналісты БАЖ вырашылі распачаць агульнарэспубліканскую медыя-кампанію «Журналісты за гістарычную спадчыну». Мэта кампаніі — прыцягнуць увагу грамадства да праблемы захавання, рэстаўрацыі і аднаўлення гісторыка-культурных аб'ектаў на тэрыторыі Беларусі

У дзяцінстве бацькі цягалі мяне, малую, па музеях і палацах. Не думаю, што разумела нават дзесятую частку таго, што бачыла. Найбольш яскравыя ўражанні зрабілі не самі палацы ці храмы, а нейкія дэталі. Як, напрыклад, мяккія пантофлі, што выдавалі ўсім у Саксонскім палацы: як жа добра было катацца ў іх па падлозе, пакуль дарослыя разглядалі каралеўскі ложак!

Найбольш яскравы ўспамін пра Кіева-Пячэрскую лаўру: нас павялі ў скляпенні. Далі ў рукі свечкі і патлумачылі, што электрычнасці ў падзямеллі няма, бо яна толькі сапсуе настрой. І сапраўды, старажытныя сутарэнні з трунамі, у якіх ляжалі манахі, таямнічымі рабіла менавіта святло, што трымцела ў далонях. Было трохі жудасна, а расповед насельніка лаўры казытаў нервы, але ж гэта была цудоўная магчымасць апынуцца ў часінах, калі ў небе не ляталі жалезныя птушкі, а на зямлі не было атамных станцыяў і мабільнай сувязі.

Чаму распавядаю пра гэта? Каб вы змаглі ўявіць сабе, як дзіўна можа выглядаць звычайная электрычнасць у запаветным месцы. Каб зразумелі, як недарэчная «цёплая» падлога ў храме XII стагоддзя.

У снежні 2006 года Полацк наведаў прэм'ер-міністр Сяргей Сідорскі. І застаўся незадаволены тэмпамі рэстаўрацыі фрэсак у Спаса-Праабражэнскай царкве Спаса-Еўфрасіннеўскага манастыра. На працягу 15 гадоў раскрыццём старажытных фрэсак займаўся рэстаўратар Уладзімір Ракіцкі. Фінансаванне работ было сціплым, дапамагалі Ракіцкаму толькі яго вучні. За 15 гадоў ён адкрыў 150 квадратных метраў фрэсак XII стагоддзя, а тыя, што былі напісаныя паверх старажытных, па спецыяльнай тэхналогіі перанёс на плёнку.

Але Сідорскі патрабаваў, каб астатнія 450 метраў фрэсак былі раскрытыя як мага хутчэй! Разам з рэстаўрацыяй фрэсак павінна была адбыцца і рэстаўрацыя царквы: «цёплая» падлога, залаты купал і электрычнасць (бо на двары XXI стагоддзе) сур'ёзна абмяркоўваліся на Навукова-метадычнай Радзе ў Міністэрстве культуры.

Дзейнічаць трэба было тэрмінова, бо ўлады таксама спяшаліся: «рэстаўрацыю» ў царкве, якую будавалі пры жыцці Еўфрасінні Полацкай, павінны былі скончыць да пачатку чэрвеня, калі адзначаецца дзень памяці беларускай святой. Планавалася, што ў Полацк павінен прыехаць сам прэзідэнт.

Адзіная зброя журналіста — галоснасць. Трэба было зрабіць так, каб не толькі на Полаччыне ведалі пра гэтыя планы, але і ва ўсёй Беларусі і нават за яе мяжой. Шукалі кантакты, пісалі артыкулы, тэлефанавалі адказным людзям, задавалі і

задавалі «складаныя» пытанні. На скрайні выпадак рыхтавалі збор подпісаў і зварот да еўрапейскіх інстытуцыяў.

Еўфрасіннеўскай царкве пашанцавала (ці гэта сама святая стала ў яе абарону?): самыя радыкальныя планы ўладаў засталіся планамі. Знайшліся людзі, якія змаглі патлумачыць епіскапу, які болей за астатніх патрабаваў «цёплай» падлогі (каб насельніцам было зручна маліцца), што царква павінна захавацца ў аўтэнтычным стане, бо інакш усе планы дзяржавы на ўнясенне яе ў Спіс сусветнай культурнай спадчыны ЮНЕСКА пойдуць прахам.

Пасля складаных перамоваў вырашылі, што ў Спаса-Праабражэнскай царквы будзе толькі залаты купал і электрычнасць.

Шмат дзе па краіне можна сутыкнуцца з падобнымі да полацкай «рэстаўрацыямі». Гродна, Віцебск, Мір, Нясвіж, Брэст, Магілёў, Крычаў... Журналістам зразумела: існуе праблема, на якую трэба звярнуць агульную ўвагу.

Што ж адбываецца з нашымі помнікамі? Па-першае, іх «рэстаўруюць». Амаль паўсюль — непрафесійна, забываючца пра аўтэнтычнасць, робяць стаўкі на сучасныя тэхналогіі і матэрыялы. Па-другое, гістарычныя помнікі «рэстаўруюць з прыстасаваннем» — папросту зносяць, каб пабудаваць «амаль такое ж». А шмат дзе і не прыстасоўваюць, і не рэстаўруюць, а чакаюць, пакуль забудову знясуць вецер і дождж.

Возьмем, напрыклад, Мірскі замак, які ўваходзіць у вышэйзгаданы Спіс сусветнай спадчыны ЮНЕСКА. Зараз у старажытным замку будуюць сучасны ліфт, басейн і іншыя «дробязі» цывілізацыі. Бо, маўляў, замак павінен прыносіць грошы, а гатэль — добры сродак гэтыя грошы зарабіць.

Як гэтае «прыстасаванне» паўплывае на стан замка? Кажуць, усё будзе добра. Аднак жа аптымістычныя прагнозы — на сёння, на заўтра, можа, яшчэ на некалькі дзесяцігоддзяў. Але хто панясе

адказнасць, калі Мірскі замак знікне праз стагоддзе?

У Мазыры замак «аднавілі». Прыгожы — але ж дэкаратыўны, бо не мае нічога агульнага з праўдай.

У цэнтры Мінска адкрылі гатэль «Еўропа». Нібыта на тым месцы, дзе стаяў раней. Нібыта з гістарычным падабенствам. Але ж спецыялісты-архітэктары сцвярджаюць, што гэта не так. І месца зусім не тое, і выгляд гатэля далёкі ад ранейшага. Дробязь? Можа, і так, але, калі падлічыць гэткія «дробязі» ды далучыць да іх тыя помнікі, якія ўжо не вернеш, на добрую «Чырвоную кнігу помнікаў Беларусі» набярэцца.

Замкі ў Гальшанах і Крэве, Косава і Любчы, палацы ў Асвеі і Жылічах, сядзібы ў Завоссі і Залессі... Колькі гадоў чакае рэстаўратараў дзіўны па сваёй прыгажосці замак-палац Пуслоўскіх у Косаве. Былі прапановы з боку літоўцаў адрэстаўраваць яго, але ж нашая дзяржава не пагадзілася. Так і стаіць, схаваўшыся за сасновым борам, казачны палац, у якім можна было б здымаць гістарычныя кінастужкі.

Шмат выбітных мясцінаў у Беларусі маглі б прывабіць турыстаў з усіх куткоў свету. Гэта прынесла б рэальныя даходы дзяржаве, якая зараз дэкларуе імкненне да развіцця турызму як адну з першачарговых задач.

Разумеючы, што Беларусь рызыкуе стаць краінай без мінулага, журналісты БАЖ вырашылі распачаць агульнарэспубліканскую медыя-кампанію «Журналісты за гістарычную спадчыну». Мэта кампаніі — прыцягнуць увагу грамадства да праблемы захавання, рэстаўрацыі і аднаўлення гісторыка-культурных аб'ектаў на тэрыторыі Беларусі.

За што мы выступаем? Папершае, за адкрыты грамадскі дыялог паміж уладамі, мясцовымі органамі кіравання, спецыялістамі і грамадскасцю. Мы перакананыя, што пытанні рэстаўрацыі гістарычных цэнтраў гарадоў, асобных будынкаў павінны разглядацца толькі архітэктарамі пасля адкрытага абмеркавання з гараджанамі. Чыноўнікі не павінны самі вырашаць, якім быць і ці быць увогуле таму ці іншаму гістарычнаму будынку, помніку.

Трэба зрабіць усё, каб помнікі не разбураліся. Калі ў дзяржавы не хапае на гэта грошаў і часу, можна скарыстацца досведам Польшчы ці Літвы, калі Кракаўскі і Тракайскі замкі адбудоўваліся дзякуючы грамадскім аб'яднанням. Зразумела, што далёка не кожны помнік сёння можна адрэстаўраваць, але ж і кансервацыю ніхто не адмяняў: аўтэнтычныя руіны таксама цікавяць турыстаў.

Па-другое, мы выступаем за дзейснасць беларускага і міжнароднага заканадаўства ў галіне аховы помнікаў. Як адзначаюць спецыялісты, у нашай краіне не горшыя за іншыя законы, але яны не працуюць, бо мала хто іх ведае. Каб прыцягнуць да адказнасці тых, хто іх парушае, трэба, каб і журналісты, і грамадскія актывісты ведалі гэтыя законы.

Што мы плануем зрабіць? Сёння ўжо працуе інтэрнэт-старонка медыя-кампаніі spadchyna.ximik.info. На ёй мы размяшчаем усе матэрыялы, якія выходзяць у перыядычным друку і ў электронных СМІ і маюць дачыненне да праблемы захавання гістарычнай спадчыны. Тут нашы калегі могуць азнаёміцца з беларускім і міжнародным заканадаўствам у галіне аховы помнікаў.

У межах медыя-кампаніі «Журналісты за гістарычную спадчыну» БАЖ распачаў фотаконкурс «Беларусь, якую заўтра мы не ўбачым». Па выніках конкурсу будзе зроблена выстава з лепшых фотаработ удзельнікаў.

БАЖ плануе зладзіць семінары, на якіх журналістаў, зацікаўленых гэтай тэмай, пазнаёмяць з беларускім і міжнародным заканадаўствам у галіне аховы помнікаў, а таксама на практыцы навучаць адрозніваць рэстаўрацыю ад рэканструкцыі, рэнавацыі і г. д. Ужо сёння нас падтрымала рэдакцыя газеты «Новы час», якая штотыдзень друкуе матэрыялы з розных куткоў краіны пад лагатыпам

медыя-кампаніі. Падтрымалі нас і некаторыя калегі з рэгіёнаў. Пішуць, тэлефануюць, дасылаюць здымкі, расказваюць аб праблемах.

Каб лепей пазнаёміць з сітуацыяй тых з нашых калегаў, хто яшчэ не сутыкаўся са станам беларускіх помнікаў, вырашана правесці некалькі прэсавых тураў, зладзіць акцыю «Фотааблава».

Мы за ўзаемадзеянне сталічных і рэгіянальных выданняў. Мы зацікаўленыя ў супрацоўніцтве з мясцовымі грамадскімі ініцыятывамі, гісторыкамі, краязнаўцамі. Калі вам ёсць што нам распавесці, калі існуе неабходнасць параіцца са спецыялістамі, каб зразумець, што адбываецца з помнікамі гісторыі ў вашым рэгіёне, дасылайце лісты.

Наш e-mail:
spadchyna@ximik.info

Михаил ПАСТУХОВ **Юрий ТОПОРАШЕВ**
юристы ОО «Белорусская ассоциация журналистов»

Все просто. Было бы желание

В некоторые из белорусских законов проникли поправки, изменившие продекларированные принципы порой до стадии «наоборот». Иначе, как правонарушающие, такие «корректировки» и назвать трудно. Одной из таких поправок является дополнение к статье 10 Закона о печати о необходимости согласования размещения СМИ с соответствующими местными исполнительными органами.

Поправка, требующая согласования, действует с января 1998 года и создала немало проблем учредителям и издателям, редакционным коллективам.

Для внесения ясности и определенности в правоприменительную практику по процедуре согласования (а также по некоторым иным вопросам законодательного регулирования деятельности СМИ и журналистов) ОО «Белорусская ассоциация журналистов» решила обратиться в высшие органы судебной и представительной власти. И вот что из этого получилось…

Photo.bymedia.net

Мы говорили о согласовании. А вы о чем?

Аргументированные письма от имени ОО «БАЖ» в начале июля были направлены в Конституционный суд и Палату представителей Национального собрания.

Перед Конституционным судом были поставлены следующие вопросы: 1) не противоречит ли Конституции упомянутая норма «о согласовании» размещения редакции; 2) не противоречит ли Конституции, Закону о печати и международному праву Положение о пребывании и профессиональной деятельности на территории Республики Беларусь представительств и аккредитованных в Республике Беларусь корреспондентов иностранных средств массовой информации, утвержденное постановлением Совета Министров № 869 от 12.07.1997 г.?

Ответ из Конституционного суда пришел оперативно, уже 17 июля с. г. Заместитель председателя Суда А. В. Марыскин сообщил, что, в соответствии со статьей 17 Закона «О печати и других средствах массовой информации», отказ в регистрации средства массовой информации, нарушение регистрирующим органом установленного для регистрации срока, а также решение о приостановлении его деятельности могут быть в месячный срок обжалованы в суд учредителем или редакцией средства массовой информации.

Однако о статье 10 Закона, в том числе о проблеме «согласования», в письме Конституционного суда нет ни слова! Это позволяет предположить, что к обращению организации журналистов в Суде отнеслись, мягко говоря, невнимательно. Ведь в письме БАЖ речь шла об очевидном ограничении конституционного права граждан на получение, хранение и распространение информации (ст. 34 Конституции), а также права граждан учреждать средства массовой информации, владеть, пользоваться и распоряжаться ими (ст. 3 Закона о печати).

По сути дела в тексте Закона о печати имеются две противоречащие друг другу нормы: одна (ст. 3) дает гражданам право на учреждение СМИ, другая (ч. 2 ст. 10) фактически содержит запрет на их учреждение посредством пресловутого «согласования».

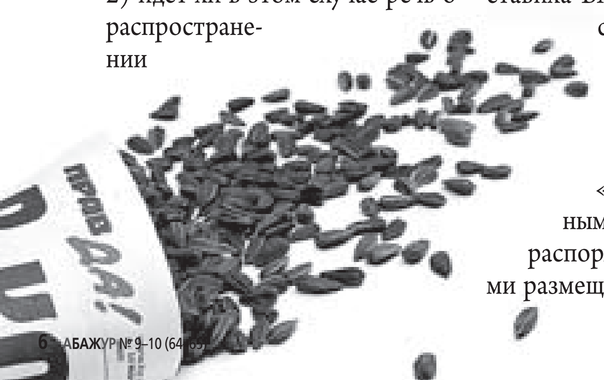
Конституционный суд не заметил (или не захотел заметить?) этого явного противоречия в законодательстве о СМИ и, не мудрствуя лукаво, уклонился от решения данной проблемы.

Что же касается второго вопроса, поставленного перед

Конституционным судом, то мы можем лишь поблагодарить господина А. В. Марыскина за подробную информацию о том, как происходит аккредитация СМИ и журналистов в ряде европейских стран. Это, конечно же, интересно, но к проблеме, в которую мы попросили внести ясность, не имеет ровным счетом никакого отношения.

А комиссия по правам человека вообще не усмотрела никаких нарушений...

В письме в Палату представителей мы поставили три вопроса: 1) является ли положение о согласовании размещения редакции СМИ процедурой получения согласия местной исполнительной власти на размещение СМИ по соответствующему адресу или на соответствующей территории; 2) идет ли в этом случае речь о распространении продукции СМИ на территории данной административно-территориальной единицы; 3) в какой форме и с соблюдением какой процедуры должно осуществляться «согласование»?



Внимание депутатов акцентировалось на том факте, что норма о «согласовании», появившаяся в Законе о печати в качестве дополнения, изначально противоречила конституционным положениям о свободе мнения и информации (ст. 33–34 Конституции), а также статье 3 Закона о печати. В результате такого дополнения Закона был возведен труднопреодолимый (на практике — непреодолимый) барьер на пути создания новых печатных изданий общественно-политической направленности.

Парламентская Комиссия по правам человека, национальным отношениям и средствам массовой информации 3 августа представила БАЖ свой ответ. Нам сообщили, что под согласованием размещения средства массовой информации понимается «согласование с местными исполнительными и распорядительными органами размещения редакции СМИ по соответствующему адресу или на соответствующей территории. В данном случае речь не идет о согласовании распространения СМИ на территории соответствующей административно-территориальной единицы, так как территория распространения СМИ, как правило, гораздо шире». Поэтому, по мнению депутатов, требование при регистрации средства массовой информации документа о согласовании размещения СМИ *«...не ограничивает свободу создания СМИ, а лишь только способствует согласованному решению вопросов местного значения, исходя из общегосударственных интересов и интересов населения, проживающего на соответствующей территории...»*.

В то же время вышеназванная комиссия Палаты представителей отмечает, что законодательством не определен порядок выдачи согласования размещения СМИ местными исполнительными и распорядительными органами и, значит, каждый местный исполком может самостоятельно избрать процедуру согласования (единолично или коллегиально).

То есть получается, что каждый исполком при решении вопроса о «согласовании» вправе творить «отсебятину», запрещенную грозной президентской директивой № 2 от 28 декабря 2006 г. «О мерах по дальнейшей дебюрократизации государственного аппарата». Но еще задолго до директивы в юриспруденции утвердилось такое понятие, как *«единообразие закона и его применения»*. В свое время на это обращали внимание даже большевики. Их вождь В. И. Ленин в 20-е годы говорил, что законность не может быть рязанская или калужская.

А что у нас получается на практике? В Гродно считают, что согласование нельзя выдать потому, что у учредителя газеты нет журналистского образования. В Пинске местная власть полагает, что и без новых уже достаточно газет для удовлетворения запросов населения.

В Минске отказываются дать согласование для газеты, редактор которой был подвергнут административному взысканию за проступок, никак не связанный с деятельностью СМИ. То есть налицо множественность правоприменения одной и той же нормы закона.

Что касается просьбы дать законодательное толкование противоречивой нормы о «согласовании», то депутаты ее элегантно отфутболили. В частности, они сослались на то, что общественное объединение «Белорусская ассоциация журналистов» не является субъектом права законодательной инициативы, а потому не может заставить их выяснять разные «второстепенные» вопросы.

Но мы именно потому и обратились в Палату представителей, поскольку она в целом и каждый ее депутат в отдельности являются такими субъектами. Мы рассчитывали, что просьба более 1000 журналистов — членов организации будет принята во внимание и поставленная проблема получит разрешение. Однако надежды на содействие «слуг народа» не оправдались.

Попутно заметим, что в своем ответе депутаты допустили серьезную смысловую путаницу. Если поначалу они утверждали, что законодательством не определен порядок «согласования», то уже через несколько строк сообщили, что предлагаемые для толкования нормы Закона о печати «*...изложены достаточно четко и однозначно и основания для толкования соответствующих правовых норм отсутствуют...*».

Так что же считать правильным? То, что в законодательстве этот вопрос не решен, или то, что он настолько хорошо решен, что не стоит к нему возвращаться? Если это так, то зачем нам предлагают обратиться к другим субъектам права законодательной инициативы или в Конституционный суд?

Для справки напомним, что именно парламент является единственным законодательным органом, которому Конституцией предоставлено право толковать все действующие в стране законы в случае их неясности или противоречивости. В этой связи отсылка общественной организации к «иным субъектам» выглядит, по крайней мере, некорректной.

Есть ли у проблемы решение?

Без сомнения, есть. И оно не такое уж сложное — было бы

желание или, как принято говорить, политическая воля. Надо всего лишь исключить пресловутую норму о «согласовании» из Закона о печати и, тем самым, открыть свободную дорогу к созданию печатных СМИ всем желающим. К тому же по своей сути эта норма является неконституционной, что облегчает задачу ее исключения.

Всего-то и надо проявить инициативу одному из законных субъектов. А в таком качестве может выступить любой депутат Палаты представителей. Но вот вопрос: найдется ли такой? Со своей стороны мы готовы предоставить ему соответствующее правовое обоснование.

С аккредитацией корреспондентов зарубежных СМИ, в том числе граждан Беларуси, еще проще. Дело в том, что вышеупомянутое положение о пребывании и профессиональной деятельности на территории Республики Беларусь представительств и аккредитованных в Республике Беларусь корреспондентов иностранных средств массовой информации является подзаконным нормативным актом. Следовательно, этот документ не должен противоречить не только Конституции, но и Закону о печати. Между тем, нормы подзаконного акта вступают в противоречие со статьями 42, 45 Закона «О печати и других средствах массовой информации». Значит, этот подзаконный акт надо либо отменить, либо привести в соответствие с Законом.

И здесь проблема — лишь в желании тех, кто уполномочен принимать решения на государственном уровне.

Адбылося ўручэнне прэмій імя Змітра Завадскага і Ігара Герменчука

10 верасня ў Мінску адбылося ўручэнне прэмій імя аператара Першага расійскага тэлеканала, сябра Беларускай асацыяцыі журналістаў Змітра Завадскага. Лаўрэатамі сталі гродзенская журналістка Наталля Макушына, карэспандэнт недзяржаўнага штотыднёвіка «Белорусы и рынок» Генадзь Барбарыч і рэпарцёр з Гомеля Анатоль Гатоўчыц. У той жа дзень прэмію імя Ігара Герменчука атрымаў галоўны рэдактар самай масавай беларускай недзяржаўнай газеты «Народная воля» Іосіф Сярэдзіч. Павіншаваць лаўрэатаў прыйшлі калегі, а таксама прадстаўнікі дыпламатычнага корпуса, акрэдытаваныя ў Беларусі.

Прэмія імя Змітра Завадскага была заснавана ў 2002 годзе Першым расійскім тэлеканалам разам з Беларускай асацыяцыяй журналістаў.

Кіраўнік аддзела спецпраектаў Першага канала расійскага тэлебачання, сябра і калега Змітра Завадскага Павел Шарамет зазначыў: «Сёлетнія лаўрэаты, як і іх папярэднікі, працаю сцвердзілі і свой высокі прафесіяналізм, і бясспрэчную рэпутацыю. Але журналісцкая праца ў Беларусі вымагае да таго ж мужнасці».

У прывітальным лісце да гродзенскай журналісткі Наталлі Макушынай генеральны дырэктар Першага расійскага канала Канстанцін Эрнст падкрэсліў: «Жанчыне не проста дамагчыся поспехаў у жорсткім свеце палітычных навін. Яшчэ больш

складана працаваць рэпарцёрам у невялікім горадзе, аддаленым ад сталіцы і асноўных палітычных падзей». Наталля адрэагавала гэтак: «Сумна, канешне, што побач са словам «прафесіяналізм» неабходнае слова «мужнасць». Але павінен надысці час, калі прызнаннем калег будуць адзначацца толькі прафесійныя здабыткі. Варта дзейнічаць дзеля найхутчэйшага набліжэння гэтага часу».

Лаўрэат з Гомеля Анатоль Гатоўчыц перадаў віншавальныя кветкі Вользе Рыгораўне Завадскай, маці зніклага тэлеаператара. «У рэгіёнах журналістыка зводзіцца да нейкай сервільнасці, — заўважыў Гатоўчыц. — Журналісты прыходзяць і кажуць: чаго вы хочаце, пане начальнік? Калі няма мужнасці, жадання выявіць ісціну, а не густы начальства, — няма журналістыкі».

Генадзь Барбарыч прыбыў «з карабля на баль». Дакладней — з цягніка, з чарговай камандзіроўкі. Дзесяць гадоў таму, паводле прызнання Генадзя, гэтак жа «з цягніка» ён знаёміўся з Шараметам і Завадскім, якіх у верасні 1997-га абвінавацілі ў парушэнні беларуска-літоўскай мяжы…

Старшыня Фонду Змітра Завадскага Святлана Завадская падзякавала рэпарцёрам: «Вы ўсе — выбітныя журналісты. Я зычу вам усім удачы. Таму што ў Беларусі, дзе за артыкул у інтэрнэце могуць пасадзіць у турму, вельмі патрэбна, каб шанцавала. І даводзіцца быць мужным, бо нават за прысутнасць на прэзентацыі могуць абвінаваціць у супрацьзаконных дзеяннях. Але вы застаецеся ў сваёй небяспечнай прафесіі — каб данесці да людзей праўду».

Маці тэлеаператара Вольга Рыгораўна Завадская выказала ўдзячнасць калегам Змітра: «Я ганаруся, што сын — з вашых шэрагаў», — сказала Вольга Завадская беларускім рэпарцёрам.

У той жа вечар адбылося ўручэнне дыплома імя Ігара Герменчука. Гэты ганаровы знак, заснаваны Нарвежскім ПЭН-цэнтрам і Нарвежскім домам правоў чалавека разам з БАЖ, ужо другі раз уручаецца ў Беларусі. Першым лаўрэатам дыплома імя Ігара Герменчука была галоўная рэдактарка гродзенскай газеты «Биржа информации» Алена Раўбецкая. Сёлета адзначаны Іосіф Сярэдзіч.

Падрыхтаваў Генадзь Кеснер
Фота Юрыя Дзядзінкіна

Очередное лукавство

«Тиражи независимой прессы падают», — победно констатируют пропагандисты. «Газету действительно трудно найти», — сокрушается преданный читатель. Где наша пресса «прячется» от читательского спроса?

Александр ТОМКОВИЧ

Пресса все чаще — в интернете, в домашнем компьютере: в этот «ящик» газеты без промедления доставляет электронный «почтальон». Год исполнился цифровой газете «Ежедневник», которая, без преувеличений, стала самым ярким событием рынка белорусских СМИ. Первый номер нового виртуального издания появился 4 сентября 2006 года. Две недели проводилась «подписка» среди потенциальных читателей. Кавычки в данном случае вполне закономерны, ибо это не было подпиской в привычном понимании. Для того чтобы получать пока еще неизвестный продукт, достаточно было лишь написать адрес своей электронной почты. Всего таких адресов набралось около 800, а к концу месяца уже было две с половиной тысячи. И количество подписчиков постоянно растет. Только за последние месяцы оно увеличилось на несколько тысяч и на момент написания этого материала составило свыше 12 000. А ко времени, когда появится эта публикация, будет еще больше.

Случай показательный, но не единственный. В последнее время очень многие интернет-ресурсы фиксируют резкое увеличение числа посещений их сайтов. Социологи объясняют это возросшим недоверием к официальным источникам информации. Всплеск недоверия был особенно силен в момент «газового» конфликта с Россией. Думаю, призыв «навести в интернете порядок» появился именно поэтому.

Впрочем, увеличение тиражей свойственно не только виртуальным изданиям.

Газету «Товарищ» в начале 2006 года прекратили распространять по подписке (хотя раньше это было) и продавать в киосках «Союзпечати». Но, несмотря на очевидную «зачистку», тираж издания стал расти. Если до ограничений он составлял 9000 экземпляров, то затем сразу же увеличился до 10 000. А к концу года уже был 20 000. Затем 25 000. И, наконец, достиг 30 тысяч экземпляров.

«Нахимичить», «пририсовать» такой тираж просто невозможно. Газета печатается за рубежом. Убежден: белорусские пограничники и таможенники очень внимательно следят за тем, чтобы реальное количество газет полностью соответствовало цифрам в накладных. Если бы было хоть малейшее несоответствие, мы бы наверняка узнали об этом по белорусскому телевидению.

Как человек, который в газетной жизни немного разбирается, знаю: мало напечатать издание, нужно доставить его читателю. Потому и спросил редактора Сергея Возняка именно об этом. Возняк рассказал о системе доставки, и я по-бе- лому позавидовал. Коммунисты сделали то, чему, на моей памяти, посвящалось немало проектов и прожектов. Уверен, суть здесь совсем не в неких идеологических установках. Просто нужно уметь не только говорить, но и делать.

Я не стану называть те немногочисленные издания, которым пока доступны каналы государственной системы распространения. Дабы не навредить. Отмечу только, что у всех таких изданий (без исключений) в последнее время тираж существенно вырос. Хотя и есть на сей счет строгое неофициальное указание: не пущать! Так что официальные идеологи лукавят, рапортуя о снижении тиражей негосударственной прессы.

Отдельный разговор о региональных изданиях. В отличие от столичных, они находятся еще и под жестким прессом местных властей. Потому часто их содержание далеко от революционности, критичность сводится к цитированию дедушки Крылова, в выборе тем и стиле — вынужденная приглушенность. Но факт: очень многие из них имеют гораздо большие тиражи, чем те издания, что «лежат» под «вертикалью».

Если популярность негосударственной газеты становится слишком очевидной, ей объявляют войну. Вовсе не профессиональную и даже не идеологическую. Вместо состязания в журналистском мастерстве «вертикальная» газета пускает в ход административных «легионеров»: милиционеров, пожарников, сотрудников всякого рода фискальных органов.

В нормальной терминологии это называется недобросовестной конкуренцией. Неугодное издание либо уничтожают, либо загоняют в андерграунд, как «Народную волю». Помнится, в период, когда на газетном рынке было достаточно тесно и практически на любой вкус можно было найти что-то свое, тираж «Народной Воли» достигал почти 70 тысяч. Затем газету выгнали из всех белорусских типографий, лишили права на подписку и возможности продаваться в киосках. Сейчас тираж у «Народной Воли» — только 11 000 экземпляров. Мало? Бесспорно. Но это вопрос не к руководству газеты, а к лидерам политических структур, которые так любят там публиковаться.

Мирослава Гонгадзе: Я обязана сделать все, что могу

Дело Гонгадзе стало одним из мощных толчков, выведших людей на улицы и приведших к смене власти в Украине. После чего дело, «висевшее» четыре года, сдвинулось с мертвой точки. В марте 2005 г., получив вызов на допрос в Генеральную прокуратуру, покончил с собой глава МВД Украины Юрий Кравченко (такова официальная версия). Еще через месяц три арестованных милиционера признались в убийстве Гонгадзе. Обвиняется в преступлении и генерал милиции Алексей Пукач, находящийся сейчас в международном розыске.

Похищение и убийство Гонгадзе сразу же были названы политическими. «Украинская правда», вышедшая в свет ровно за пять месяцев до исчезновения Георгия, резко критиковала власть. Журналиста несколько раз пытались запугать люди, представлявшиеся милиционерами. Политическую версию подтвердили и так называемые «пленки Мельниченко», обнародованные в ноябре 2000 г. Из аудиозаписей, тайно сделанных офицером охраны Николаем Мельниченко, следовало, будто президент Леонид Кучма говорил с главой СБУ и министром внутренних дел о необходимости разобраться с журналистом. В апреле 2001 г. Мельниченко (как и вдова Георгия Гонгадзе Мирослава) получил политическое убежище в США. МИД Украины резко отреагировал на это, заявив, что решение США «не отвечает духу украинско-американского партнерства». И в том же 2001 г. были досрочно уничтожены документы МВД, которые могли бы подтвердить оперативную слежку за журналистом.

Руководитель интернет-издания «Украинская правда» Георгий Гонгадзе исчез 16 сентября 2000 г. Через два месяца в лесу под Киевом было обнаружено обезглавленное тело. Вероятность того, что оно принадлежит пропавшему журналисту, эксперты оценили в 99,6%

14 августа 2005 г. президент Виктор Ющенко посмертно присвоил Георгию Гонгадзе звание Героя Украины. А через три месяца Европейский суд по правам человека признал нарушение Украиной статей 2, 3 и 13 Европейской конвенции по правам человека (право на жизнь, запрещение пыток и право на эффективные средства правовой защиты), удовлетворив жалобу вдовы убитого журналиста.

С Мирославой Гонгадзе я встретился накануне годовщины со дня смерти Георгия. Мирослава работает сейчас в украинской редакции «Голоса Америки» и приехала в Украину, чтобы принять участие в траурных мероприятиях, а также в обсуждении концепции Школы безопасности журналистов имени Георгия Гонгадзе и Анны Политковской.

— Я приезжаю в Киев дважды в год, — рассказывает Мирослава. — Обычно это связано с судебным разбирательством по делу моего мужа. Сейчас дело в

суде, и я рассчитываю, что к концу года будет вынесен приговор.

— Была иллюзия, что после победы «оранжевой революции» дело будет быстро раскрыто.

— Одно дело знать имена лиц, причастных к преступлению, даже иметь факты, а другое — сделать эти факты доказательствами, приобщить их к судебному разбирательству. Для того чтобы такие расследования были доведены до конца, нужна политическая воля. Сразу после «оранжевой революции» она была и у президента, и у его команды — но до определенного уровня. К тому времени уже существовали некоторые следственные наработки, и, используя их, арестовали людей, что сейчас на скамье подсудимых. Они обвиняются в непосредственном исполнении убийства моего мужа. И сейчас я борюсь, чтобы наказание понесли не только они. Но чтобы были названы (не только публично — юридически названы) организаторы этого преступления. Однако существует большой властный механизм — система, которую не так легко, если честно, побороть. И даже когда власть меняется, нужно еще очень много усилий, чтоб изменить ситуацию.

> «Все, что произошло со мной, история моей жизни, жизни моего мужа могут стать основой для того, чтобы люди не делали таких ошибок. Я хочу, чтобы те, кто будет здесь собираться, пообщавшись между собой, помогли друг другу выходить из тех сложных ситуаций, в которые могут попадать журналисты».
>
> *Мирослава Гонгадзе*

— Сейчас проблема заключается в сложности получить доказательственную базу, провести ее через суды или это все-таки отсутствие политической воли? А может, даже противоположный вектор, мешающий расследованию?

— Все эти составляющие присутствуют. Во-первых, нет достаточной политической воли (я думаю, что все-таки экс-президенту Кучме дали какие-то гарантии). Во-вторых, существует проблема с доказательствами. У нас есть пленки Мельниченко, но есть и трудности с использованием этих аудиозаписей в суде. Сложно и доказать связи исполнителей и организаторов, поскольку многих людей в этой цепочке нет в живых: или убиты, или совершили самоубийства. Цепь преступления разорвана, ее сложно восстановить — это третье. И четвертое — сама прокуратура неоднородна. На следователей и работников прокуратуры оказывается политическое влияние, и не одного человека. На одних — влияние президента, на других — премьер-министра. И служащие хотят подставить людей из противоположного лагеря, «чужих» боссов. Это одна из причин, почему следствие должным образом не идет.

— Но в конце года предполагается вынесение приговора, Вы говорите, что он коснется лишь исполнителей. Будете ли Вы предпринимать какие-то действия дальше?

— Я предпринимаю их каждый день. Мой представитель работает очень активно и в судебном разбирательстве, и со следствием. Я слежу за процессом, поскольку признана потерпевшей, и знаю свои права. Я подаю много ходатайств (а мне должны отвечать на них через 3 дня): прошу о конкретных следственных действиях, прошу дать информацию. Да, я в Вашингтоне, но работаю буквально каждый день, потому что знаю: если я остановлюсь хотя бы на неделю или на месяц, — могу упустить что-то важное, не сделать шаг, который необходимо было сделать. Сейчас уже я работаю не только над судебным разбирательством, но и над установлением организаторов этого убийства. Гарантировать, что мы получим результат, сложно, но я обязана сделать все, что могу.

Беседовал Андрей Бастунец

Столкновения противников украинского президента с милицией в Киеве. 19 декабря 2000 г. Участники акции требуют отставки президента и силовых министров в связи с исчезновением журналиста Г. Гонгадзе.

М. Леонтьев: «Путина в России воспринимают как выборного царя»

Эксклюзивный комментарий Михаила ЛЕОНТЬЕВА для KM.RU

Честно говоря, большой интриги на предстоящих 2 декабря думских выборах я не вижу. И это даже хорошо. Кто сказал, что на выборах обязательно должна быть интрига? В глобальном смысле — то есть, когда результаты оказываются не такими, как предсказывали все социологические службы и эксперты. Ведь для этого нужен какой-то политический или экономический катаклизм. А нам он, согласитесь, совсем не нужен.

Следует признать, что парламентаризм в России никогда не имел первостепенного значения. И так будет продолжаться еще достаточно долго. На это работает целый ряд причин. Дело в том, что система парламентских партий находится еще в стадии формирования. Хотя формируется она сверху и достаточно последовательно, она еще далека до завершения. Но это — техническая причина. Гораздо важнее то, что в общественном сознании России представительное учреждение занимает не самое высокое место. Ну, не считают наши граждане этот орган более (или хотя бы таким же) легитимным, как и президента, и все тут.

Впрочем, это не имеет отношения к демократии как к таковой (если мы говорим о канонах ее западной либеральной модели). Кто такой президент, это всем в России ясно. Основой легитимности президентской власти является всеобщее голосование. По сути, это выборный царь. И это единственный понятный (легитимный) политический институт в России. Все остальные чиновники легитимны постольку, поскольку президент делегирует им часть своей легитимности, формируя правительство.

В России возможен только «технический» парламент

Возьмем судебную власть. Да, у нас нет независимой судебной власти. А кто сказал, что наш народ согласится доверить судьбу кому-то там «независимому» суду?! Исторически общество привыкло к царскому суду, который считается априори более легитимным. Поскольку он реализует волю избранного главы государства. То же самое касается губернаторов.

Обратите внимание: нынешние главы регионов более легитимны, чем прежние. По той же самой причине: полномочия им делегирует сам президент. В нынешней ситуации губернаторы — это уже не столько публичные политики, сколько хозяйственные чиновники, вписанные в административную вертикаль. И общество гораздо больше доверяет тем губернаторам, которые выполняют задачи, поставленные перед ними президентом, а не занимаются экономическим перераспределением в свою пользу.

Photo.bymedia.net

То же самое касается и нынешнего парламента. Он легитимен постольку, поскольку в нем доминирует та партия, которая поддерживается главой государства. Теперь представьте себе, что при сверхпопулярном президенте с зашкаливающим рейтингом доверия мы бы получили парламент, который только бы и делал, что вставлял ему палки в колеса. Как это было при Ельцине. Так что технический характер парламента — это единственная возможность его легитимного существования. Тогда общество готово его спокойно терпеть, воспринимая как необходимый атрибут демократии.

Таким образом, когда мы говорим о предстоящих парламентских выборах, следует иметь в виду, что они судьбоносны лишь в том смысле, что способны стать неким индикатором общественных настроений. Но вопрос о перераспределении властных полномочий в рамках российского парламента по определению не решается. Думские выборы на этот процесс могут оказывать лишь самое опосредованное влияние — как показатель изменений в общественных настроениях. Это своего рода общероссийский плебисцит по широкому кругу вопросов внешней и внутренней политики страны.

Оппозиция — это не те, кто призывает к свержению строя

Теперь имеет смысл обратиться к расстановке партийных сил перед выборами. По моим прикидкам, «Единая Россия» получит на них около 50% голосов избирателей. Это с точки зрения научной социологии. Если «ЕР» получит меньше, это будет уже странно. Как, впрочем, и если наберет больше. Некоторые из политических оппонентов единороссов такую социологию, естественно, клянут на чем свет стоит.

Хотя, если задуматься, чистые 50% по определению исключают возможность сколько-нибудь значимой фальсификации результатов выборов. В ней просто нет необходимости. Понятно, что путинское большинство гораздо шире «Единой России». Вторым его крылом и должна стать «Справедливая Россия». Причем, я бы не стал использовать популярный термин «партия власти». Потому что в любой нормальной стране все парламентские партии являются (или стремятся стать) партией власти.

Конечно, в кризисной ситуации в парламенты иногда попадают маргиналы вроде радикальных коммунистов, неонацистов или сепаратистов. Сам факт попадания таких сил в парламент свидетельствует о начале кризисных процессов в обществе. Посмотрите, какие партии в Британии или Германии не являются партиями власти. Например, ПДС (крайне левые) в Германии. И то эта партия очень сильно интегрирована в политическую систему страны и давно уже не выдвигает никаких страшных и злобных лозунгов. И все равно СДПГ (социал-демократы), как черт от ладана, шарахаются от идеи предвыборного блокирования с ортодоксальными коммунистами. А так там все партии — партии власти.

В России почему-то бытует представление, что «настоящая оппозиция» — это лишь те, кто призывает к свержению существующего строя. А все остальные, дескать, — это лишь различные модификации «путиноидов» и «кремлевских подпевал». Понятно, что в такой извращенной системе координат на гордое звание «оппозиция» могут претендовать лишь те партии, которые «пригвождают» власть «к позорному столбу», обвиняя ее в «преступлениях против человечности». Только вот ни в одной нормальной стране мира таких партий в парламентах нет. Конечно, такие люди имеют право голоса, но за ними всегда внимательно следит полиция. Даже в странах с наиболее демократическим и толерантным правящим режимом.

КПРФ — это «партия-брендоноситель»

Понятно, что эсеры рассчитывают на часть левого электората. А точнее, на тех избирателей, которые видят в «справедливом царе укорот для злых бояр». В их представлении «Единая Россия» — это как раз такая «партия злых бояр». Естественно, что голосовать за нее им совесть не позволяет. Но и перечить «справедливому царю» у них намерения нет. Для них в электоральном пространстве и существует «Справедливая Россия».

Теперь о том, что касается левого электората. Здесь малая интрига выборов заключается в том, удастся ли «Справедливой России» перетянуть на свою сторону электорат традиционных левых. Я имею в виду КПРФ. Понятно, что это сейчас «партия-брендоноситель». И (кроме последнего) у нее нет ничего — ни идеологии, ни реальной политики, ни кадрового потенциала. Хотя бренд, следует признать, сам по себе мощнейший. Сейчас руководство КПРФ открыто приторговывает этим раскрученным брендом. И будет делать это до тех пор, пока бренд СССР будет привлекательнее бренда новой России. То есть не дольше того момента, когда посткоммунистическая Россия продемонстрирует более конкурентоспособный образ по сравнению с образом Советской державы. И тогда КПРФ в политическом смысле окончательно «стухнет».

Есть у них еще одна проблема — на самом деле, больше всего на свете коммунисты боятся получить власть. Руководству КПРФ в страшных снах снится ситуация, когда на них ни с того ни с сего вдруг сваливается власть. Понятно, что электорат коммунистов это интуитивно чувствует. И это его порядочно демобилизует. Потому что отсутствует рациональный стимул приходить на избирательные участки и голосовать за партию, которая боится прийти к власти. А партфункционеры из КПРФ боятся потому, что им и так хорошо живется. Носят себе люди бренд и носят, а вот получат власть — и должны будут принимать решения, за которые потом придется отвечать. Тем более, что в последнее время коммунисты ведут себя достаточно конвенционально (не то, что их гораздо

более «отвязные» идейные коллеги с Запада).

ЛДПР — это не партия, а «шоу-проект» одной персоны

Четвертый крупный игрок — это Жириновский. До сих пор главной проблемой ЛДПР было то, что эта политическая организация, по большому счету, никогда и не была партией. Это скорее «шоу-проект» одной персоны. В одном ряду с «Танцами на льду» и т. д. По большому счету, такой проект был бы оскорбителен для нормальной политической системы. Однако, поскольку российская политическая система не вполне нормальна, нашим избирателям оскорбляться совсем не обязательно.

Вот говорят: отменили графу «против всех». На самом деле голосование «против всех» — это голосование за Жириновского. Потому что если человек находится в здравом уме и твердой памяти, то он проголосует за ЛДПР только для того, чтобы «плюнуть» в избирательную урну. Захотел человек плюнуть на избирательном участке — это его конституционное право. Для этого есть ЛДПР.

Согласитесь, очень трудно представить себе человека, который, голосуя за Жириновского, рассчитывал бы на выполнение его предвыборных обещаний. Однако по законам жанра любая, даже самая яркая шоу-программа со временем приедается. К тому же клоун уже стар, а его политический цирк порядком измельчал. А самое главное — стал слишком гламурным. То есть сегодня он не подходит даже для выражения протеста. И, судя по всему, Жириновский уже не способен будет удержать значительную часть протестного электората.

Заморозки или отморозки?

Одна из основных особенностей «управляемой демократии» выражена в ее названии — вертикаль власти. Конструкция вертикали не предполагает разделения властей — «разделенная вертикаль» рискует рухнуть.

Соответственно, в России и нет реального разделения властей, или, как минимум, это разделение очень слабо выражено — на практике законодательная и судебная власть, а также СМИ подчиняются власти исполнительной.

Разные «ветви власти» не живут своей жизнью, а механически крепятся на вертикаль административной власти. Это факт общеизвестный, хотя, по понятным причинам, его редко называют.

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

Парламент. Каковы его полномочия? Практически во всех европейских странах парламент формирует правительство. В США, где правительство предлагает президент, Конгресс долго мучает каждого кандидата, прежде чем соизволит его утвердить. У нас этого нет.

Правда, у Думы есть вполне престижные, почетные обязанности — разрабатывать и принимать законы, утверждать бюджет.

Однако ни для кого не секрет, что кроме вполне конкретного лоббирования (весьма питательного для отдельных лиц, корпораций и т. д., но не имеющего серьезного политического значения) никаких принципиальных изменений в правительственный вариант бюджета Дума не вносит и вносить не может. То же — еще в большей степени — относится и к законам. Общеизвестно: Дума, в общем, гладко принимает спущенные ей из Кремля и Белого дома законы.

Да и как могло бы быть иначе? В СМИ совершенно открыто, как о банальности, пишут, что руководство всех парламентских (и не только парламентских) партий «ходит в Администрацию». Далее, ясно, что нет дураков финансировать партии без приказа начальства — зачем искать на свою шею неприятности, тем более что пользы от этих самых партий все равно никакой.

Или взять историю возникновения партии «Справедливая Россия»: почему ей удалось проглотить «Родину», хотя Партия жизни (Миронова) по итогам выборов-2003 в Думу не попала, а «Родина» попала? Риторический вопрос — ясно почему. Как ясен и другой интересный факт: 66% членов Совета Федераций входят в «Единую Россию», а председателем выбирают лидера СР! С точки зрения интересов самих партий факт малопонятный, с точки зрения пасьянсов, которые раскладывают в исполнительной власти, — вполне очевидный.

Таким образом, политическая борьба партий — это, в конечном счете, игра Администрации с самой собой.

Если обратиться к другим ветвям власти, то и здесь картина абсолютно очевидна. Один из главных тезисов всех политиков, включая вполне лояльных власти: «Нам нужен независимый суд». Раз он «нужен», значит, его нет. А его и правда нет — когда речь идет о принципиально важных делах, совершенно очевидно, что суд «учитывает мнение» исполнительной власти.

Четвертая власть — СМИ. Есть более или менее независимые электронные и (реже) печатные СМИ. Но ТВ, федеральные ТВ-каналы, которые только и определяют реальные настроения миллионов людей, разумеется, подконтрольны все

той же исполнительной власти. Это, опять же, абсолютно ни для кого не секрет — да и какой тут может быть секрет! Смотрите, слушайте, наслаждайтесь — и все увидите, услышите.

Итак, повторяю, законодательная, судебная власть и СМИ — все они так или иначе крепятся на одной и той же вертикали исполнительной власти, примерно так же, как все отрасли экономики крепятся на нефтегазовой трубе.

Ясно, что это плохо. Разделение властей — не дурь, не мода, не подражание Западу, а реально очень полезный, проверенный в мире, незаменимый механизм саморегуляции и саморазвития общества.

Ясно и то, что, когда разделение властей провозглашается, но реально более или менее отсутствует, это порождает дополнительные неприятные эффекты — лицемерие, двоемыслие.

Неясно лишь одно — какова альтернатива?

В истории России было два периода относительной независимости, реального разделения ветвей власти. Возникала эта независимость, когда трухлявая вертикаль исполнительной власти падала и разваливалась на куски. Так было в 1917-м и в 1991–93-м.

Не буду рассуждать про 17-й год — как говорится, это было давно и неправда. Неправда в том смысле, что нельзя механически переносить тот опыт в наши дни. Там была война в полуграмотной крестьянской стране при наличии сплоченной партии большевиков, целенаправленно валившей страну, чтобы влезть ей на голову. Ни одного из этих условий сегодня, к счастью, нет.

Но вот с 1991–93 годами сравнить сегодняшний день можно.

Слов нет — для нашего брата–журналиста 1991–93 были длинным профессиональным праздником. Мало того, что мы барахтались и фыркали в фонтанах свободы, какой еще свет не видывал. И жить нам было не только веселее, чем сегодня, но и лучше — ощущать себя властью (а не обслугой власти) вообще приятно и выгодно.

Митинг против цензуры на телевидении и в поддержку свободы СМИ у здания телецентра Останкино. Участники митинга изображают «информационную вертикаль», существующую в России

Что касается судебной власти, то ее как таковой в тот период свободы и отсутствия вертикали, по странному стечению обстоятельств, как-то тоже не было — споры о собственности решались в рабочем порядке, «нет человека — нет проблем».

Зато законодательная власть — съезд нардепов СССР и РСФСР — как говорится, «цвела и пахла». Но, отделившись от власти исполнительной, она и не подумала жить своей отдельной жизнью. Нет! Законодательная власть согревалась борьбой с властью исполнительной, а исполнительная боролась с законодательной. То есть, по сути, сам принцип разделения и взаимодействия отвергали обе власти. Вместо разделения у них возникла мысль разделаться друг с другом. И та и другая были пронизаны общей уверенностью: «Я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак». Осталось только выяснить, кто начальник.

Вопрос был решен в октябре 1993-го. Это и было высшим проявлением разделения властей — разделились до разных вооруженных отрядов включительно. Танк исполнительной власти победил. Что и было зафиксировано в «исполнительной Конституции», тогда же продиктованной и принятой.

И хотя в этой Конституции в зародыше уже содержалось то 100%-ное доминирование исполнительной власти, которое мы наблюдаем сегодня, процесс шел медленно.

Еще в течение добрых восьми лет, до начала 2000-х годов, существовала хоть какая-то независимость законодательной власти. Казалось бы — ну уж на этот раз все отлично. Независимость — есть, а попыток перевернуть лодку больше уже нет. Но много ли пользы принесла независимая законодательная власть?

Дума принимала заведомо невыполнимые, популистские бюджеты — что и стало одной из причин дефолта-1998. Качество общегражданских законов, по оценке большинства экспертов, в «независимой Думе» 1990-х было ниже, чем в зависимой Думе 2000-х.

Партии, умевшие найти путь к сердцу избирателя, были мало того что полными популистами, они являются, конечно же, противниками демократии — будь то партия советского реванша (КПРФ) или же «соколы» Жириновского. Кроме них получала много мест и какая-нибудь партия начальства, типа НДР (прообраз современных «партий

власти»), тоже не замеченная в великой любви к свободе. А вот партии, которые при всех своих очевидных глупостях являлись все же партиями убежденных демократов — «Яблоко», «СПС» (в 1990-е — «Выбор России»), неизменно плелись в хвосте. Демократический выбор народа не поддерживал демократов.

Под словом «демократия» я понимаю не только возможность большинства рычать все, что вздумается, но и гарантии прав меньшинства, соблюдение прав человека, записанных в соответствующей международной декларации, строительство открытой страны и т. д.

Если взять судебную власть, то и здесь мы видим много интересного.

Вот суд присяжных — он считается большим демократическим завоеванием. И мы видим их «бабье-жалостливые» приговоры. Прямые нацисты получают — всего-то лишь за убийства — смешные сроки (а то и условные), под причитания: «Да ведь это наши дети». Подумаешь, таджика убили — что ж, из-за всякого таджика своих ребят будем мучить?!

Вот такие пироги.

Читатель, наверное, уже передернул плечами: «Ну, ясно, «не доросли, надо годить». Оригинальный вывод! Уточните только, please, сколько еще годить — лет двести? Или сто годов хватит? И в какой же позе лучше «годить» — стоя (лежа) на месте или отползая назад?

Ладно, на «святом Западе», в европейском раю шли к демократии и разделению властей бесконечно долго, аки евреи по пустыне. Ну, а на братской Украине?! Они что — из другого теста, чем мы, сделаны? У них-то есть и независимые СМИ (т. е. олигархические, но принадлежащие разным олигархам, без «дирекции единого заказчика»), есть и разделение исполнительной и законодательной властей. И ничего — живут братья-славяне! Или будем кричать, что у них там «ужас, ужас, ужас»?

Нет. Не будем кричать. Нет у них «ужаса», а есть — в условиях той самой «политической нестабильности» — рост экономики на 11% (без нефти!) за первое полугодие сего года (правда, ВВП на душу населения все равно много меньше, чем у нас). Не знаю, в чем тут штука, но факт: у них разделение властей не кончилось ни перестрелкой, ни тем, что одна власть нежной веткой обвила горло другой.

Да, общая у нас история, верно. В одном тоннеле брели. А вышли — в разные стороны. Но их удачный опыт не отменяет неудачи нашего опыта. А учиться надо все-таки на своих ошибках — пока их не преодолеем, нам чужой опыт не наука.

Если всем опытом истории доказано, что разделение властей необходимо, то, значит, отступать от него — даже под влиянием реальных неудач и проблем — все равно нельзя. Значит, надо, пусть медленно, но неуклонно двигаться «вперед и только вперед!». Так? Так. Теоретически. Но, как только эту теорию переносишь на практику — невкусно становится.

Ну вот, скажем... Представим себе, что после ухода Путина новый президент будет иметь более низкий авторитет — и канат власти начнет перетягиваться в сторону Охотного Ряда, и начнется то самое разделение, хотя бы зачатки его. Хорошо будет? По-моему — очень плохо. Как только депутаты выйдут (если выйдут) из-под тяжелой руки Администрации — тут мы многое сможем увидеть. И популистские законы. И абсолютно открытый лоббизм — это так, политкорректно выражаясь. И фейерверки национализма. Все, что греет душу избирателю. Демократия? Ну и шагнем навстречу большинству...

Кто-то, может, и обрадуется. Я — нет. Большинство — как мне кажется — еще куда менее демократично, чем правящая исполнительная власть.

Представим себе, что выборы идут «стихийно», при отключенном «административном ресурсе». Кому это на пользу? Ясно кому — националистам. Да, пожалуй, даже не «рогозинского разлива», а более отмороженным. Ну и отлично — зато демократично будет! «Мне глубоко чужды ваши взгляды, но я готов отдать жизнь за ваше право их высказать» — не так ли?

Нет, не так! Держи карман шире! Мне глубоко чужды ваши взгляды, я их считаю опасными не только для себя, но и для страны — и совсем не хочу, чтобы их высказывали. То же самое относится и к еще одной, то вспыхивающей, то гаснущей идее — превратить РФ в парламентскую республику. Спасибо — не надо. «Интересное начинание — но не для нашего климата».

А уж если партии начнут формировать исполнительную власть... Тогда — одно из двух. Или вскоре получаем «диктатуру партии» — т. е. опять монополизм все той же исполнительной власти, в самом ее худшем виде (власть=партия), или же имеем популистский хаос, «борьбу за любовь народа» между абсолютно безответственными политиками.

Так что же в итоге — по факту не нужно (опасно) нам разделение властей? Все эти разделения, парламентские демократии — отныне и до веку «бессмысленные мечтания» (Николай II)? Остается уповать на просвещенный авторитаризм, на то, что «правительство у нас — первый европеец» (Пушкин)?

Конечно, с Пушкиным не поспоришь — «наше все». Но в телячий восторг я бы по сему поводу впадать не спешил.

Во всяком случае, не грех вспоминать и другую, более скептическую цитату: «В России две напасти. Внизу — власть тьмы. Вверху — тьма власти».

Так где же истина?

Не думаю, что существует одна универсальная истина на все времена. И все же, исходя из сегодняшних реалий: лучше политические заморозки, чем пляшущие отморозки.

www.vz.ru

Четверть века назад, 10 ноября 1982 года, на семьдесят шестом году жизни скончался Леонид Ильич Брежнев. О его смерти было объявлено лишь сутки спустя. Сутки страна жила без своего руководителя — и не знала этого. А когда узнала — ужаснулась. С непривычки.

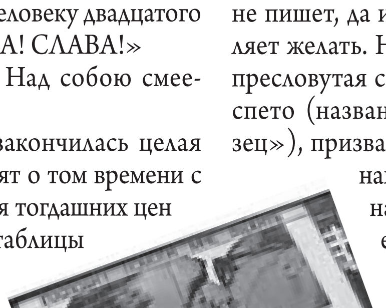
Андрей БАСТУНЕЦ

НА СМЕРТЬ ЭПОХИ

С 1964 года Леонид Ильич был первым лицом государства. Вначале это лицо было молодым и привлекательным, потом — обрюзгшим, оплывшим, еле ворочающим языком. Человек, восемнадцать лет стоявший у руля, вошел-таки в историю — но вошел персонажем анекдотов. Легче всего сейчас вспомнить один-другой из них, посмеяться, но это похоже на пляски на гробах. Лучше вспомним, как аплодировали и подымались в едином порыве залы съездов и пленумов, как писались литературными «неграми» «Малая земля» и «Целина», а потом в школах на уроках литературы преподаватели рассказывали о несомненных художественных достоинствах этих книг, как фундаментальные научные труды (неважно, в каких областях знания) в обязательном порядке украшались цитатами из произведений и речей лидера страны, как одна за другой вешались на постепенно стареющую грудь золотые Звезды Героя Советского Союза (четыре, и еще одна — Героя Социалистического Труда) и ордена Ленина (восемь!), как незадолго до смерти Генерального секретаря на одном из высоких собраний выдрессированные пионеры хором скандировали: «Великому человеку двадцатого столетия — СЛАВА! СЛАВА! СЛАВА!»

«Над кем смеетесь? — Над собою смеетесь!»

Со смертью Брежнева закончилась целая эпоха. Сейчас многие говорят о том времени с тоской. Динамика изменения тогдашних цен на водку помнится лучше таблицы умножения, а колбаса за два двадцать и хлеб за четырнадцать копеек стоят того, чтобы с тоскою смотреть назад, в прошлое. Которого не существует, а может, и не существовало: когда бесплатным было жилье, а цены в санатории и дома отдыха — доступными, когда Родина простиралась на одну шестую часть суши, и кружила голову мысль, что посчастливилось родиться именно в этой стране, а не в какой-либо другой, а ведь могло бы (тьфу-тьфу) быть и по-другому! Когда литература была великой, а деревья — большими, когда молодежь ходила в походы и пела у костра над рекой, а в реке еще водилась рыба, когда девушки улыбались, и в улыбках их жило обещание, и обещания исполнялись... Одно плохо: бананы тогда были зелеными, и за ними приходилось выстаивать длиннющие очереди. И понятие «туфли» считалось родовым: что привезли, то и хватай, какие там фасоны да расцветки! И популярные книги продавались лишь за макулатуру, а техника — по записи. И…



«Ничто на земле не проходит бесследно, и юность ушедшая все же бессмертна!» — поет голосистый Александр Градский. «И Брежнев — такой молодой!» — вторит ему Краснознаменный Ор. И вот уже в другой стране, но здесь же, на этом самом месте, другой вождь, еще недавно «такой молодой», накручивает один за другим годы пребывания у власти. Тринадцать (несчастливое число), до «совершеннолетия» — всего пять. Правда, на грудь звезд с неба лидер не хватает и «оригинальных» книг не пишет, да и динамика цен… того… оставляет желать. Но цитировать уже цитируют, и пресловутая стабильность, о которой столько спето (названная злопыхателями «стабилизец»), призвана напомнить о золотых временах. История замедляет свой ход и начинает двигаться вспять, строем и с песнями, туда, в прошлое, в комсомольскую юность, когда было все, и все сразу — и куры, и человеческие яйца!

Одно плохо: бананы тогда были зелеными.

Елена НОВОЖИЛОВА,
экономический
обозреватель
компании БелаПАН
(интернет-издание
«Белорусские новости»)

Пишем про экономику

«Каждая случайность закономерна, каждая закономерность есть цепь случайностей», — говаривали отцы диалектики. Знали, чем унять смятение очутившегося в журналистике экономиста.

Первое мое удивление, испытанное при появлении семь лет назад в «БДГ», — как немного в редакции дипломированных журналистов: титан спортивной мысли Борис Тасман оказался «по происхождению» учителем географии, знаток политической кухни Дима Дригайло — музыковедом, «заслуженный деятель культуры» Сережа Шапран — филологом…

Это обстоятельство отчасти смикшировало мои терзания «а смею ли я занимать чье-то место?», но, как оказалось позже, среди пишущей на экономические темы братии нежурналисты по образованию — не редкость, редкость — экономисты. Владимир Яковлев — основатель «Коммерсанта» — в свое время говорил, что легче экономиста научить писать, чем журналиста научить экономике. Возможно, где-то и переобучают, но в Минске мне такие дивные места неизвестны, а потому неслучайно скептики сетуют на практическое отсутствие профессиональной бизнес-журналистики в здешнем медиа-пространстве, призывая готовить летописцев деловой жизни в университетах и преподавать им азы экономики. Для человека, со студенческой скамьи связывающего себя именно с этим направлением, базовые знания, безусловно, необходимы: сложно объяснять другим то, чего сам не понимаешь.

Однако уверяю вас: многие из тех немногих, кто качественно пишет об экономике, дадут фору большинству выпускников экономических факультетов и сидящих в научных организациях начетчиков. После работы в исследовательских центрах Минэкономики и Академии наук сравнение провожу небеспричинно, и кто для кого выступает источником информации — также вопрос диалектики. Годы практики делают для журналиста свое дело: «*Теория, мой друг, суха, лишь древо жизни вечно зеленеет*». Без самообразования, я полагаю, никто также не обошелся: хотя бы буквари экономической теории

и экономики предприятия одолеть необходимо, иначе даже в простейших информационных заметках неизбежны ошибки: рост, темп роста и прирост — это разные вещи.

В основном же в деловую, как и в прочую, журналистику идут, что логично, «чистые» журналисты, у которых нет системного видения предмета. И лучшее, чего можно в этом случае ожидать, — механическая отписка с невнятными акцентами.

Между тем экономика — живой организм, многоуровневая система, где все взаимосвязано, все подчинено давно открытым законам. И эти взаимосвязи можно либо изучать в вузах, либо познавать по ходу дела.

В этом материале, с вашего позволения, я не буду уходить в себя, размышляя о том, что такое профессиональная экономическая журналистика, почему класс деловых журналистов-аналитиков в Беларуси пока не сложился («а смею ли я?»), а лишь попытаюсь понять, как я сама выстраиваю свою работу.

Заумный текст — еще не признак...

Если принять за аксиому правило любого журналиста: «В основе материалов — только факты» (применительно к экономике это — цифры), и не присваивать прописной истине порядковый номер, то первый мой принцип — «На всякого мудреца довольно простоты».

Как часто лично вы прочитываете до конца экономическую полосу в любимой газете или не переключаете телеканал, когда натыкаетесь на экономическое обозрение? Когда и как новости экономики превращаются для вас в жизненно важные, а еще лучше — в житейские?

Думаю, если такое и происходит, то в случае, когда это сделано интересно, подано доступно (но не примитивно), с настроением (но нелегковесно). То есть, прежде всего, нужны факты, а уж потом их можно перевирать (шутка, причем не моя — Марка Твена).

Простой пример. Действует в экономике теория предельной полезности (Theory of marginal utility), определяющая закономерности поведения потребителей на рынке, формирование спроса и вид его кривой, общий закон ценообразования.

Photo.bymedia.net

Сформулированная в XIX веке немецким ученым Германом Гессеном, она гласит: полезность каждой предельной (дополнительной) единицы блага сокращается.

Абстракция — скажете? Отнюдь. Это значит, что для голодного студента первая проглоченная сосиска будет бесценна, вторую он уничтожит с большим удовольствием, чем третью, есть ли пятую, подумает, а от восьмой, наверняка, откажется — вежливо, конечно.

И в человеческой жизни предельные величины играют гораздо более важную роль, чем абсолютные. Скажем, сторонники единой ставки подоходного налога утверждают, что тяжесть налогового бремени, например, в 13% на доход в 100 тыс. рублей и в 100 млн. рублей равна. Что человек с одинаковой легкостью расстанется как с 13 тысячами из ста, так и с 13 миллионами из ста. Увы, это не так. Полезность у этих денег разная. И тяжесть расставания, стало быть, тоже.

Антон Павлович Чехов, как можно догадаться, не заполнял медицинские карты больных таким же дивным языком, каким писал свои рассказы и пьесы. Печально, если каталог публикаций журналиста будет похож на шкаф с медицинскими картами.

Вместе с тем нельзя не отдавать себе отчета в том, что читательская аудитория отличается интересами, уровнем подготовки и желанием видеть узкоспециализированную информацию. Когда я впервые на тематическом безрыбье сделала обзор с элементами анализа финансового рынка, позвонили из редакции одной из экономических газет с вопросом, будет ли продолжение. Значит, есть люди, которым это интересно или нужно для работы. С тех пор

раз в месяц я ворошу мировые деньги «не на шутку», со всей полагающейся случаю серьезностью и специфичностью терминологии.

Три источника. А может, больше

Не знаю, почему (правда, не знаю), но за последнее время мне несколько раз задавали один и тот же вопрос: где и как я достаю информацию. Открывать секреты не буду. Не потому, что жадная, а потому что их нет. Не работая в жанре журналистского расследования, я не ставлю себе целью добывать сенсации. Если они и получаются, то непроизвольно — сработал прогноз, хотя и говорят, что природа придумала экономистов для того, чтобы синоптики на их фоне поприличнее выглядели. Профессиональное ощущение социально-экономического неблагополучия — а острая журналистика — это, видимо, и есть «литература неблагополучий» — нечто более серьезное, чем нюх на «жареное».

Photo.bymedia.net

Для меня важно иметь информацию, а откуда она пришла, в известном смысле неважно: я активно пользуюсь новостными лентами информагентств, присутствую на презентациях и мероприятиях, причем особенно люблю те из них, которые, на первый взгляд, не сулят ничего интересного. По опыту знаю, что даже на самом скучном собрании можно «запеленговать» потенциального ньюсмейкера. Точно так же мои любимые пресс-конференции — «тихие» и «гладкие». Именно на них, как правило, цепляешься за что-нибудь этакое. Здесь как раз важно системное представление и понимание, что маленькая шестеренка, о которой сказали, зацепит другую, и процесс пошел.

Каких-то материалов не было бы вовсе, а какие-то потеряли бы в весе, если бы не были подкреплены мнениями экспертов. Но эти мнения — болевая точка белорусской экономической журналистики. Найти цветущий папоротник проще, чем компетентного и независимого в суждениях «комментатора». Поэтому я очень признательна своим верным помощникам: Леониду Заико, Леониду Злотникову, Станиславу Богданкевичу, Михаилу Залесскому, Александру Потупе и, конечно, Ярославу Романчуку, с которым мы вместе учились в аспирантуре (его руководителем был Леонид Федорович) — вот уж кто в любой момент готов рассуждать на любую тему, вплоть до проблем шаманизма на крайнем Севере.

Подспорье — адекватные пресс-службы, хотя, конечно, большинство ведомств и компаний выстраивают их в качестве заградительного сооружения. Но если с пресс-службой наладить хорошие отношения, станешь приоритетным получателем информации, а то и вовсе могут эксклюзив выдать.

Скажем, поступило белорусской стороне из управления информации «Газпрома» предложение провести встречу 31 декабря в Москве. Сообщить с пылу с жару о подписании контракта или нет? Но нужна ли была такая спешка, если письмо с изложением условий подписанного договора уже лежало в моем «почтовом ящике», пока Миллер и Сидорский пожимали друг другу руки. Для оперативных расчетов потребностей, возможностей и будущих проблем страны ничего большего и не требовалось.

С местными пресс-службами, особливо министерскими, — дело иное. Здесь, как правило, никакие подходы не работают: боязнь пострадать за общение с прессой у них на клеточном уровне. Да и несовершенство законодательства позволяет либо скрывать объективную информацию, либо давать откровенную дезинформацию, «не нарушая правил». Поэтому сведения, полученные официальным путем, редко бывают основными, чаще они лишь подтверждают (и то косвенно) или противоречат имеющимся.

Даже те СМИ, с которыми чиновники обязаны общаться,

Фото Анатолия Клещука

взяли моду ссылаться на анонимов. Недавно одно респектабельное агентство сделало ньюсмейкером и вовсе «источник, близкий к финансовым кругам». К чьим финансовым кругам приблизился «источник», осталось тайной.

Так что февральское письмо премьера Сидорского с требованием «обеспечить широкое использование в СМИ официальной информации органов государственного управления» и поручением правительству «наладить конструктивное сотрудничество с негосударственными изданиями, которые освещают экономику страны», помогло независимой прессе меньше, чем мертвому припарка.

Евросоюз недавно также издал исконно «наш» документ — директиву, но не для чиновников, а для журналистов, пишущих об экономике. Европейская комиссия одобрила Директиву по объективному освещению экономических и финансовых тем, введя жесткие нормы: в каждой бизнес-статье, где есть анализ работы отдельных отраслей или компаний, автор должен поименно указывать все свои источники. Но причина! Сделано это якобы для того, чтобы «избежать использования журналистики для манипуляции инвесторов в интересах отдельных компаний и инвестиционных фондов». Краху весной 2000-го многих компаний, работающих в секторе интернет-технологий, по мнению европейских экспертов, поспособствовали мировые СМИ, создав в конце 1990-х атмосферу оптимизма вокруг этих предприятий. В итоге многие инвесторы не досчитались круглых сумм.

Наряду с требованием раскрывать всех информаторов директива устанавливает и четкие критерии для использования инсайдерской информации, которая также является объектом специального регулирования.

Несколько крупнейших газет, включая «Financial Times», объявили, что будут отстаивать свое право на свободу информации в Европейском суде по правам человека в Страсбурге. Они в Беларуси не работали, где не то, что с инсайдерской, — с публично озвученной информацией невозможно разобраться.

Буквально на следующий день после публикации материала «Белорусов пересадят в китайские автомобили?», где нехитрые математические расчеты по поводу местной сборки китайских легковушек в промышленных масштабах доводили до понимания высоких стратегов экономическую авантюрность этого проекта, первый замминистра промышленности Иван Демидович на брифинге по случаю открытия автосалона подтвердил: надо бы тщательнее просчитать экономику. Дошли до меня слухи, что нажил себе проблем Иван Иванович после этого выступления. В последующих статьях я больше не упоминала в своих доводах позицию замминистра, чтобы не провоцировать ненужную травлю человека. Не уверена, что такой шаг, с точки зрения журналистики, правильный, но по-человечески верный точно. И это еще один мой важный принцип: к ограниченным возможностям IQ подключать EQ — «эмоциональный интеллект», с помощью которого человек может посмотреть на ситуацию глазами другого.

Если развить в себе эту способность да приложить к ней тягу к экономической науке, то наверняка попадете в широко раскрытые объятия деловой журналистики. А главное, работая с фактами, помните: «*Серьезное лицо — еще не признак ума. Все глупости на земле делаются именно с этим выражением лица*».

Юзік ЛАБЭЦКІ, дацэнт

Як пісаць пра афіцыйную статыстыку

У кожнай краіне ёсць Міністэрства статыстыкі, якое дае інфармацыю. Ёсць журналісты, што за грошы распавядаюць пра «вялікія дасягненні». І публіка, якая часткова ўхваляе, часткова абураецца, а ў большыні сваёй — нічога не заўважае. Якім чынам прыцягнуць увагу публікі?

Для прыкладу мы абралі адну стандартную табліčку з аднаго стандартнага зборніка. Даем табліčку як ёсць і пакрокавы алгарытм стварэння журналісцкага матэрыялу на яе падставе.

1. Абраць кідкі, пазнавальны назоў.
2. Мадыфікаваць загаловак. Практыка сведчыць, што лепей адсякаць непатрэбнае, чым дадаваць нешта. Так вучылі Мікеланджэла і А. Хічкок.
3. Пераўтварыць зыходную табліцу ў выніковую.

Табліца 1 (зыходная).
Спажыванне, харчовая і энергетычная вартасць харчовых прадуктаў у хатніх гаспадарках (у сярэднім на аднаго чалавека)

	Спажыванне асноўных харчовых прадуктаў, кг/год						
	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004
Хлеб і вырабы са збажыны	103	127	117	116	116	107	106
Бульба	117	128	102	104	91	84	90
Гародніна	73	83	83	83	81	80	86
Садавіна	46	31	36	39	42	38	43
Мяса і вырабы з мяса і субпрадуктаў	85	52	50	53	55	54	57
Малако і вырабы з яго	432	344	316	301	293	281	283
Яйкі (штук)	240	201	192	190	197	192	188
Рыба і вырабы з яе	15	9	13	15	16	15	16
Цукар і цукеркі	26	30	26	28	27	22	26
Алей	5	8	10	11	11	10	11
	Харчовая вартасць, г/суткі						
Пратэіны	77,5	66,9	81,8	83,5	84,0	80,4	82,2
Тлушч	123,5	107,1	108,8	110,4	111,3	107,8	110,6
Вугляводы	357,6	390,1	364,7	370,9	361,9	328,9	340,4
Энергетычная вартасць, ккал/суткі	2865	2803	2774	2819	2791	2613	2690

Крыніца: Міністэрства статыстыкі, 2005 г.

А зараз — уласна апісанне вынікаў.

У часы застою ў СССР жылося кепска. Нашы людзі сталі ў чэргах па каўбасу, дзеці бачылі бананы толькі ў кіно, а мандарыны — на Новы год, рыбаю звалі мойву ды ржавыя селядцы. Пакутаваў савецкі чалавек без пратэінаў і вітамінаў.

Табліца 2 (выніковая).
Спажыванне, харчовая і энергетычная вартасць харчовых прадуктаў у хатніх гаспадарках (у сярэднім на аднаго чалавека)

	Спажыванне харчоў, кг/год		
	Застой 1990	Крызіс 1995 + - да 1990	Шчасце 2004 + - да 1995
Хлеб і вырабы са збажыны	103	24	-21
Бульба	117	11	-38
Гародніна	73	10	3
Садавіна	46	-15	12
Мяса і вырабы з мяса і субпрадуктаў	85	-33	5
Малако і вырабы з яго	432	-88	-61
Яйкі	240	-39	-13
Рыба і вырабы з яе	15	-6	7
Цукар і цукеркі	26	4	-4
Алей	5	3	3
Агульная вага набору без яек, кг	902	812	718
	Харчовая вартасць, г/суткі		
Пратэіны	77,5	-10,6	15,3
Тлушч	123,5	-16,4	3,5
Вугляводы	357,6	32,5	-49,7
Энергетычная вартасць, ккал/суткі	2865	-62	-113

Распалася вялікая дзяржава. Раз'ядналіся славянскія народы. Ад таго давялося з'ядаць на паўтара пуда хлебу болей і на два пуды мяса меней. Каровы перасталі даіцца.

Усе лічылі сябе самымі разумнымі і выбралі Прэзідэнта (па новай арфаграфіі тут — чым большая літара, тым лепей). І крызіс прамінуў. Саюзная дзяржава, «Славянскі базар», аграгарадок...

Зірніце на апошні слупочак. Падлічвайце, радуйцеся. Кожны з нас з'ядае хлеба на 21 кг за год меней, чым у часы крызісу, але на цэлую кілю болей, чым у СССР. Бульбы — на 38 кг меней, чым падчас крызісу, і на 27 кг меней, чым у Савецкім Саюзе. І правільна, ад тае бульбы толькі ў жываце буркоча. Садавіны ўжываем на 12 кг больш, чым у крызіс, і на 3 кг меней, чым у застойныя часы. Яна і непатрэбная, бо ворагі славянства разбураюць садавінай халестэрын. А адкуль у нас халестэрын, калі мы мяса і вырабаў з цыцок і хвастоў спажываем на пяць кіляў больш, чым у часы крызісу, і на 28 кіляў менш, чым за Саветамі? У змаганні з халестэрынам мы з'ядаем таксама на 149 яек у год меней за савецкага беларуса.

Карацей, з прычыны крызісу сярэдні грамадзянін стаў спажываць на 96 кіляў розных харчоў меней. Адолеўшы крызіс, ён стаў з'ядаць яшчэ на 96 кг меней. Таму, дзякуючы клопату Адміністрацыі Усіх Узроўняў, мы сталі спажываць на 4,7 грама пратэінаў у дзень болей, а таксама больш на 13 грамаў тлушчу і на 17 грамаў вугляводаў — і меней зубы сціраем, бо ўжываем на 10 пудоў менш харчоў за год, чым за камуністамі.

«Адкуль пратэін?» — завішчыць вечна незадаволены апазіцыянер. У цябе, адкажам яму, ад тваіх заходніх гаспадароў, задавіцеся сваім пратэінам! А ў нас, простых людзей — ад поспехаў і 13 кг гародніны. І яшчэ мы абагналі USA у скарачэнні каларыйнасці. За Беларусь!

Где-то за Кельном, который мы проезжали ночью, началось удивительное. Автобан, вероятно, проходил по какой-то возвышенности, и появилось абсолютно реальное ощущение того, что летишь в самолете. Внизу проплывали маленькие города, по улицам двигались машины, сновали крошечные человеческие фигуры, мелькали рекламы, почти вровень с автобусом, мигая огнями, пролетел вертолет. Это сказочное видение плавно перешло в сон, и…

Париж появился внезапно.

Владимир БАЗАН

Париж! Париж…

Описывать Париж? У кого может подняться рука после Гюго, Бальзака, Хемингуэя? Не хватит пальцев перечислить всех. Снимать, в смысле фотографировать, робкую попытку сделал. Приехал все-таки. Три фотоаппарата стали проглатывать пленку за пленкой, остановиться было невозможно. Но при виде тысяч фототуристов, сотен профессиональных фотографов, наводнивших Париж, трудно не стушеваться. Если бы всех, кто фотографировал этот город, расставить на те места, откуда они запечатлевали красоты столицы Франции, осталась ли бы хоть одна свободная точка для того, чтобы стать на нее и сделать снимок, которого еще не было никогда? Я склонен утверждать, что такой точки нет. Потому что город такой.

На земле существуют таинственные места, где исчезают пароходы, самолеты… Бермудский треугольник, море Дьявола, еще что-то… Одна из версий исчезновения — гигантская воронка, которая все куда-то втягивает. Так вот, может быть, Париж — аномальная зона наоборот? Все лучшие человеческие качества, все яркое, талантливое, гениальное выбрасывается на поверхность. А иначе чем объяснить скопление в одном месте такого количества талантливых людей? В Париже творчество как будто бы «с цепи сорвалось». Человеческий гений, кажется, получил возможность реализовать себя во всем: в транспорте, строительстве, искусстве, во взаимоотношениях между людьми. Это особо заметно приехавшим из стран вечного соцреализма.

Конечно, девяти дней, чтобы узнать Париж, мало. Мы бродили по этому городу, как по давно знакомому и родному. Мы исхаживали его мостовые так, что вечером едва волокли ноги. А засыпали в мансарде на шестом этаже уютной гостиницы вблизи Восточного вокзала мгновенно. Во сне мы продолжали путешествие по Парижу, и, как оказалось сегодня, это странствие будет длиться всю жизнь…

Интересные эти французы… Обращаюсь к пожилой француженке: «Простите, мадам, я ищу дом номер…»

Я не хочу домой…

В ответ она очень громко, на всю улицу, задает мой вопрос стоящей напротив хозяйке цветочного магазина. Та, в свою очередь, кричит вышедшему на балкон третьего этажа седому мужчине. Становится как-то неудобно — так много людей побеспокоил. Мужчина что-то говорит цветочнице, цветочница — нашей мадам, и та обстоятельно рассказывает нам, как найти нужный дом.

Возле старинного лифта красного дерева, с ярко начищенными латунными ручками и кнопками, рассчитанного на двоих человек, сталкиваюсь с симпатичной девушкой и мужчиной. Предлагаю им войти первыми. Девушка заходит, а мужчина пропускает меня.

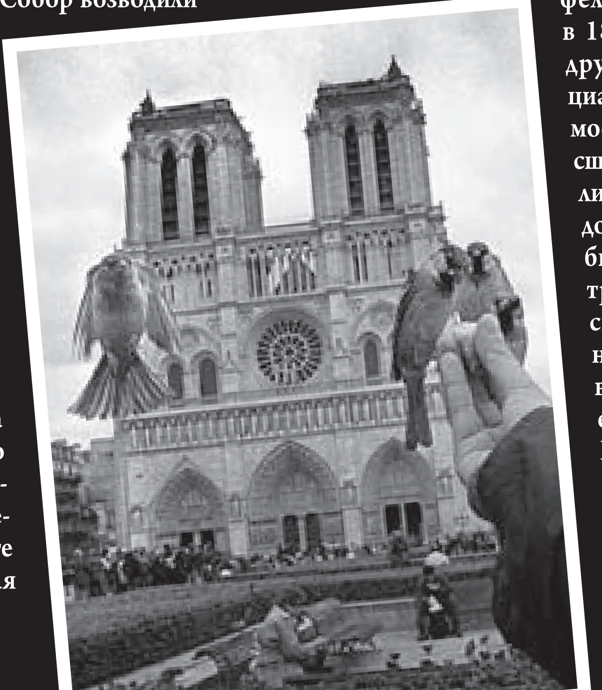
Поднимаемся с ней на третий этаж, и элегантный кавалер, уже взбежав по лестнице, открывает нам дверь лифта…

Французы любят шарфы. Особенно — длинные, толстые. Пальто — и поверх шарф. Пиджак — и поверх шарф. Рубашка — и шарф. Обнаженный торс — и все равно… шарф.

А еще они любят насвистывать мелодии. Причем громко и везде: на улице, в магазине, в ресторане. Такой насвистывающий парень на высокой лестнице в метро, ни слова не говоря, отобрал у меня тяжелый чемодан, донес его наверх до конца лестницы и ушел, так же насвистывая… Париж!

В Париже удивляет все, начиная от водителей, которые уважают пешеходов, а посему в принципе можно перейти на красный свет любую улицу — они уступят и понимающе улыбнутся — и кончая тем, что на мостовых нет пыли и в конце дня туфли остаются такими же чистыми, как и утром. Серый камень, которым выложены тротуары и из которого построено большинство зданий в центре, делает Париж каким-то светлым и южным. Кажется, что, поднявшись на Эйфелеву башню или на другую высокую точку — Монмартр, к собору Сакре-Кер, — увидишь море. Его нет, и все-таки воображение его рисует. В Париже моря не может не быть — здесь есть все.

Остров Ситэ, естественно, располагается на Сене. И, вероятно, это самое посещаемое место Парижа. Как же иначе: ведь в его восточной части находится Нотр-Дам — Собор Парижской Богоматери. Собор возводили так долго, что в истории остались только имена архитекторов, покончивших все-таки с долгостроем в XIV веке — Жан де Шель и Пьер де Монгрей. От нулевого километра на паперти Нотр-Дам измеряется расстояние от Парижа до всех прочих городов мира.



На северо-западе острова — непоколебимая громада Консъержьери. Бывшая тюрьма, среди узников которой была и королева Мария-Антуанетта. Недалеко по этой же улице в доме № 35 на набережной жила когда-то дочь нашего Марка Шагала — Ида… На юге от Консъержьери — знаменитая набережная Орфевр с Дворцом правосудия, рабочим местом комиссара Мегрэ.

«Гнусное зрелище», — говорил Поль Верлен об Эйфелевой башне, построенной в 1887–89 гг. Ругали башню и другие. Гюстава Эйфеля, специалиста по железнодорожным мостам, называли вообще сумасшедшим. Да, видать, недоглядели (в Витебске лет десять назад доглядели, и подобный проект был зарублен на корню) — и трехсотметровая металлическая конструкция вознеслась над Парижем, став вскоре символом этого города и сделав его еще более уникальным. Когда впервые видишь ее, кажется — мираж, не может быть! И тем не менее это она. А ты, дуралей, стоишь на мостовой Парижа…

На севере от Дома инвалидов, если перейти Сену по мосту Александра III (мост был сооружен к Всемирной выставке в 1900 году и символизировал франко-русский дружественный союз), находятся Елисейские поля с площадью Звезды. Или площадью Шарля де Голля и памятником славе французского оружия — Триумфальной аркой. Буквально в двух шагах от арки — популярная во Франции фирма по изготовлению изделий из кожи «Lancel», где работала Мисс Витебск-88, Мисс Беларусь, последняя Мисс СССР витебчанка Мария Кежа. В фирме она приобрела имя и теперь может работать исключительно на себя…

Запоминается Елисейский дворец, который уже почти полтора столетия является официальной резиденцией президентов Франции, и — неожиданно — общественные туалеты, сохранившиеся (да еще как!) с XIX века. Пройдя через площадь Согласия и сад Тюильри, мы оказались под уникальной стеклянной пирамидой — входом в Луврский музей. С XII по XIX век это была резиденция французских королей. В оформлении ансамбля последнюю точку поставил Наполеон III. Вход в музей стоит примерно столько же, как и в другие музеи Парижа, но первого мая нам повезло. Министерство культуры Франции сделало подарок публике — вход был бесплатным.

Перечислить не все, а хотя бы основные ценности, хранящиеся в Лувре, понятно, не представляется возможным. Хотя, допустим, Мона Лиза… Малоизвестная флорентийка, жившая 500 лет назад и с помощью великого Леонардо ставшая идеалом, символом женственности, загадочно улыбается с холста миллионам посетителей Лувра, которые, суетясь и толкая друг друга, стремятся к ней — вечной…

Мы покидали Париж вечером… Автобус вырулил на бульвар Пастера, дорога пошла вниз, и мне на миг показалось, что я в Витебске. Знаете, так бывает, если по памяти рисовать то, что видел много лет назад. Получается нечто похожее: спуск с Кировского моста в сторону вокзала. Все было очень похоже: дома слева и справа, в центре — зеленая аллея, вдали — здание вокзала, и только вместо телевышки Эйфелева башня переливалась мелкими бриллиантовыми искорками…

Фото автора

Права быць вольным

Генадзь КОСАРАЎ

Ва ўкраінскім горадзе Луцку, недалёка ад Беларусі, адбыўся рок-фестываль «Права быць вольным». Прагу да волі сцвярджалі беларускія і ўкраінскія рок-выканаўцы, слухачы і гледачы. Арганізатары спадзяваліся, што правядзенне фэсту на тэрыторыі паўднёвай суседкі стане прыемным падарункам беларускім заўзятарам рок-мастацтва. Але беларускія ўлады амаль перакрэслілі планы і тых, хто браў удзел у фестывалі, і тых, хто ехаў паглядзець канцэрт.

Арганізатары замовілі для моладзі, што жадала ехаць на музычнае свята, транспарт — ён мусіў давезці гасцей наўпрост да месца правядзення імпрэзы ў Парку Лесі Украінкі ў цэнтры Луцка.

Радзіма трымае ўчэпіста

У двух аўтобусах знаходзіліся каля ста аматараў беларускага року, пераважна моладзь. Аднак адзін з аўтобусаў супрацоўнікі міліцыі затрымалі ля Стоўбцаў. Яго пасажыраў перасадзілі ў «аўтазакі» і завезлі ў пастарунак, дзе на маладзёнаў былі складзеныя пратаколы. Прычын гэтага людзям, якіх пратрымалі да чацвёртай гадзіны раніцы, не патлумачылі.

Другі аўтобус быў «перахоплены» ля Дзяржынска, недалёка ад беларускай сталіцы. Юнакоў і дзяўчат з яго проста «выкінулі» і прымусілі вярнуцца назад у Мінск. Дарэчы, абодва транспартныя сродкі без тлумачэння падставаў папросту арыштавалі. Далей да Луцка дабіраліся толькі самыя стойкія — пару дзесяткаў чалавек, многім з іх давялося выкарыстаць метад «аўтастопу».

Не нашмат лягчэй было і музыкам, якія выправіліся на фестываль некалькімі гадзінамі раней за сваіх прыхільнікаў. Спакойна яны дабраліся толькі да беларуска-ўкраінскай мяжы, дзе іх чакала зусім не вясёлая працэдура кантролю. Калі ў пасажыраў звычайнага грамадскага транспарту пры выездзе з Беларусі ва Украіну не патрабуюць запаўняць мытныя дэкларацыі (СНД усё ж, жорсткіх межаў, быццам бы, няма), то музыкаў змусілі гэта зрабіць. Папярэдне памежнікі забралі ў іх пашпарты — а не ўсе ж трымаюць свае рэквізіты ў памяці, — таму працэдура «паператворчасці» зацягнулася на некалькі гадзінаў. Да таго ж адбыўся татальныператрус транспартнага сродку, самы дасканалы агляд асабістых рэчаў пасажыраў, праверка музычных інструментаў. У некаторых нават перамацвалі цыгарэты! Нічога крымінальнага памежнікі ды мытнікі ў музыкаў і журналістаў, якія ехалі з імі ў адным аўтобусе, не знайшлі. І амаль праз 6 гадзінаў (!) «памежнага кантролю» аўтобус з удзельнікамі зноўку выправіўся ў дарогу. (Для параўнання: аўтар гэтых радкоў перасёк беларуска-ўкраінскую мяжу на рэйсавым аўтобусе «Брэст — Ковель» за 20 хвілінаў. І без запаўнення нейкіх там дэкларацыяў.)

Натуральна, музыкі дабраліся да луцкага гатэля «Свіцязь», дзе для іх былі замоўленыя пакоі, толькі а чацвёртай раніцы ў суботу, у дзень фестывалю, а ўжо аб 11-й гадзіне яны мусілі наладжваць інструменты, праводзіць гэтак званы «саўнд-чэк». Карацей,

Арганізатарамі фэсту «Права быць вольным» выступілі Беларуская музычная альтэрнатыва (БМА), Шведскі Хельсінкскі камітэт, студэнцкая ініцыятыва «СтудФармат», а таксама «Еўрапейскае радыё для Беларусі». Відэаздымку вёў тэлеканал «БелСат», які абяцаў паказаць тэлеверсію канцэрта ўжо пры канцы бягучага года.

адпачыць музыкам перад выступам не давялося.

Намеснік старшыні незарэгістраванага Праваабарончага цэнтра «Вясна» юрыст Валянцін Стэфановіч, якому ўдалося патрапіць у Луцк, назваў тое, што адбылося па дарозе з маладзёнамі, беззаконнем. «Гэта маразм. Калі мы гаворым пра забарону канцэртаў, выступаў, трансляцый па рыдыё і тэлебачанні — гэта натуральная цэнзура. Але тое, што адбылося гэтым разам, не проста цэнзура, гэта ўжо нейкая паранойя, прававое бязмежжа», — абураўся юрыст.

Аналагічнае меркаванне выказаў і дэпутат Луцкага гарадскога савета Ігар Гусь. «Мы самі шмат гадоў змагаліся за сваю свабоду і добра разумеем нашых беларускіх братоў. Мы ведаем, што затрымалі маладых людзей, якія ехалі сюды на фестываль, таму мы вітаем тых, хто, нягледзячы на перашкоды, здолеў да нас дабрацца. Верце, што перамога будзе за вамі», — заявіў з подыума ўкраінскі палітык. Дарэчы, ён пэўны час таму быў дэпартаваны з Беларусі, яму забаронены ўезд у краіну на пяць гадоў.

Забягаючы наперад, скажу, што і на адваротным шляху музыкі не пазбеглі непрыемных працэдураў — на мяжы зноў быў татальны дагляд, які больш нагадваў міліцэйскі ператрус, а журналістаў прымусілі нават «пракруціць» мытнікам аўдыёзапісы, зробленыя падчас канцэрта.

Упартая нелюбоў

Нягледзячы ні на што, сам фестываль «Права быць вольным» атрымаўся. Ён праводзіўся пад патранатам Луцкага гарсавета

дэпутатаў і мэра горада. У якасці выключэння мясцовыя ўлады нават дазволілі музыкам выступаць ажно да гадзіны ночы, хаця, згодна з мясцовым заканадаўствам, масавыя вулічныя мерапрыемствы ў Луцку мусяць заканчвацца да дзесятай вечара. Днём раней «паблажкі» не было зроблена нават для арганізатараў перадвыбарчага канцэрта прапрэзідэнцкага блока «Наша Україна — Народная Самаабарона» (фестываль «Права быць вольным» адбываўся акурат за тыдзень да парламенцкіх выбараў ва Украіне).

На сцэну парка Лесі Украінкі выходзілі гурты «Індыга», «B:N», «Таварыш Маўзер», «Сцяна», а таксама «дыназаўры» беларускага року «Уліс», «Крама», «Нейра-Дзюбель», «Зьніч». Цікавым быў выступ украінскага гурта «Тінь Сонця», у рэпертуары якога ёсць не толькі ўкраінскамоўныя творы, але і кампазіцыі на беларускай мове. Лідэр БМА Віталь Супрановіч гэтак патлумачыў, чаму было вырашана праводзіць фестываль менавіта ў Луцку: «Ва Украіне няма такога мерапрыемства. Мне здаецца, што музычны рынак Украіны можа быць больш перспектыўным для Беларусі, чым, напрыклад, польскі. Да таго ж мы дагэтуль думалі, што будзе больш зручна дабрацца з Беларусі ва Украіну, бо не трэба «штампік», не трэба візы. Але беларускія ўлады паказалі, што любы лёгкі варыянт яны могуць абцяжарыць».

На радзіме працы рок-музыкаў і сапраўды не пазайздросціш. Сёння для кожнага асобнага выступлення — не важна, дзе плануецца яго зладзіць: у клубе, канцэртнай зале ці ў лесе, — патрэбна атрымліваць «ліцэнзію на канцэртную дзейнасць». А ўлады такіх ліцэнзій пераважнай большасці рок-музыкаў не даюць. Не так даўно ў такой паперы было адмоўлена славутаму гурту «Крама», а матывавалў «чыноўны ліцэнзійшчык» адмову... «нізкім прафесійным і мастацкім узроўнем калектыву». Хто чуў «Краму», пэўна, дасць такому «каментар».

Гэткае стаўленне дзяржавы да рок-выканаўцаў лідэр гурта «Зьніч» Алесь Таболіч тлумачыць недальнабачнасцю беларускіх чыноўнікаў: «Былі «Песняры», «Верасы», якія спявалі па-беларуску і, можа, не надта ўпісваліся ў савецкі фармат, але прапагандавалі ў свой час беларускую культуру. Да рок-музыкі трэба ставіцца менавіта як да культуры. Людзі — і слухачы, і выканаўцы — хочуць зразумець, дзе яны жывуць, у якой дзяржаве, якую мову мусяць несці. А чыноўнікі пнуцца навязаць людзям нейкі «інтэрнацыянал»: усё што заўгодна, але не беларускае. Калі беларускае — то «нефармат», і за тое пераслед, забарона».

«Як любыя музыкі, мы заўсёды прагнем сцэны, прагнем музыкі. На жаль, у Мінску гэта ўсё не так проста зрабіць», — тлумачыць прычыну свайго ўдзелу ў фестывалі «Права быць вольным» салістка гурта «Індыга» Руся. На яе думку, рок-фэсты нездарма

забараняюцца ў Беларусі: «У рок-музыкі вельмі адукаваная, інтэлігентная, інтэлектуальная аўдыторыя. Калі слухачы ўжо падрыхтаваныя да нейкіх вынікаў, то рок-куміру дастаткова сказаць: «Рабі, як я!» І гэтыя людзі пойдуць і зробяць. Нашым уладам зусім не хочацца, каб атрымаўся такі адкрыты дыялог паміж рок-зоркамі, якія могуць нешта патлумачыць, і аўдыторыяй, гатовай зразумець і адгукнуцца».

Агульнае і рознае

Увечары істотна пахаладнела, але людзі не спяшаліся разыходзіцца і з асалодаю вытрымалі ўвесь доўгі час канцэрта.

«Я прыехала сюды, у Луцк, каб паслухаць маіх любімых выканаўцаў, бо не маю такой магчымасці дома. У нас не праводзяць канцэрты, іх папросту забараняюць, песні, што мне падабаюцца, не круцяць па дзяржаўным радыё і тэлебачанні», — патлумачыла мне дзяўчына, якая дабралася з Мінска да Луцка «аўтастопам».

Да самых апошніх акордаў над людскою грамадою луналі бел-чырвона-белыя і жоўта-блакітныя сцягі, многія кампазіцыі завяршаліся скандаваннем у славу Беларусі і Украіны.

Вольны фестываль быў першым, але не апошнім. БМА абяцае, што такія імпрэзы будуць ладзіцца і надалей. Пэўна, месца і час іх правядзення будуць вар'явацца, але сэнс і мэта фестывалю застануцца. Да таго ж ва Украіну плануецца запрашаць не толькі вядомых музыкаў, але і пачаткоўцаў, магчыма, нават на конкурснай аснове. Для маладых такі фестываль можа стаць някепскай стартавай пляцоўкай у творчае жыццё.

Музычнае свята ў Луцку ішло пад аховай байцоў украінскага спецпадраздзялення «Беркут». Аднак ні ў кога з супрацоўнікаў органаў аховы правапарадку не ўзнікла ідэі пракантраляваць здымачныя групы ці радыёжурналістаў, у рэпарцёраў не патрабавалі «прад'явіць акрэдытацыю», а падлеткам ніхто не забараняў крычаць і танчыць. І ніхто са спецназаўцаў не чапляўся да маладзёнаў з прычыны «незарэгістраванай сімволікі» ці пляшак з півам. Гэты факт сведчыць, што сённяшняя Украіна — не цяперашняя Беларусь.

Беларусы размаўлялі з украінцамі па-беларуску, украінцы з беларусамі — па-ўкраінску, і ўсе цудоўна адно аднаго разумелі, ніякіх перакладчыкаў не патрабавалася. Нашы народы — браты, у спадчыне ў нас шмат агульнага.

У будучыні, пэўна, таксама.

Фота Зміцера Лукашука

Музыка руйнуе межы

Аляксандра ІГНАТОВІЧ

Нервовасць некаторых дзяржаўных кіраўнікоў, насцярожаныя выказванні супрацоўнікаў беларускага МЗС, павышаная пільнасць на беларускай мяжы. Усё гэта нагадвала падрыхтоўку да абароны краіны ад ваеннай інтэрвенцыі. Насамрэч жа такую рэакцыю афіцыйнага Мінска выклікаў арганізаваны ў Літве музычны фэст «Be2gether» («Будзем разам»), праведзены напрыканцы жніўня ў Нарвілішках. Хаця маладзёвы форум не меў ніякага палітычнага падтэксту і ўвогуле тычыўся Беларусі даволі ўскосна. Перш за ўсё гэта было сапраўды еўрапейскае свята музыкі, якое сабрала каля 30 вядомых музыкаў з усяго свету. І 7,5 тысяч гледачоў, якія прыехалі на «Be2gether», імкнуліся проста адпачыць. У той час як Міністэрства замежных спраў РБ распаўсюджвала заяву са спадзяваннямі, што фэст «Будзем разам» не ператворыцца ў прапагандысцкае мерапрыемства антыбеларускай накіраванасці, літоўскія арганізатары вырашылі пералічыць частку атрыманых ад продажу квіткоў сродкаў дзецям Чачэрска, што пацярпелі ад Чарнобыльскай аварыі.

Відаць, адзіны лозунг фэста: «Музыка руйнуе межы», — у дадзеным кантэксце датычыўся хутчэй межаў ментальных, якія ўсё яшчэ існуюць у галовах некаторых нашых суайчыннікаў. Жыхары Еўропы даўно ўжо забыліся на тое, што нават музыку можна трактаваць з палітычнага пункту гледжання, бо для іх існуе толькі якасная і няякасная музыка.

Першы ж дзень фэста прынёс сапраўднае задавальненне самым патрабавальным меламанам: выступы зорак першай велічыні «The Young Knives» (Брытанія), «New York Jazz Ensemble» і «Bloodhound gang» (ЗША) прадэманстравалі, якім павінна быць сапраўднае шоў. Музыкі з «Bloodhound gang», якія з'яўляліся аднымі з хэдлайнераў «Be-2gether», проста «парвалі» гледачоў: правакацыйныя прамовы кшталту *«Літва прадалася ЗША, а што дала вам Амерыка? — Брытні Спірс, Пэрыс Хілтан і гамбургеры…»*, стрыптыз ад басіста Джарэда і неўтаймаваная энергетыка вакаліста Джымі Попа трымалі ў напружанні і ўзбуджэнні некалькі тысяч гледачоў нават а першай гадзіне ночы. У выніку каманда выходзіла «на біс» некалькі разоў, а натоўп у адзін голас спяваў іх легендарную «Fire water burn». Пасля такога выступлення ўражаныя гледачы разыходзіліся па сваіх намётах, але для самых моцных ноч працягвалі «зажыгаць» «Dj Food & DK» (Брытанія) і «Boogaloo DJs» (Літва).

Увогуле ж, госці фэста маглі не толькі паслухаць выступы гуртоў, але таксама пакарыстацца хуткасным інтэрнетам і пакінуць свой уласны мастацкі твор, адпачыць пад рэлакс-музыку ў chill out, ну і, натуральна, пакаштаваць як традыцыйныя літоўскія стравы, так і «інтэрнацыянальныя» смажаныя кілбаскі ды шашлыкі. Для дзяцей на працягу ўсіх трох дзён дзейнічала спецыяльная пляцоўка, дзе выступалі мімы, клоўны і акрабаты.

Прыхільнікі вегетарыянства таксама не засталіся без увагі: у шапіку з усходняй кухняй можна было не толькі спатоліць голад і смагу, але і атрымаць асалоду ад тыбецкіх напеваў.

Другі дзень асабліва парадаваў беларускіх аматараў музыкі, бо менавіта ў сярэдзіне фэста выступалі «Ляпіс Трубяцкі» і «Drum Ecstasy». Прыемна тое, што беларусы таксама з'яўляліся своеасаблівымі хэдлайнерамі «Be2gether». Праграма «Ляпіса Трубяцкога» была сапраўды якаснай і энергетычна моцнай. Але і пасля скокаў па сцэне на працягу амаль гадзіны, быццам бы зусім і не стаміўшыся, музыкі распавядалі журналістам на прэс-канферэнцыі, як у іх атрымліваецца нават пасля кліпа на песню «Капітал» заставацца «дазволенай» у Беларусі камандай. Ну а «Drum Ecstasy» цалкам пацвердзілі сваю назву, проста загіпнатаваўшы гледачоў сваёй ігрой. А першай гадзіне ночы яны здолелі «завесці» заспакоеных музыкай «Morcheeba» (Брытанія) слухачоў гэтак, што тыя выклікалі іх некалькі разоў «на біс».

Для літоўскіх аматараў папулярнай музыкі выступ нашых бубначоў стаў сапраўдным адкрыццём: як яны самі прызнаваліся, шмат хто з іх нават і не думаў, што ў Беларусі можа быць такая па-еўрапейску якасная музыка. Акрамя беларускіх музыкаў, другі дзень вызначыўся незабыўным выступам брытанскай dub reggae-каманды «Zion Train», легенды літоўскай рок-музыкі Andriusa Mamantovasa і сусветна вядомай альтэрнатыўнай каманды з Брытаніі «Therapy?». Яны сабралі найбольшую колькасць слухачоў, бо пабачыць і паслухаць гэтых зорак хацелі ледзьве не ўсе, хто прыехаў на фэст. Заключны дзень «Be2gether» запомніўся выступам і адзінай на фэсце каманды з Расіі «Модель Неба», маладога і даволі папулярнага літоўскага гурта «dr.Green» і беларускіх «здаровых ласёў» з «IQ48». Нягледзячы на тое, што большасць наведвальнікаў фэста раз'ехалася яшчэ зранку, і беларуская, і літоўская каманды сабралі шмат слухачоў. Музыкі і з «IQ48», і з «dr.Green» фантаніравалі пазітыўнай энергетыкай і драйвам, таму не пакінулі тых, хто ўсё ж дачакаўся іх выступаў, расчараванымі. Менавіта на выступах «Ляпіса Трубяцкога», «Drum Ecstasy» і «IQ48» перад сцэнай можна было ўбачыць і бел-чырвона-белыя сцягі, але для сваіх гаспадароў яны з'яўляліся ў першую чаргу ідэнтыфікатарамі нацыянальнасці, таксама як для літоўцаў і ўкраінцаў гістарычныя сцягі іх дзяржаў. «Беларускае пытанне» ўвогуле не ўздымалася і, шчыра кажучы, мала каго цікавіла. Некаторыя музыкі толькі па прыездзе ў Нарвілішкі даведаліся, што «недзе там», у 50 метрах ад іх, знаходзіцца Беларусь. Для іх наша краіна нічым асабліва не адрозніваецца ад тае ж самае Літвы: запросяць выступаць — прыедуць і адыграюць канцэрт, гэтак жа, як і ў любой іншай дзяржаве свету. І ў тым, што ніхто з прысутных на «Be2gether» замежных музыкаў ні разу не выступаў у Беларусі, «вінаватая», як вы самі разумееце, зусім не іх «няправільная» палітычная заангажаванасць.

Разам з тым фэст у Літве стаў выдатным прыкладам нармальнай, адэкватнай пазіцыі мясцовых уладаў у дачыненні не толькі да мерапрыемства, але і да ўсяго грамадства ў цэлым. Арганізатары сёлетняга фэста плануюць і далей праводзіць такія канцэрты, у іх нават з'явілася ідэя арганізаваць «панадмежны» фэст на нейтральнай тэрыторыі, паміж Беларуссю і Літвой. Наколькі гэта атрымаецца, пакажа час. Але ў любым выпадку ўжо сёння зразумела, што, як сказаў вакаліст «Ляпіса Трубяцкога» Сяргей Міхалок, «нягледзячы ні на якія забароны, свет адзіны». І, раней ці пазней, Беларусь усё адно стане часткай гэтага адзінага свету, а музыка дапаможа зруйнаваць не толькі ментальныя, але і геаграфічныя межы.

Фота аўтара

Вильнюсские зарисовки

Галина Шараева

Всего 180 км отделяет Минск от границы с Литвой. Как-то на пресс-конференции посол Литвы в Беларуси Багдонас посетовал: «Так близко расположены наши страны — и так мало наши народы общаются, редко посещают друг друга…» По его словам, посольство делает все возможное, чтобы упростить выезд белорусов в Литву. Но реальность такова, что в очередь за визами белорусы записывались этим летом за два месяца… Недавно я посетила Вильнюс и хочу поделиться своими впечатлениями.

Photo.bymedia.net

Паломники

Ежегодно 26 июля в Свято-Духовом монастыре отмечают день переноса мощей Трех Виленских Мучеников. Со всех концов света сюда приезжают паломники, чтобы поклониться этой почти семьсотлетней христианской святыне, среди них и более 40 представителей одноименного братства из Минска. В составе группы довольно известные в Беларуси люди: актриса и художник Галина и Леонид Дягилевы, народный артист Беларуси, профессор В. Ровдо с супругой, ученые, врачи. Всех их объединяет духовное наследие и вера в вечные ценности. На протяжении нескольких веков белорусы принимали участие в сохранении мощей Мучеников, пострадавших от язычников, а позднее — от коммунистического террора.

Здесь я узнала, что члены братства в Минске вместе с литовской церковью начали работу по канонизации первого архимандрита Вильнюсского Свято-Духова монастыря белоруса Леонтия Карповича, который жил здесь в XVII веке.

Паломники посетили монастырь и храм Св. Троицы, который был построен на месте казни Мучеников, а сегодня принадлежит украинским униатам. Состоялась встреча с известным в Литве белорусом Василием Новинским, отцом Св. Николаевской церкви, который с проповедями на белорусском языке выступает по литовскому радио.

Разместили нас в монастырской гостинице бесплатно, это трехзвездный отель. Питались мы в изумительной трапезной.

Photo.bymedia.net

Город Евросоюза

Утром просыпаюсь от колокольного звона. Он плывет от католической катедры, потом его подхватывают все остальные храмы и соборы Вильнюса. Впечатление неповторимое!

После службы в монастыре гуляю по городу. И хотя бываю здесь ежегодно, каждый раз открываю для себя новый Вильнюс. Летом он особенно привлекательный, поражает обилием цветов, которыми увешаны балконы на центральных улицах. Цветы стоят в кадках у многочисленных баров и таверен. Центральная улица Пилиес «отдана» толпам туристов, здесь повсюду слышится разноязыкая речь. На окрестных улицах расположились огромные автобусы из многих европейских стран. Только не замечаю приезжих из СНГ, русская речь здесь

почти не слышна. Здешние туристы, как правило, пожилые немцы, датчане, шведы, поляки. Они неторопливо осматривают достопримечательности, вместе с гидом ныряют в узкие улочки, чтобы посмотреть на старинные здания. Здесь же недалеко памятная доска Игнатию Домейко, нашему славному соотечественнику, который когда-то учился в Вильнюсе. На обочине расположились художники, вместо виртуальных гор и моря, которых здесь нет, на своих картинах они рисуют эти улочки и дома, чтобы турист привез домой именно память о Литве. Иностранцы снимают на камеру не только памятники, но и старинную брусчатку, которую укладывали лет 300–400 назад. Но самое приятное и красивое, на мой взгляд, впечатление — не от шикарных магазинов с нарядами от лучших европейских кутюрье, не от уличных торговцев переливающимся на солнце янтарем, не от местных музыкантов — студентов с флейтой, аккордеоном и скрипкой. Поражают раскрепощенные, приветливые улыбки литовских девушек и парней.

А вот литовский свадебный кортеж. Невеста в белом с букетом васильков, ее подружки с разными букетами. Все они в старинных литовских нарядах. Иностранцы считают удачей сфотографироваться на счастье со свадебной парой.

Вот уличный торговец разложил флажки многих государств мира. Подхожу:

— Ці ёсць бел-чырвона-белы?

Торговец растерялся, указал куда-то дальше: мол, ищите там.

— А может, красно-зеленый государственный флаг Беларуси есть?

В ответ отрицательно качает головой. Зато в соседнем маркете «Максимус» на стеллаже целые полотнища разных флагов. Две пожилые литовки рассматривают большой американский флаг, соображая, где его можно разместить. Представьте такую картину в наших белорусских магазинах...

Замечаю, что продукты в Литве более качественные и дешевле наших. И надписи на всех товарах только на литовском или в дополнение еще и на английском языке. Нигде не видно русских названий. Литва — это уже Европа, и с каждым годом она все дальше уходит от нас в своем многовекторном развитии. Или это мы уходим от нее еще дальше, в советское прошлое? Но ведь мы соседи, а так далеки друг от друга...

Пешком через границу

В Литву ехала на поезде. Назад, в Минск, паломники предложили добираться на автобусе. Метрах в 500 от границы водитель, имея точный список пассажиров автобуса, предложил мне пройти приграничный контроль самостоятельно.

Вышла налегке, с сумочкой и паспортом в руке. Иду к литовской границе, пограничник улыбнулся и спросил: «Пешком через границу?» Ответила, что на той стороне меня встретят. Он вручил мне заполненный по-литовски листок и сказал, чтобы я шла по «зеленому коридору», т. е. без очереди. Вокруг тихо, спокойно, солнечно, не ощущаешь никакого дискомфорта или близости границы. Мимо проезжают редкие легковые автомобили. Метров через 200 — паспортный контроль, здесь ждут три-четыре машины, у литовцев меняется смена. Через пару минут вышел пограничник. «Прогуляться захотели?» — доброжелательно спросил он. Через 300

Photo.bymedia.net

метров так же легко прошла таможенный контроль. Мимо в сторону Беларуси проехали два автопоезда, загруженные новыми легковыми автомобилями. И вот наконец белорусская граница, читаю: переход «Каменный лог». На обочине под палящим солнцем сидят две девушки в форме пограничников. Взяли у меня литовский листок, предложили расписаться на каком-то документе и махнули рукой вперед. «О, дьюти-фри!» — громко сказала я. «Магазин два месяца на ремонте», — охладили меня юные особы. Иду дальше, все перекопано, в разгаре дорожные работы. У небольшого здания пограничного контроля серьезный служивый взял мой паспорт, сделал отметку. Сидящая рядом с ним женщина округлила глаза: оборачиваюсь, ползет по дороге наш автобус, там для пограничников работы на полчаса, не меньше. После таможни я наконец свободна от контроля, это уже наша территория. Можно передохнуть и подождать автобус.

Перед шлагбаумом на обочине выстроилась огромная вереница грузовых автомобилей и фур. Усталый водитель сказал, что стоят уже пять часов и только еще через час должны пройти контроль в сторону Литвы. На вопрос о туалете водитель рассмеялся и кивнул на близлежащие кусты. Куда, кстати, добраться невозможно, все перекрыто. Привычная действительность, ничего не скажешь.

И все же хорошо, что на расстоянии вытянутой руки от нас находится Европа. С ее многочисленными проблемами, но вместе с тем размеренной, спокойной и красивой жизнью.

Игорь КУЗНЕЦОВ

1937 ЗАБВЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ

В этом году белорусское общество отмечает печальное семидесятилетие. Именно в 1937-м кровавый разгул сталинских репрессий достиг самого высокого уровня. Незваные гости врывались в городские квартиры и деревенские хаты. Целыми семьями наших сограждан вывозили в Сибирь и на Север. Расстреливали в многочисленных Куропатах. Лучших из лучших называли врагами народа, после чего люди попадали в руки большевистских палачей.

Во времена кровавого разгула ЧК, ГПУ, НКВД, МВД в минувшем столетии, пожалуй, не было той семьи, которая не потеряла бы отца, мать, сына, дочь, брата, сестру. А кто уцелел — остался запуганным на всю оставшуюся жизнь. Боль этих утрат не утихла и не забыта до сих пор

Семьдесят лет назад по решению высших партийных органов в СССР развернулась очередная кровавая «чистка», длившаяся почти два года. В исторической публицистике эта репрессивная кампания нередко именуется «Большим Террором»; в народе же ее называют просто — «Тридцать Седьмой».

Коммунистическая диктатура всегда — и до, и после 1937 года — сопровождалась политическими репрессиями. Однако именно Тридцать Седьмой память людей превратила в зловещий символ массовых убийств, которые организовывала и проводила государственная власть. По-видимому, это случилось из-за того, что Большому Террору были присущи несовместимые с цивилизованным обществом черты, предопределившие его особое место в истории и то огромное влияние, которое он оказал (и продолжает оказывать) на сознание людей и судьбы нашей страны.

Тридцать Седьмой — это гигантский масштаб репрессий, охвативших все регионы и все без исключения слои общества, от высшего партийного руководства до бесконечно далеких от политики крестьян и рабочих. В течение 1937–1938 гг. по политическим обвинениям в СССР было арестовано более 5 миллионов человек, в том числе в БССР не менее 400 тысяч.

Издевательства «чекистов» над людьми и их истребление носили плановый характер. Только в 1920–1930-е каторжные годы ГУЛАГ поглотил более 600 тысяч уроженцев Беларуси, а с учетом других категорий официально репрессированных эта цифра превышает 1,5 миллиона человек. Даже трудно представить: наиболее способное к продуктивному труду население большого европейского города, сравнимого с сегодняшним Минском, попадает в лапы ГУЛАГа.

Во многих случаях репрессии против белорусов носили характер геноцида. С начала образования БССР и до 1953 г. в Беларуси была уничтожена почти вся сознательная интеллигенция. Если бы не эти потери, несомненно, сегодня у нас была бы совершенно другая страна. Негативное отношение властей к национальным ценностям, к сожалению, превратилось в тенденцию, которая сохраняется до сих пор.

Следует отметить невероятную **жестокость приговоров**: более 3 миллионов арестованных в СССР и 250 тысяч в БССР были казнены.

29 октября 1937 года — особенно тяжелый и трагичный день в истории белорусского народа. Только за одну ночь в Минске сталинские опричники расстреляли 100 выдающихся представителей творческой и научной интеллигенции, в том числе народных комиссаров образования Александра Ворончанко и Александра Чернушевича, наркома финансов Ивана Кудельэко, ректоров БГУ — Анания Дьякова, Язепа Кореневского, Алексея Кучинского, декана Евгения Успенского, профессора Степана Маргелова, преподавателей и директоров Белпедтехникума Михаила Радевского, Игната Афанасьева, второго секретаря ЦК КПБ(б) Миколу Арабея, ряд ответственных работников ЦК, СНК, ЦИК, иных учреждений. В ту же ночь расстреляли 22 писателя и некоторых общественных деятелей: Михася Чарота, Янку Неманского, Платона Головача, Алеся Дудара, Михася Зарецкого, Василя Коваля, Юлия Тавбина, Валерия Морякова, Василия Сташевского, Зяму Пивовара, Изю Харика, Тодара Кляшторного, Анатолия Вольного, Юрку Лявонного, известных в то время журналистов Виктора Войного, Павла Шестакова… Многих из арестованных настолько избили, что они не могли стоять на ногах и их волоком тянули на расстрел. А их жен, детей и близких родичей бросили в концентрационные лагеря.

Истребление белорусской интеллектуальной элиты провели и в областных городах. Это было очередным ударом по белорусскому образованию, духовности, культуре и по языку.

Наблюдалась **беспрецедентная плановость** террористических «спецопераций». Вся кампания была тщательно продумана высшим политическим руководством СССР и проходила под неусыпным контролем. В секретных приказах НКВД определяли сроки проведения отдельных операций, группы и категории населения, подлежавшие «чистке», а также «лимиты» — плановые цифры арестов и расстрелов по каждому региону. Любые изменения или «инициативы снизу» должны были согласовываться с Москвой.

Но для основной массы населения, незнакомой с содержанием приказов, логика арестов казалась загадочной и необъяснимой, не совместимой со здравым смыслом. В глазах современников Большой Террор выглядел **гигантской лотереей.** Мистическая непостижимость происходящего наводила ужас и порождала у миллионов людей неуверенность в собственной судьбе.

Анатоль Вольны

Репрессии основательно затронули представителей новых белорусских элит: политической, военной, хозяйственной. Расправа над людьми, имена которых были известны всей стране (именно о них в первую очередь сообщали газеты) и в лояльности которых нельзя было сомневаться, усиливала панику и усугубляла массовый психоз. Впоследствии родился даже миф о том, что Большой Террор будто бы был направлен исключительно против старых большевиков и партийно-государственной верхушки. На самом деле подавляющее большинство арестованных и расстрелянных были простыми советскими гражданами, беспартийными и ни к каким элитам не принадлежащими.

Платон Головач

Тридцать Седьмой — это неизвестные мировой истории масштабы фальсификации обвинений. В 1937–1938 гг. возможность ареста определялась главным образом принадлежностью к какой-либо **категории** населения, указанной в одном из «оперативных приказов» НКВД, или **связями** — служебными, родственными, дружескими — с людьми, арестованными ранее. Формулировка индивидуальной «вины» была заботой следователей. Поэтому сотням тысяч арестованных предъявляли фантастические обвинения в «контрреволюционных заговорах», «шпионаже», «подготовке к террористическим актам», «диверсиям» и т. п.

Ананий Дьяков

Тридцать Седьмой возродил в XX веке средневековую инквизицию с ее традиционной атрибутикой: заочностью (в подавляющем большинстве случаев) квазисудебной процедуры, отсутствием защиты, фактическим объединением в рамках одного ведомства функций следователя, обвинителя, судьи и палача. Вновь, как во времена инквизиции, главным доказательством стало ритуальное **«признание своей вины»** самим подследственным. Стремление добиться такого признания привело к **массовому применению пыток**; летом 1937-го пытки были **официально санкционированы** и рекомендованы как метод ведения следствия.

Тридцать Седьмой — это чрезвычайный и закрытый характер судопроизводства. Это **тайна**, окутавшая «правосудие», и непроницаемая секретность вокруг расстрельных полигонов и мест захоронений казненных. Это систематическая многолетняя **официальная ложь** о судьбах расстрелянных: сначала — о мифических «лагерях без права переписки», затем — о кончине, наступившей будто бы от болезни, с указанием ложной даты и места смерти.

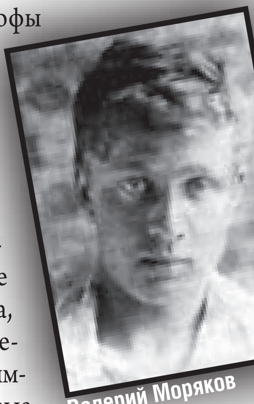
Тридцать Седьмой — это круговая порука, которой сталинское руководство старалось повязать весь народ. По всей стране проходили собрания, где людей заставляли бурно аплодировать публичной лжи о разоблаченных и обезвреженных «врагах народа». Детей вынуждали отрекаться от арестованных родителей, жен — от мужей.

Это миллионы разбитых семей. Это зловещая аббревиатура **«ЧСИР»** — «член семьи изменника Родины», которая сама по себе явилась приговором к отправке в специальные лагеря для двадцати тысяч вдов, чьих мужей казнили по решению Военной Коллегии Верховного Суда. Это сотни тысяч «сирот Тридцать Седьмого» — людей с украденным детством и искалеченной юностью.

Тридцать Седьмой — это окончательная девальвация ценности человеческой жизни и свободы. Это культ чекизма, романтизация насилия, обожествление политического идола государства. Это эпоха полного смещения в народном сознании всех правовых понятий.

Наконец, **Тридцать Седьмой — это фантастическое сочетание вакханалии террора с безудержной пропагандистской кампанией**, восхваляющей самую совершенную в мире советскую демократию, самую демократическую в мире советскую Конституцию, великие свершения и трудовые подвиги советского народа. Именно в 1937 году окончательно сформировалась характерная черта советского общества — **двоемыслие** как следствие раздвоения реальности, навязанное обществу официальной пропагандой.

И сейчас, семьдесят лет спустя, в стереотипах общественной жизни и государственной политики постсоветских государств проявляется пагубное влияние как самой катастрофы 1937–1938 гг., так и всей той системы государственного насилия, символом которого стали эти годы. Эта катастрофа вошла в массовое подсознание, искалечила психологию людей, обострила застарелые болезни нашего менталитета, унаследованные еще со времен правления Российской империи, а также породила новые опасные комплексы.



Валерий Моряков

Привычка к «управляемому правосудию», когда правоохранительные органы подчиняются не нормам закона, а велениям начальства, — это очевидное наследие Большого Террора.

Имитация демократического процесса при одновременном выхолащивании основных демократических институций, открытое пренебрежение правами и свободами человека, нарушение Конституции под нескончаемые клятвы о незыблемой верности конституционному порядку — это общественная модель, успешно опробованная в период Большого Террора.

Рефлекторная неприязнь сегодняшнего бюрократического аппарата к общественной активности, непрекращающиеся попытки поставить независимые гражданские инициативы под жесткий государственный контроль — это тоже итог Большого Террора, когда большевистский режим поставил последнюю точку в многолетней истории своей борьбы с гражданским обществом. К 1937-му все коллективные формы общественной жизни в БССР — культурной, научной, религиозной, социальной и т. п., не говоря уже о политической, — были ликвидированы или подменены бутафорией. После чего людей можно было уничтожать поодиночке, заодно искореняя из общественного сознания представления о независимости, гражданских правах и свободах, ответственности и человеческой солидарности.

Воскрешение в современной белорусской политике старой концепции «враждебного окружения», истерический поиск «врагов» за рубежом и «пятой колонны» внутри страны, другие идеологические шаблоны в новом политическом контексте свидетельствуют о непреодоленном наследии Тридцать Седьмого.

Как, впрочем, и **интеллектуальный конформизм**, боязнь всякого инакомыслия, отсутствие свободного, независимого мышления и податливость ко лжи.

Оборотная сторона двоемыслия — безудержный **цинизм**, когда в обществе укрепляется волчья лагерная мораль («умри ты сегодня,

а я завтра»), ведет не только к утрате традиционных семейных ценностей, но и к катастрофической **разобщенности** людей. Стадность, подменившая коллективизм, превращение народа в толпу, которой легко и просто управлять, — все это результат репрессий, депортаций, насильственных переселений.

Разумеется, сегодня наследие Большого Террора не воплощается и вряд ли может воплотиться в массовые аресты, ведь мы живем в совершенно другую эпоху. Но страшное историческое наследие, не осмысленное обществом и, стало быть, не преодоленное им, легко может стать «скелетом в шкафу», проклятием нынешнего и будущих поколений.

Что необходимо сделать для осмысления и преодоления разрушительного опыта Тридцать Седьмого?

Последние полтора десятилетия показали, что **необходимо публичное рассмотрение политического террора советского периода с правовых позиций.** Террористической политике тогдашних руководителей страны и, прежде всего, генерального идеолога и верховного организатора Иосифа Сталина необходимо дать ясную юридическую оценку. Только это может стать точкой отсчета, краеугольным камнем в формировании правового и исторического сознания, фундаментом для дальнейшей работы по изучению прошлого. В противном случае отношение общества к событиям эпохи террора неизбежно будет колебаться в зависимости от изменений политической конъюнктуры, а призрак сталинизма — периодически воскресать и оборачиваться то бюстами диктатора на улицах наших городов, то рецидивами сталинской политической практики в жизни нашего общества.

Для проведения полноценного разбирательства следовало бы создать специальный судебный орган, подобные прецеденты в мировой юридической практике — не новость.

В белорусском законодательстве отсутствует упоминание о «моральном ущербе», причиненном жертвам террора. Не будем вдаваться в нравственную и политическую оценку этого факта, ибо она очевидна. Но **слова о моральном ущербе в текст Закона внести необходимо.** Не только во имя памяти невинно погибших, но и ради самоуважения. Это надо сделать и для того, чтобы загладить оскорбление, нанесенное нескольким десяткам тысяч глубоких стариков, которым удалось выжить в застенках ГУЛАГа, чтобы загладить вину перед их родными и близкими.

Янка Неманский

Однако правовая оценка террора — это очень важный, но недостаточный шаг.

Нужно создать благоприятные условия для продолжения и расширения исследовательской работы по истории государственного террора в БССР. Для этого, прежде всего, необходимо **снять** все ныне действующие искусственные и необоснованные **ограничения доступа к архивным материалам, связанным с политическими репрессиями.**

Тодор Кляшторный

Современное историческое знание об эпохе террора должно быть общедоступным: следует выпустить наконец **школьные и вузовские учебники истории,** в которых теме политических репрессий и, в частности, Большому Террору, было бы уделено внимание, соответствующее их историческому значению. История советского террора должна стать не только обязательной частью школьного образования, но и объектом серьезных усилий в области широкого народного просвещения. Должны появиться соответствующие просветительные и культурные программы на **телевидении**, необходима **государственная поддержка издательским проектам** по выпуску научной, просветительной, мемуарной литературы, посвященной эпохе террора.

Алесь Дудар

Следует создать **общенациональный Музей истории государственного террора**, соответствующий по своему статусу масштабам трагедии, и сделать его методическим и научным центром музейной работы по этой теме. История террора и ГУЛАГа должна быть представлена во всех **исторических и краеведческих музеях** страны, так, как это делается, например, в отношении другой грандиозной исторической трагедии — Великой Отечественной войны.

Необходимо, наконец, воздвигнуть в Минске **общенациональный памятник погибшим**, который был бы поставлен государством и от имени государства. Такой памятник нам обещают вот уже 18 лет!

Но и этого недостаточно: надо, чтобы памятники жертвам террора встали по всей стране. К сожалению, во многих городах дело увековечения памяти жертв до сих пор не сдвинулось с места или застыло на уровне закладных камней, установленных 15–18 лет назад.

В стране должны появиться **памятные знаки и мемориальные доски** в местах, связанных с инфраструктурой террора: сохранившиеся здания следственных и пересыльных тюрем, политизоляторов, управлений НКВД и т. п.

Необходимо убрать из названий улиц, площадей и населенных пунктов имена государственных деятелей — организаторов и активных участников террора. **Топонимика не должна быть зоной увековечения памяти преступников и палачей.**

Нужна государственная программа подготовки и издания во всех областях **Книг памяти жертв политических репрессий**.

Срочно необходимо разработать и осуществить общегосударственную или даже межгосударственную **программу поиска и мемориализации мест захоронений жертв террора.**

Проблема эта не столько образовательная и просветительская, сколько нравственная. По территории бывшего СССР разбросаны сотни расстрельных рвов и братских могил, где тайно закапывали казненных, тысячи лагерных и спецпоселенческих кладбищ, разрушенных и полуразрушенных. Хотя от тысяч кладбищ уже и следов не осталось.

Все это будет способствовать восстановлению памяти об одной из крупнейших гуманитарных катастроф XX века, что поможет выработать устойчивый иммунитет к тоталитарным стереотипам.

Поэтому очень многое должно делаться на всем пространстве бывшего СССР совместными усилиями. История террора понимается и трактуется в постсоветских государствах по-разному. Это естественно. Но принципиально важно, чтобы из этой разности возник диалог. **Диалог межнациональной памяти — важная и необходимая часть осмысления исторической правды.** И очень плохо, когда он превращается лишь в перебранку, в попытку снять историческую (и, стало быть, гражданскую) ответственность с себя и переложить ее на «другого».

К сожалению, очень часто именно история советского террора становится инструментом сиюминутных межгосударственных политических разборок, а честная совместная работа над общим прошлым подменяется перечнем взаимных обид и претензий.

Поэтому **комплексная программа**, посвященная трагическому опыту прошлого, должна быть **международной и межгосударственной**. Это касается и исторических исследований, и выпуска Книг памяти, и мемориализации мест захоронений, и многого другого. Потому что память о терроре — это общая память народов. Она не разъединяет, а объединяет нас. Ведь это память не только о преступлениях, но и о совместном противостоянии машине убийств, об интернациональной солидарности и человеческой взаимопомощи.

Конечно, память о прошлом формируется не указами и постановлениями, а лишь с помощью широкой общественной дискуссии, необходимость которой становится все более очевидной.

В осмыслении и Большого Террора, и всего опыта советской истории нуждаются не только Беларусь и страны, входившие в СССР или в состав «социалистического содружества». В таком обсуждении нуждаются все цивилизованные страны и народы, ибо события Большого Террора наложили отпечаток не только на советскую, но и на всемирную историю. **Гулаг, Колыма, Тридцать Седьмой — такие же символы XX века, как Освенцим и Хиросима.**

К сожалению, именно в Беларуси готовность общества узнать и принять правду о своей истории, что казалось вполне реальным в конце 1980-х, сменилась в середине 90-х безразличием, апатией и нежеланием «копаться в прошлом». Есть и силы, прямо заинтересованные в том, чтобы никаких дискуссий на эту тему больше не было. Эти тенденции нашли свое выражение в четко сформулированной официальной концепции отечественной истории исключительно как «нашего славного прошлого».

Нам говорят, что актуализация памяти о преступлениях, совершенных государством в недавнем прошлом, препятствует национальной консолидации (или, выражаясь языком тоталитарной эпохи, «подрывает морально-политическое единство советского народа»). Нам говорят, что эта память наносит ущерб национальному возрождению, что мы должны помнить, в первую очередь, о героических достижениях и подвигах народа во имя великой и вечной Державы.

Поминальный митинг в урочище «Батарея» (Борисов), где были расстреляны взбунтовавшиеся крестьяне

Нам говорят, что народ не хочет знать правду и отвергает ее.

И в самом деле значительной части наших сограждан гораздо легче принять удобные успокоительные мифы, чем трезво взглянуть на свою трагическую историю и осмыслить ее во имя будущего. И это можно понять, ведь честное осмысление прошлого возлагает на плечи ныне живущих поколений огромную и непривычную ношу исторической и гражданской ответственности. Но сегодня без этого в белорусском обществе **не будет никакой национальной консолидации и никакого возрождения.**

Поэтому в канун одной из самых страшных годовщин нашей общей истории хотелось бы призвать всех, кому дорого будущее нашей страны, более пристально вглядеться в прошлое и постараться осмыслить его уроки.

Фото из книги Леонида Морякова «Жертвы и палачи»

Правда о девятом километре

Сколько их — страшных тайн, связанных с преступлениями сталинского режима? Время медленно, словно нехотя, расстается с ними… Одна была раскрыта в наши дни под Гомелем: стало известно место, где в 30-е годы сотрудники НКВД расправлялись с «врагами народа».

«Отработанный материал» закапывали в одной большой яме…

Вспоминает бобруйчанка Евгения Игнатьевна Москаленко.

— В 1933 году я жила в Жлобине, училась в шестом классе. Наша школа стояла рядом со зданием НКВД. Однажды во время урока мой отец приоткрыл дверь в класс и попросил учительницу отпустить меня с занятий. В коридоре папа сказал мне, что его по повестке вызывают в НКВД, но, наверное, не арестуют. Это был уже второй вызов, и мой отец надеялся, что и на этот раз его отпустят после допроса…

Ожидая отца, я стояла возле здания НКВД до самого вечера. И вот его выводят под конвоем. Он лишь успел мне сказать, что его арестовали, попросил помогать матери — моему братику было год и два месяца. После этого горького вечера отца я больше не видела. Он, Игнатий Баньковский, машинист локомотивного депо станции Жлобин, стал жертвой террора, от которого в 1933 году пострадали многие мужчины из нашей «католической» деревни Тертеж.

После окончания семи классов я поступила в Бобруйский лесотехникум. Скрыв, что мой отец репрессирован, что он, как тогда говорили, «враг народа». Но из техникума сделали запрос в Тертежский сельсовет и, получив ответ, тут же исключили меня. Позже я смогла поступить в ФЗУ, окончила его и была направлена на Новобелицкий ФанДОК (сейчас входит в городскую черту Гомеля). Вот там-то и произошла история, которая так потрясла меня и не перестает волновать до сих пор.

1 мая 1936 года коллектив нашего цеха выехал на традиционную маевку. В кузове грузовика рядом со мной сидела моя подруга, односельчанка Франя Закрев-

ская, которая так же, как и я, после окончания Бобруйского ФЗУ была направлена на Новобелицкий деревообрабатывающий комбинат. Напротив Франи разместился упаковщик нашего цеха Николай Кондратьев, который, похоже, был в нее тайно влюблен. Но мы с Франей относились к нему с опаской: на работе мы скрывали, что наши отцы репрессированы, говорили всем, что раньше жили на станции Красный Берег, которая была в пяти километрах от нашей деревни, а Николай постоянно вел с нами какие-то странные беседы, расспрашивал о нашем прошлом, интересовался нашими мыслями… Кроме того, он выделялся среди рабочих хорошей, дорогой одеждой, белыми, холеными руками… И вот когда машина, выехав за Новобелицу, уже подъезжала к девятому километру, Кондратьев неожиданно заявил нам:

— А ведь вы меня обманули.

— В чем это?

— Родом вы не из Красного Берега.

— Из Красного Берега, из Красного Берега,— поспешила ответить напуганная Франя.

— Нет, из Тертежа! И не нужно вам бояться: дети за отцов не отвечают.

Он закурил, отвернулся к лесу и сказал:

— Кстати, что вы знаете о судьбе своих отцов после их ареста?

Мы, пораженные и безмерно напуганные, молчали.

— Видите, это девятый километр. Вон там, за леском, они и лежат,— прошептал он, наклонившись к нам.

Я с ужасом вглядывалась в показанный им небольшой лесок, пока мы не проехали это место…

Осенью 1936 года я уволилась с комбината, вернулась в родной Тертеж, устроилась на работу счетоводом. В 1937 году наша деревня еще более опустела: фактически все мужчины, даже 18–19-летние ребята, были арестованы НКВД.

А рассказанная мной история на этом не закончилась.

В 1944 году, когда Красная Армия уже освободила Бобруйск, я приехала к маме, которая тогда жила здесь у своего брата. На одной из городских улиц я заметила красивого, подтянутого офицера НКВД. Он повернулся ко мне лицом, и я с удивлением узнала в нем Николая Кондратьева! Я не побоялась, подошла к нему. Он не сразу меня вспомнил… Потом стал расспрашивать о моей жизни, о Фране. Я напомнила ему 9-й километр. «Забудь об этом. Я просто так тогда сболтнул»,— сказал он. Мы перевели разговор на другую тему…

После того как захоронения в Куропатах перестали быть тайной, мой сын предлагал мне написать о «гомельских Куропатах» в какое-нибудь из республиканских изданий, но я тогда побоялась. А потом, в начале 90-х годов, в одной из центральных газет появился материал, подтверждающий слова Николая Кондратьева о месте захоронения репрессированных…

Записал Анатолий Санотенко

Спектакль начинается с вешалки. Причем «вешаться» будет тот журналист, который первым придет на митинг или любое массовое мероприятие. Для того чтобы не «повеситься», нужно начинать подготовку заранее.

В последнее время у наших правоохранительных органов наметилась новая тенденция — пресекать все массовые мероприятия в зародыше. Поэтому в приемы общей безопасности журналиста при проведении массовых мероприятий нужно внести значительные изменения. В принципе, правил безопасности никто не отменял, но... Поведение милиции все же вносит коррективы в поведение репортеров. Для того чтобы качественно выполнить свою работу, сейчас журналисту недостаточно просто прийти на массовое мероприятие. Сегодня все должно быть настолько прочувствовано, продумано и прекрасно, как в постели с любимой женщиной, — и до, и в процессе, и после.

Сергей ПУЛЬША

Спектакль начинается с вешалки

До

В каждой уважающей себя редакции освещение любого санкционированного или несанкционированного митинга начинается задолго до его проведения. И, в частности, с инструктажа о том, как себя там вести.

Первый момент в инструктаже: редактор должен знать, кто, куда и зачем идет. Хотя бы для того, чтобы рассчитать время выхода в эфир либо постановки новости на сайт. Но, так или иначе, он уже «знает местность», примерный расклад времени и потенциально опасные точки для журналиста. При необходимости редактор может перезвонить и спросить, не приключилось ли чего, хорошего или плохого.

В крайнем случае, будет кому за вас вступиться, если вы вдруг окажетесь в «автозаке».

При этом не стоит пренебрегать выпиской журналисту направления на акцию от редакции. Ситуации бывают разные, и в случае каких-либо эксцессов подобная бумага может спасти если не жизнь, то свободу точно.

И, естественно, перед выходом все должно быть на месте. Диктофон со свежими батарейками, полностью заряженный мобильный телефон, удостоверение, практичная обувь (никто не предугадает, сколько вам придется бегать). Обувь, кстати, желательно иметь без шнурков. В случае «залета» в отделение милиции или при посадке в КПЗ шнурки, как правило, отбирают. Именно из-за невозможности исключить ситуацию «залета» многие коллеги кладут в карманы также стопочку салфеток, носовых платков, лишний блок жвачки или карамельки, сигареты.

Во время

Старый принцип, который никогда не вредно повторять: определитесь, зачем вы идете на митинг или демонстрацию. Если митинговать и демонстрировать, то оставьте журналистское удостоверение дома. Или на работе. Если вы идете работать, то документы у вас должны быть в полном порядке, удостоверение не просрочено, и паспорт тоже должен быть с собой. На всякий случай.

Журналист не участвует в демонстрации. Совершенно недопустимо репортеру носить флаги и транспаранты, выкрикивать лозунги и делать многое другое, что делают участники акции, но что никак не относится к деятельности журналиста. (Хотя, сам понимаю, иногда хочется.) Желательно также избавиться от любой символики и повесить удостоверение журналиста. На видном — как можно виднее — месте.

Помнится, во время президентских выборов 2006 года сотрудникам информационной кампании БелаПАН сделали новые удостоверения — размером со средний ежедневник. Коллеги тогда едва со смеху не ложились — до чего оно было большое. Но, когда дело дошло до известных событий на площади, самый ерничавший коллега из «Интерфакса» появился у «палаточного городка» с удостоверением, которое по размерам превышало даже БелаПАНовское.

Отдельный разговор — об удостоверениях. Есть два момента, попавших, так сказать, под «новые тенденции». Во-первых, наша милиция совершенно точно начала различать «действующие» удостоверения, «недействующие» (без номера, срока действия и т. п.) и «не журналистские». В частности, беджи типа «наблюдатель» (от правозащитной или какой-то иной организации) как журналистское удостоверение уже «не прокатывают».

Это же, к сожалению, относится к удостоверениям члена Белорусской ассоциации журналистов старого образца. У особо продвинутых представителей правоохранительных органов (а таких становится все больше) удостоверение члена БАЖ журналистским не считается — это документ члена негосударственной общественной организации.

И второй момент: предъявляя удостоверение по требованию сотрудников правоохранительных органов, нельзя давать его им в руки. Могут забрать под любым предлогом: дескать, имеются сомнения в его подлинности, либо оно, вроде, выписано не вам и т. д. Обещают отдать вам документ после проверки, но, как правило, исчезают с ним в неопределенном направлении и навсегда. А вы остаетесь без удостоверения и еще теряете уйму времени на то, чтобы дождаться возврата… Такие случаи, к сожалению, становятся нередки.

Вот для такой ситуации и желательно иметь направление от редакции на конкретную массовую акцию. Есть шанс доказать, что вы не участник, а наблюдатель.

Ведите себя с милиционерами корректно. Если ситуация напряженная, старайтесь разговаривать спокойно. По себе знаю, как холодный душ на разгоряченных парней действует фраза: «Я здесь на работе, и работаю точно так же, как и вы». Обычно после этого степень агрессивности милиционеров снижается на порядок. Потому что служивые понимают, что демонстранты доставляют вам такие же неприятности, как и им. Можно намекнуть, что ваша работа даже более «сволочная»: они-то после акции сядут в автобусы и поедут переодеваться, а потом домой, к жене, а вам еще бежать в редакцию и писать.

Постарайтесь во время акции определить «горячие точки», в которых возможны столкновения демонстрантов с милицией. И выбрать такое место, чтобы в этой «точке» не оказаться, но чтобы вам было все видно и слышно. В принципе, люди, которые годами работали на массовых акциях, такие точки уже изучили. Например, в Минске отрезок улицы Сурганова от Академии искусств до улицы Якуба Коласа — место относительно безопасное. А вот дальнейший путь по Сурганова до универсама «Рига» неоднократно был отмечен эксцессами.

Из этого факта вытекает следующее правило: при освещении массовых акций держитесь поближе к коллегам. Во-первых, вместе веселее. Во-вторых, вероятность вашей «зачистки» значительно ниже. В-третьих, всегда найдется кто-то, кто может подсказать вам, как действовать в той или иной ситуации. Да и определить количество

участников массовой акции вместе можно гораздо точнее, чем поодиночке.

Особенную осторожность следует соблюдать при работе с фото- и видеоаппаратурой. Даже если это камера мобильного телефона.

Во-первых, сотрудники милиции реагируют на это странно: они утверждают, что их снимать нельзя. На самом деле — можно, ведь они в данный момент не частные лица, а публичные, исполняющие свои непосредственные служебные обязанности.

Во-вторых, при попадании в отделение милиции там могут потребовать аппаратуру — «оставить на хранение». Дескать, напишете объяснительную и заберете. А во время объяснений и профилактических бесед странно-чудесным образом из фотоаппарата или мобильного телефона исчезают отснятые снимки. И сотрудники милиции с удивленными глазами утверждают: ни-ни, к технике никто не прикасался!

Лучше иметь две флэш-карты для фотоаппарата или телефона и заменять одну на другую. Тогда есть вероятность, что какая-то часть отснятого материала все же останется при вас.

Юристы-авантюристы

Поэтом можешь ты не быть, а вот юристом быть обязан. Хотя бы немножечко. Журналисту, который работает во время проведения массовых акций, необходимо разбираться в своих правах и обязанностях. А также желательно знать и Административный кодекс в пределах наиболее распространенных статей, по которым можно «попасть под раздачу».

Закон о печати предусматривает право журналиста присутствовать на месте проведения массовых акций независимо от того, санкционированы они или нет. Это свое право нужно знать обязательно. Но необходимо также осознавать, что в Административном кодексе существует статья за участие в несанкционированном мероприятии. И за это предусмотрен арест не до 15, как раньше, а до 25 суток. А в местах «суточной» отсидки не разрешены продуктовые передачи. Так что придется сидеть «на баланде».

Но кодекс также предусматривает ваше право на адвоката даже в случае административного задержания. Так что при себе лучше иметь телефон знакомого адвоката. Иногда это спасает — после прибытия адвоката милиция может резко изменить свое поведение, и вместо протокола вы отделаетесь простым объяснением.

Конечно, сейчас никто не застрахован от статьи 17.1 КоАП

«мелкое хулиганство». Типа, шел по улице, ругался матом, приставал к прохожим и всячески нарушал общественный порядок. Но в случае соблюдения некоторых правил — адвокат, присутствие коллег, элементарное знание законов, удостоверение при себе — шанс задержания можно свести к минимуму.

В конце концов, в милицию лучше не попадать, так как вам необходимо сделать свою работу, а не сидеть в КПЗ неизвестно сколько!

И все-таки, если вы уже попали… Не надо стесняться жаловаться на незаконные действия сотрудников милиции. Грамотную жалобу поможет написать юридическая служба того же БАЖа. И если на нее приходит из прокуратуры и милиции отписка — не стоит расстраиваться. Ведь, вопреки распространенному мнению, такие жалобы без последствий не остаются. В милиции тоже есть служба собственной безопасности, которой тоже надо «выполнять план». И невидимыми результатами этой жалобы являются публичные выволочки, лишение премий, выговоры. В следующий раз сотрудник милиции, нарушивший права журналиста, трижды подумает, прежде чем связываться с прессой.

И после...

Конечным результатом работы журналиста на месте массового мероприятия является написанный материал. Причем, как правило, не один. Поэтому нужно созваниваться с организаторами, уточнять, кого посадили, на сколько и за что. Не бывает событий без последствий, поэтому заключительный комментарий — дело необходимое.

Весь остальной «разбор полетов» проводится журналистами, как правило, «за рюмкой чая». Идет активный обмен мнениями, кто что пережил, весело было или скучно, а иногда бывало и страшно (вспомните шумовые и дымовые гранаты во время шествия 25 марта 2006 года). Только после проведения мероприятия понимаешь, в какой переплет можно было попасть, если бы не… Вот из этого «если бы не» и стоит делать выводы. Стоит проанализировать свои ошибки и похвалить себя за то, что сделал правильно: где стоял, куда успел, что видел. Искренне радоваться хорошим фотографиям коллег и устранять допущенные просчеты.

Впрочем, устранять их придется уже на следующем митинге. И никогда не знаешь, как карта ляжет…

Оксана РОМАНЕНКО

«И вот меня ведут на суд по делу, по делу…»

«Что-что, а право-то Вы имеете», — говорил один из героев фильма «Гараж». Все знают, что любой гражданин имеет в суде определенные права, но вот какие именно и как ими пользоваться, известно, к сожалению, не каждому. А ведь наша «суровая действительность» свидетельствует о том, что такие знания могут пригодиться в любой момент.

Введение в тему

Прежде чем начать говорить о правах в суде, хотелось бы сделать теоретическое отступление, чтобы лучше понять их содержание. Юристы утверждают, что каждому праву корреспондирует соответствующая обязанность. Это означает, что любому праву одного человека соответствуют определенные обязанности другого человека (или других людей).

В судебном заседании существует, образно говоря, два уровня прав и обязанностей. Первые — правила поведения, которые диктуются этикой судебного процесса и в равной степени распространяются на всех участников судебного заседания. Они включают в себя и универсальные правила поведения, принятые в обществе, и специальные — регламентируемые требованиями Уголовно-процессуального или Гражданского процессуального кодексов. Эта категория правил довольно проста и не составляет больших проблем в изучении и соблюдении.

Вторая категория вытекает из конституционных прав и свобод граждан. Обязанность по их соблюдению и обеспечение возможности реализации, регламентируемые как нормами права, так и положениями юридической этики, — это нравственный и правовой долг суда и участников процесса, которые являются юристами. Поэтому для того, чтобы чувствовать себя в судебном заседании уверенно, важно знать, чего можно ждать и что нужно требовать в отношении к себе от других участников процесса.

Взаимоотношения с судом

Порядок ведения процесса регламентируется нормами процессуального законодательства, Конституцией Республики Беларусь. Но эти нормы, как правило, не раскрывают этического содержания. Нравственные и профессиональные обязанности судьи, ведущего процесс, содержатся в Кодексе чести судьи. Но, поскольку в нем регламентируются отдельные аспекты деятельности суда, существует также ряд иных нормативных актов, которые развивают и дополняют требования Кодекса чести. Например, постановления пленума Верховного Суда Республики Беларусь.

Из детективных фильмов все знают, что каждый задержанный имеет право хранить молчание, право на защиту. Но какие обязанности право на защиту возлагает на суд? В пункте 7 Постановления пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23.12.1999 г. № 14 «О повышении культуры судебной деятельности и улучшении организации судебных процессов» рассматривается обязанность суда, вытекающая из права на защиту, регламентированного ст. 11 Всеобщей декларации прав человека, ст. 2 и 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и ст. 62 Конституции Республики Беларусь. Суд должен принимать меры к тому, чтобы защитник в ходе судебного заседания использовал все законные средства и способы защиты. Здесь же поясняется, что, «оказывая подсудимому (привлекаемому к административной ответственности) помощь в осуществлении его процессуальных прав, защитник способствует тем самым правильному и всестороннему рассмотрению дела и вынесению законного, обоснованного и справедливого приговора (постановления об административном правонарушении)».

Постановление пленума Верховного Суда Республики

Беларусь № 10 от 21.12.2006 г. также предписывает суду принимать меры, обеспечивающие реализацию положений ст. 62 Конституции Республики Беларусь, гарантирующей право каждого на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод. Судья не просто обязан разъяснять гражданам их право на получение юридической помощи, в том числе и бесплатной, но и по собственной инициативе обеспечивать участие защитника в случаях, когда обвиняемый (его законные представители) или его близкие родственники защитника не пригласили.

Постановление обращает внимание суда на то, что право на получение юридической помощи (в определенных случаях — бесплатной) в уголовном судопроизводстве имеет не только обвиняемый, но и потерпевший, гражданский истец и гражданский ответчик.

Справедливость и равенство перед законом предполагают, что судье запрещается давать публичные комментарии, высказывать кому-либо (в том числе и участникам процесса) свое мнение по делам, поступившим в суд, находящимся в производстве самого судьи или других судей, а также по рассмотренным делам до вступления в законную силу состоявшихся по ним постановлений (это же требование содержится и в Кодексе чести судьи).

Пункт восьмой (Постановление пленума № 14) возлагает на председательствующего обеспечение строгого соблюдения закона, т. к. это гарантирует принцип равенства прав участников судебного разбирательства. При этом председательствующий «обязан проявлять такт, сдержанность и эмоциональную уравновешенность, быть внимательным и объективным, не допускать демонстрации своих симпатий или антипатий по отношению к кому-либо из участников судебного процесса, создавая тем самым атмосферу доверия к суду, очевидную для всех присутствующих». Судья должен внимательно выслушать участников судебных прений и не вправе ограничивать их выступления во времени. Каждому участнику разбирательства необходимо предоставить возможность свободно излагать свои показания. Все наводящие либо не относящиеся к делу вопросы снимаются.

Внепроцессуальное общение судьи с участниками процесса до вынесения решения по делу недопустимо и должно рассматриваться как нарушение правил профессиональной этики.

Постановление № 14 также обращает внимание судов на то обстоятельство, что в силу ст. 28 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, на тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений, поэтому предписывается исключить в открытом судебном заседании возможность раскрытия информации об интимных сторонах жизни тех или иных лиц, а также оглашения переписки личного характера. Выяснение сведений о личности и роде занятий потерпевших и свидетелей, характере взаимоотношений с подсудимым должно производиться только в пределах, допускаемых процессуальным законодательством, а в сферу личной жизни граждан суд может вторгаться лишь тогда, когда это необходимо для уточнения существенных обстоятельств дела и является предметом доказывания.

Что касается обеспечения полноты протокола, рекомендуется вносить туда все заявления об обстоятельствах, имевших место при рассмотрении дела, и отражать все процессуальные действия суда независимо от того, связаны они непосредственно с существом дела или относятся к порядку ведения судебного заседания.

Требования, касающиеся правил поведения судей и содержащиеся в перечисленных актах, очевидны и поэтому обычно не нарушаются (по крайней мере, грубо). Однако определенную сложность представляют «скрытые» нравственные принципы, которые вытекают из норм права.

Например, в рассмотренном нами Постановлении № 14 в п. 6 со ссылкой на ст. 26, 114 и 115 Конституции Республики Беларусь содержится требование к судам осуществлять правосудие на принципах гласности судебного разбирательства, состязательности и равноправия сторон исходя из презумпции невиновности. В целях обеспечения справедливого судебного разбирательства и вынесения по делу законного и обоснованного решения судам предписывается дать каждому из его участников

возможность использования прав, предоставленных законом. Но каково нравственное содержание данных требований? Ведь именно оно и должно определять объем и порядок действий суда.

Рассмотрим взаимосвязь между нравственным содержанием принципов международного права и требованиями к профессиональной деятельности суда. Возьмем несколько норм из наиболее «близкой» нам Конвенции Содружества Независимых Государств «О правах и основных свободах человека» (далее — Конвенция). Следуя за такими основополагающими актами, как Всеобщая декларация прав человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод провозглашает главные требования — соблюдение международных стандартов в области прав человека всеми государствами — участниками Содружества Независимых Государств, развитие и поощрение уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка, политических убеждений, религии и социального происхождения в целях утверждения идеалов свободы и верховенства закона, предотвращения нарушений прав человека и основных свобод, традиций терпимости и дружбы народов, укрепления гражданского мира и согласия.

Статья 3 предусматривает, что «никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию». Это требование налагает на суд обязанность реагировать на любой случай проявления жестокого или бесчеловечного обращения и при выявлении подобных фактов принимать меры в пределах своей компетенции. Если рассматривать эту норму в рамках действующего Уголовно-процессуального кодекса, то можно отметить, что ст. 33 предусматривается право суда выносить частные определения, «если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены нарушения прав и свобод граждан, а также нарушения закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении дела нижестоящим судом».

Таким образом, если во время судебного разбирательства стало известно, что в процессе проведения предварительного следствия имели место факты жестокого обращения, унижения, — суд обязан разобраться и направить частное определение на имя руководителя органа, проводившего следствие (дознание).

Из положений этой статьи вытекает также нравственный долг судьи обеспечить ведение процесса таким образом, чтобы ни одна из сторон не чувствовала себя униженной. То есть не только контролировать соблюдение требований уголовно-процессуального кодекса, обычной этики общения, но и пресекать попытки сторон воспользоваться такими речевыми приемами, которые могут ущемить честь и достоинство участников процесса. Эти принципы, напомню, нашли отражение в нормативных актах (Постановления пленумов Верховного Суда № 14 и № 10).

Статья 5 провозглашает, что «каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не должен быть лишен свободы иначе, как в следующих случаях и в соответствии с процедурой, установленной национальным законодательством». Из этого положения следует обязанность суда проверять законность ареста и содержания под стражей, обращать внимание на факты негуманного обращения, проявления неуважения к человеческому достоинству. При установлении таких фактов суд должен инициировать решение вопроса о компенсации причиненного ущерба в соответствии с национальным законодательством.

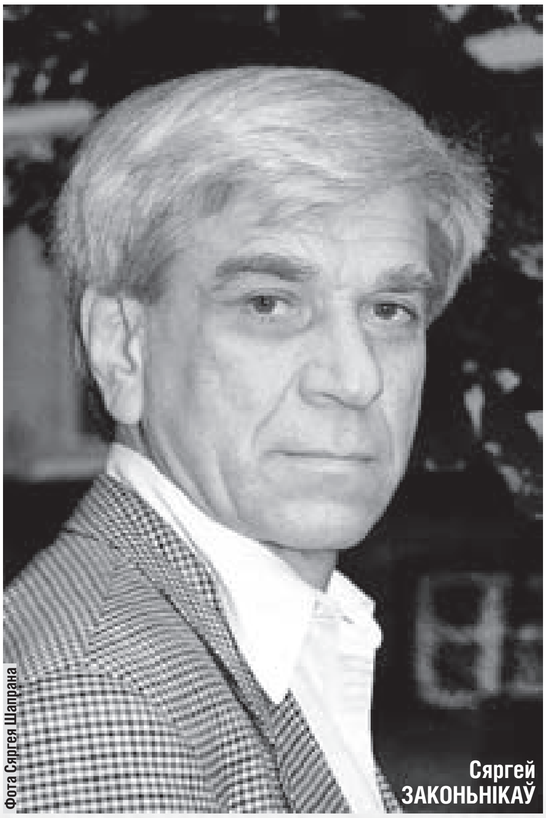
В данном случае речь может идти о применении судом положений главы 48 УПК Республики Беларусь, предусматривающей право на возмещение вреда, причиненного в результате незаконных действий органа, ведущего уголовный процесс.

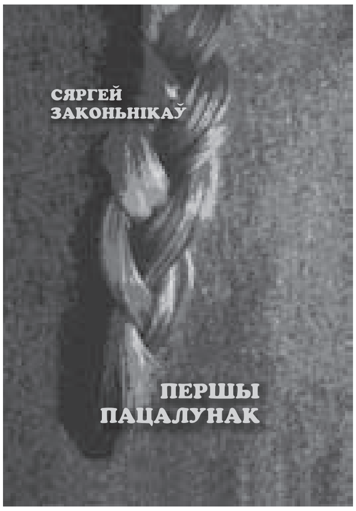
Многие нравственные требования, зафиксированные в международных актах, закреплены и в нормах УПК, но их этическое содержание остается скрытым.

Например, в ст. 12 УПК содержится принцип уважения чести и достоинства личности. Но мало кто знает о том, что из этого принципа, в числе прочего, вытекает обязанность суда выяснить, обеспечен ли подсудимый, доставленный из СИЗО, сухим пайком. Суд также должен помнить о том, что человек, поступивший в СИЗО после ужина, останется голодным до утра.

Статья 20 УПК декларирует равенство граждан перед законом. Она же требует, чтобы суд четко и внятно разъяснял участникам процесса их права, обязанности и много чего еще, о чем граждане нашей суверенной страны просто не знают. Поэтому читайте о своих правах и запоминайте. Пригодится. В случае чего, поможете если не себе, то собратьям по независимому журналистскому цеху.

Фото Юрия Дединкина





Выйшла новая кніга паэта і публіцыста, лаўрэата Дзяржаўнай прэміі Рэспублікі Беларусь імя Янкі Купалы, міжнародных літаратурных прэмій Украіны і Польшчы Сяргея Законьнікава «Першы пацалунак». У кнізе зьмешчана акурат сто вершаў пра каханьне, кожная яе старонка напоўнена водарам гэтага чароўнага пачуцьця. Дзьве далоні, два сэрцы, дзьве крыніцы — Ён і Яна — дыхаюць салодкім водарам палявых кветак, лясных суніц і чыстым зорным небам. Нават у кожнай краплінцы дажджу для іх гучыць музыка каханьня.

Мастацкае афармленьне зборніка распрацавала і выканала дачка паэта Алена Бохан.

Суніцы

Вясной паляны пачыналі сьніцца,
Хацелася туды прысьпешыць крок,
Дзе на прыпёку першыя суніцы
Паказваюць ружовенькі бачок.

Выбліскваў хуткі позірк з-пад хусьцінкі,
А потым зноў хіліўся да зямлі.
Такія, як зярняткі-залацінкі,
Іскрынкі вабныя ў вачах цьвілі.

І сэрца калацілася ўтрапёна,
Калі раптоўна ў маладой цішы
Сыходзіліся зь мілагучным звонам
Няпоўныя да верху гладышы…

Хоць дзень яшчэ высокі, як званіца,
І сэрца не растраціла надзей,
А ўсё-ткі тыя першыя суніцы
Былі нашмат за сьпелых саладзей.

Сонечны верш

Імклівa сонечная раніца
Зямлю ў абдымкі прыняла...
Ты да мяне плывеш абраньніцай
Сьвятога боскага сьвятла.

Плывеш праз золата кляновае,
Празь верасьнёвую смугу,
Мая, але такая новая,
Што і пазнаць я не магу.

Прамень усьмешлівы і ветлівы
З тваёй далоні сум дзяўбе.
А ты наскрозь уся прасьветлена,
Як быццам і няма цябе.

Вясло

Ты помніш?
Ноччу чорнай,
Як месяц не сьвяціў,
Крадком — у дзедаў човен,
І наўпрасткі — у ціш.

Нас туманы хавалі,
І вецер быў нам брат.
А човен несьлі хвалі
Да берага, у сад.

Там яблык самы сьпелы,
Стаіўшы мройна дых,
Нібы Адам і Ева,
Дзялілі на дваіх.

Сьвітаньня сьпеў празрысты,
Ты ў ім цьвіла, жыла…
Мы прыплылі на прыстань,
Ды толькі безь вясла.

А дзед злуецца ўраньні:
— Бач, чэрці…
Не да сноў…
Але ў цяньку старанна
Вясло габлюе зноў…

Ты помніш?
Ноччу чорнай
Іду я за сяло…
У дзеда новы човен
І новае вясло.

Усьмешка жанчыны

Верце-ня верце, а сьвята прычынай
Стаць можа простая ўсьмешка жанчыны.

Той, што ў вагоне шматлюдным сядзела
І прад сабой невідушча глядзела.

Моўчкі глядзела ў душу, і, падобна,
Ціхай жанчыне было надта добра.

І не хацела, а сьветлым сакрэтам
Стала дзяліцца з усім белым сьветам.

Раптам адчуў я душою і целам,
Што электрычка праз вечнасьць ляцела.

Везла ў нязнанасьць усьмешку бяз страху
Зорнымі рэйкамі Млечнага Шляху...

Дзень непрыкметны застаўся са мною,
Сьпеліць ён зноў пачуцьцё незямное.

Смутку прычына і шчасьця прычына —
Тая звычайная ўсьмешка жанчыны.

Пабудзь са мной

Асеньняя шчымлівая дарога,
І ты — неспадзяванкай незямной.
Я пра цябе ня ведаю нічога…
Пабудзь са мной.

Пабудзь са мной…
Не я шапчу, а лісьце,
Што шаргаціць у сутані лясной.
Было вясёлым і яно калісьці…
Пабудзь са мной.

Якая далеч мгліцца за плячамі,
Якая высь над першай сівізной!
А мы ніколі гэтак не маўчалі…
Пабудзь са мной.

Нішто мяне ня ўсьцешыць…
І ня зьдзівіць…
Ты будзеш самай лепшай навіной.
Вачэй тваіх адтайваюць ільдзінкі…
Пабудзь са мной.

Чым станем потым мы ў вялікім сьвеце:
Зямлёй,
Травой
Ці зоркаю скразной?
Прамень надзеі не згасае, сьвеціць…
Пабудзь са мной,
Пабудзь са мной…

Небясьпека

Міхайлу Шаўчэнку

Зноў на праспэкце —
Паводка дзявочая:
Сьмех мілагучны, надзей галасы.
Дзіўна, але Дастаеўскі ня збочвае
З памяці тут — у разгуле красы.

Класіку веру, а існасьць упартая
Тое прароцтва ўспрымае, як ёсьць:
Можа, уратуе ўвесь сьвет,
Ды інфарктамі
Век мой уласны
Даб'е прыгажосьць.

Згінуць заўчасна баюся да змогі я,
Нават калі б мне сьвяціў маўзалей...
Рыжавалосыя і даўганогія,
Вы аббягайце мяне, як далей!

* * *

Ёсьць назвы,
і болей нічога:
Жанчына…
Каханьне…
Жыцьцё…
Замкнута ад нас адкрыцьцё,
А ключ — пад падушкай у Бога.

Вечны сказ

Малітву сьвітальную не параўнаць
З уздыхам душы
ў цішыні вечаровай…
І гэтыя словы спрадвечна гучаць,
Нібы ўпершыню,
апантана і нова.

Яны на Зямлі ратавалі мяне,
Куды з ласкі Боскай
я трапіў у госьці,
І хочацца верыць,
што не абміне
Душу
іншы сьвет
незабыўнай мілосьцю,

Каб там,
дзе чародка нябёсаў скубе
Блакітныя травы
высокага неба,
Пачуць росны шэпт:
«Я кахаю цябе…»
Мне болей нічога,
нічога ня трэба.

Пальчык

Прыклала свой пальчык да вуснаў:
«Маўчы…»,
Вяла па приступках мілосьці ў нябёсы…
Мне помніцца млосная сьпеўнасьць начы,
Якая сьпяліла сьвітальныя росы.

Люляў нашы душы акрылены сплаў
Бунтоўнай свабоды і ціхай пакоры
У ложку з густых, долам высланых траў,
З адбітых у кропельках сьвежасьці зорак.

Плыве праз жыцьцё цуд са мной і цяпер,
Яго не замгліла расхлістанасьць долі,
Бо пальчык —
Да шчасьця ўказальны той перст —
На вуснах ляжыць і ня зьнікне ніколі.

Прабач

Прабач,
Што так хутка жыцьцё пралятае —
Нібыта прылашчыў
І зьнік дзіўны сон...
Мая веснавая,
Мая залатая,
Ня ведаю — колькі мне выпадзе дзён,
Ня ведаю — колькі мне суджана крочыць,
Каб раптам да самага краю дайсьці.
Ды дзякую лёсу за сьмелыя вочы,
За цуд непаўторны ў нягеглым быцьці.
Мая веснавая,
Мая залатая,
Я больш у зязюлькі гадоў не пытаю...
Хоць сьмерць не разлучыць
Ні душы,
Ні целы,
Прабач,
Што так хутка
Жыцьцё праляцела.

Першы пацалунак

Ляжаў вялікі, белы камень тут —
Каля бруі прыветнае крыніцы.
Як брат зь сястрою, у любімы кут
Мы беглі, каб красою наталіцца.

Але ў той дзень загадкавы віхор
Нас выхапіў зь зямнога летуценьня,
Дзе конікаў ня моўк бязладны хор,
Мільгалі сьлюдзяных стракозаў цені.

Паўстала тое, што лунала ў снах,
Сатканых з позіркаў і шэптаў кветак.
Маланкавай вясны зялёны шлях
Імкнуўся сьпешна да раскошы лета.

Раптоўна сьвет асьлеп,
Аглух
І сьціх,
Зачараваны сьмеласьцю спакуснай.
Забыўшыся няўзнак на ўсё і ўсіх,
Раскрыліся, нібы пупышкі, вусны.

Дайсьці ў трымценьні не змаглі яны
Да таямніц сьпякотнага каханьня.
Хоць мы былі прад вечнасьцю адны,
Ды толькі сутыкнуліся дыханьні.

Такога пачуцьця ня меў пасьля,
Хоць зьвязана жыцьцё ў апошні клунак.
З-пад ног сплыла і зьнікла дзесь Зямля…
А гэта быў мой першы пацалунак.

Письма Василю Быкову, не успев дойти вовремя, приходили даже в первое время после его кончины. Читатели писали ему не один десяток лет, тысячи писем, в которых было все: просьбы, судьбы, боль и, конечно, признания в любви — в любви к писателю и его книгам. В общем-то, обычные люди писали Быкову необычные письма…

Photo.bymedia.net

«Любое Ваше произведение тысячу раз оправдало Вашу жизнь на Земле»

Василий Владимирович!

Я ни разу в жизни не писал ни в какие организации, а тем более писателю!

Пишу Вам и благодарен той Звезде, которая помогла Вам не исчезнуть в дефисе между 41–45 годами и в других промежутках тоже. Благодарен судьбе, что она не отлила Вашей и моей пули. Мои слова не выражают и самой малой доли тех огромных чувств, которыми я переполнен, понимая Ваши мысли.

Вы велики! Вы имеете власть над живыми и мертвыми — Волошиными, Самохиными, Кизевичами, Ивановскими, Сотниковыми, Люсями, Верами — их 20.000.000. Это только прах их в общих и одиночных могилах, а их души с нами. Вы велики! Вы их воскресили. Вы чародей! Они будут жить очень и очень долго. Я с ними вместе в атаке и на той грани чувств, вернее, ощущений жизни — есть она и нет ее. Я не стыжусь моих слез — это самая чистая и искренняя благодарность Вам за Ваше Волшебство, за Вашу власть надо мной. Вы открыли в Человеке такое огромное человеческое мироощущение, что это по плечу только Вам. Это проверено временем. Мои слова бедны и не выразят всех моих мыслей и чувств.

Любое Ваше произведение тысячу раз оправдало Вашу жизнь на Земле.

Спасибо Вам, что Вы есть на Свете.

Долгих, долгих лет Вам и много творческих сил.

С искренним и сердечным приветом и огромной благодарностью к Вам, Тимофеев Павел Иванович, 1927 г.р., г. Маевка.

Иногда меня спрашивают, что, вот я соприкасалась с редакцией и должна знать, что Вы представляете собой как человек. Я отвечаю — читайте произведения Василия Владимировича, и каждый положительный герой — это сам автор.

Спасибо природе, что Вы есть и украсили белорусскую нацию.

Вера Саввична Вернигер, г. Гродно.

Паважаны Васіль Уладзіміравіч!

Вялікае Вам дзякуй за тое, што Вы растлумачылі мне і ўсім тым, хто не ведаў вайны, якая яна — гэтая Вайна. На жаль, я прачытала толькі тры Вашыя творы — «Сотнікаў», «Знак бяды», «Кар'ер». Але яны каштуюць усіх тых твораў пра вайну, якія я чытала да іх.

Дзякуй!

Наташа Б., 17 гадоў, г. Мінск.

Письма поддержки Быков стал получать еще со второй половины 60-х годов — когда в печати одну за одной громили его повести «Мертвым не больно», «Проклятая высота» и «Круглянский мост». Писателя однажды избили неизвестные, а в его квартире выбили стекла. В школах сотрудники КГБ читали лекции о бдительности и, приводя примеры, говорили, что рядом с Синявским и Даниэлем и «наш Быков» писал произведения, направленные на подрыв советской власти и разлагающие молодежь. Первый же секретарь Гродненского обкома Мицкевич «информировал» партактив, что Быкова обрабатывают итальянские фашисты. И после публикации быковских повестей секретные донесения в ЦК КПСС слало ни много ни мало, а высшее руководство КГБ СССР.

Но в это же время ободряющие письма присылали в Гродно многие писатели и критики: А. Адамович,

М. Бажан, Г. Бакланов, Ю. Бондарев, Ю. Гончаров, Д. Гранин, В. Каверин, К. Кулиев, Л. Лазарев, В. Некрасов, В. Оскоцкий, М. Пархомов, К. Симонов, С. С. Смирнов, А. Солженицын, А. Твардовский, В. Тендряков… Шли письма и от простых читателей, прошедших фронты Великой Отечественной и возражавших тем критикам и отставным военным, которые печатно негодовали по поводу быковских повестей: «Так не воевали!»

Как правило, письма в защиту Быкова приходили в редакцию «Нового мира» (где и печатался тогда писатель), но, поскольку опубликованы быть не могли, пересылались непосредственно автору «крамольных» повестей. За давностью лет их сохранилось не так уж много, к тому же, в силу полемичности и обстоятельности, они достаточно велики, поэтому приведем фрагменты лишь из одного такого письма.

[…] Мы, бывшие партизаны Великой Отечественной войны, прочитав в журнале «Огонек» […] отзывы своих коллег по оружию […] на повесть видного белорусского прозаика Василя Быкова «Круглянский мост», считаем своим долгом ответить авторам этих двух писем, что не разделяем их точки зрения, поскольку в основу их писем положены прежде всего интересы защиты «собственного мундира». Мы полагаем, что не согласится с их взглядами и основная масса народных мстителей, поскольку претензии А. Ф. Федорова и авторов коллективного письма надуманны, а попытки сгладить все отрицательное, что было в нашей партизанской среде, — дело не только бесполезное, но даже вредное.

Бритвины и Данилы, к сожалению, не выдумка белорусского писателя. Мы помним, например, комвзвода Виктора К. из бригады «Неуловимые», который был расстрелян руководством за хищение бригадных денежных средств. Нам лично приходилось участвовать в бою с группой партизан-мародеров из отряда «А», которая угнала деревенский скот из деревни Купровичи, где нашим партизанским комендантом был Вася Ананьев, обратившийся к нам за помощью.

На взорванный нами 23 марта 1944 года немецкий воинский эшелон на стрелках ж. д. станции Юратишки претендовали самозванцы сразу из нескольких диверсионных групп. Лишенные своей продовольственной и вещевой базы партизаны зачастую вынуждены были заниматься попрошайничеством и поборами, которые, став чем-то вроде нормы, достигли в войну невиданных до того времени масштабов. Поговорка «Спасибо этому дому, пойдем к другому» возникла именно в партизанской среде на оккупированной территории.

Тем не менее мы любим свой штабной отряд бригады особого назначения «Неуловимые», где прошла наша боевая юность и в составе которого один из нас взорвал 22 немецких воинских эшелона, а второй четырнадцать и полоцкую нефтебазу, и не стыдимся говорить о его недостатках […]

«…Не исправить В. Быкову тот вред, не возместить тот ущерб, который он нанес делу патриотического воспитания нашей сегодняшней молодежи…» — отказывают они [А. Ф. Федоров и авторы коллективного письма. — С. Ш.] современной молодежи в способности самой разобраться, где лево, где право. В самом деле, если только одна книжка В. Быкова «Круглянский мост», написанная «уныло и серо», как утверждают авторы писем, способна нанести непоправимый вред нашей молодежи и делу воспитания ее, то чего тогда стоит это дело, а вместе с ним сотни и тысячи других книг и книжонок, написанных, должно быть, весело и ярко. И не следует ли тогда С. Ваупшасову, А. Борисову и другим уважаемым боевым коллегам заняться прежде всего этим самым хромающим на обе ноги делом и яркими, но бесполезными книжками […]

Ратуя на словах за правое дело, группа ветеранов замахнулась на святое святых нашей Родины — свободу творчества и свободу мнений в нашей стране, то есть на составную часть той свободы, ради которой мы в пятнадцатилетнем возрасте шли с оружием в руках против немецких захватчиков […]

Не «обиды», как пишет А. Ф. Федоров, и не «удивление и возмущение», как пишут авторы второго письма, заставили нас взяться за перо, а та опасность, которая угрожает советской партизанской литературе от недозрелых рекомендаций и ложно понятого патриотизма.

Бывшие юные партизаны бригады особого назначения «Неуловимые» —

П. Лисицын, В. Титов.

Замкомбрига партизанской бригады им. Жукова по разведке — К. Е. Антипенко.

Начштаба диверсионного отряда им. А. Невского партизанской бригады им. Ворошилова — С. А. Варламов.

3 ноября 1969 г.

Photo.bymedia.net

«Я ощутил близость с Вами»

Уже спустя годы, когда надобность в защите будто бы отпадет, читатели станут присылать письма иные — на первом месте теперь будут чувства и впечатления от прочитанного.

За Вашим творчеством я слежу с тех пор, как прочла в 1966 г. в «Новом мире» «Мертвым не больно». Была потрясена постановкой вопроса — этические нормы, что же хорошо и что плохо. Но фамилию еще не запомнила. Позднее один скептик сказал, что да, «Сотникова» прочитать надо обязательно. И я вторично была поражена потрясающей силой неизбежной логики развития их жизней (героев)...

Сейчас я закончила читать Вашу книгу «Третья ракета. Альпийская баллада. Сотников»... «Сотникова» мне было страшно перечитывать. Главное я помнила хорошо. И я начала с романтического названия «Баллада». Это уже совсем в другом роде. Несмотря на лагерь, на побег, на немцев, у читателя остается в глазах голубое небо, альпийские луга, маки и хрустальный звук горного потока.

Какие слова нашли Вы для описания молодых Ромео и Джульетты! Это поразительно! Ведь сотни лет уже пишут о них многие люди. А тут ново, свежо, необыкновенно сочно, жизнеутверждающе! Действительно, неисчерпаем русский язык.

С концом я не согласна — вряд ли выжила Джулия, брошенная со скалы, даже на снег, и уже через 18 лет не написала бы письма в Россию, а если хотела — сделала бы это раньше. Вам это можно сказать — Вы так точны в деталях...

Страшные будни войны — «Третья ракета». Но подробности боя, приводимые там, так достоверны, так убедительны, что кажется: ты находишься там сам.

А Задорожный? Вот Ваш враг № 1. И на войне, и в мирной жизни такие люди еще ой как есть. Он перекликается с тем надутым, самоуверенным типом из «Мертвым не больно» (Сахно, кажется).

Боритесь с ними. Пожалуйста, боритесь. У Вас есть талант и есть возможности для этого. У нас растет новое поколение — как они относятся к таким качествам людей? Кто их воспитывает? Ведь родители на работе!

А тут тираж 100.000, когда у нас 250 млн. населения. Требуйте увеличения тиража Ваших книг... Пусть люди читают хорошие книги.

Спасибо Вам большое, Василь.

Ваша читательница,

Е. Ошанина, г. Москва.

Как ни странно, но повесть «Сотников» я прочел сравнительно недавно. До сих пор мне казалось, что все, опубликованное Вами, мне известно. Думаю, Вы не нуждаетесь в дополнительных восхвалениях и восторгах еще одного из почитателей Вашего таланта, возьму лишь на себя смелость заявить, что в моих глазах Вы относитесь к очень небольшой группе писателей, о которых можно сказать, что они лучшие из лучших.

Прошло почти два месяца, как я познакомился с «Сотниковым», но полностью прийти в себя так и не смог. Перед глазами то и дело возникают герои повести. Меня взволновали не только события тех лет, яркие образы основных героев, сопоставление характеров, формирование этих характеров, но и схожесть многих событий и окружающей среды с тем, что происходило со мной лично с конца 1941-го и в начале 1942 г. Иногда кажется, что писатель либо сам побывал в этих местах, либо слышал о них от первого лица, которым мог оказаться и я. Мы с товарищем так же прокрадывались в деревни, чтобы найти еду для оставшейся группы в лесу, так же лежали на снегу. Сидел я с целой группой (без моего товарища) точно в таком же подвале, и полицейские и их повадки, музыка, топот, неясный говор сверху — все это, как две капли воды, походило на то, что происходило со мной. Подвал, в котором я находился, был в Кричеве (очевидно, на окраине)... Чтобы до конца понять все описанное Вами в «Сотникове», надо самому в какой-то степени подобное пережить. Может быть, и можно понять, но не изнутри, не сердцем...

Я был бы счастлив с Вами встретиться...

Минц Макс Григорьевич, г. Москва.

Вам пишет читатель, который после «Мертвым не больно» и «Круглянского моста» ощутил — может быть, это прозвучит неуместно — близость с Вами. С тех пор я не пропускал Ваших вещей, постепенно собрав, по-моему, почти все. Не относитесь к этому как к излиянию экзальтированного поклонника. Просто Вы для меня не чужой человек, а один из немногих, кого я для себя считаю не то что учителем, а примерно духовником (если понимать не слишком буквально).

Только что прочел «Карьер». Еще не все отстоялось, еще не вполне пришел в себя. После каждой из Ваших вещей необходим период этакой «реанимации» — слишком большая тяжесть каждый раз наваливается. По-моему, в Ваших последних книгах — «Знак беды» и «Карьер» — гораздо сильнее стало ощущение сострадания. Не просто кошмарная безысходная ситуация, край — а именно идущее от автора сострадание героям, так и не видевшим в жизни просвета, радости (как в «Знаке беды»), или тем, у кого не хватило силы в страшную минуту молча вынести пытку, или оказавшимся в западне, поставив проклятую подпись («Карьер»). Наверно, смешно, что я Вам же рассказываю Ваше, но просто надо выговориться. Если б дал бог когда-нибудь встретиться!..

В. Н. Хейфец, г. Москва.

«Может быть, автор упоминает о моем отце?»

Но были письма и совсем особого рода. Читать их и теперь тяжело. Тяжело, поскольку в каждом таком послании — чья-то «незагойная рана» (так назывался быковский рассказ 1957 года), чья-то утрата… В 1971 году в статье «Нет без вести пропавших» Василь Владимирович приведет несколько таких писем, но то будет лишь маленькая толика из всего, что получит он в течение своей жизни.

Есть в произведении [«Пойти и не вернуться». — С. Ш.] эпизодическое лицо: партизан Сажнев, умерший от раны в голову. «Если поврежден череп, то можно и умереть, это неважно, что пока стоишь на ногах и при памяти. Помер же от такой раны партизан из первого взвода Сажнев, хотя перед тем трое суток был на ногах и чувствовал себя неплохо».

Скажите, откуда эта фамилия? Реальное или вымышленное это лицо? Дело в том, что мой отец, Сажнев Василий Иванович, пропал без вести в 1942 г. По словам мамы, это случилось то ли под Мелитополем, то ли под Мариуполем. Потом кто-то ей сказал, что видел его в плену. А из плена случались побеги. Может, это наш отец был. Отца я не знала (год мне был, когда отец ушел на войну), но… очень любила, ждала, потому что ждала мама, ждали братья и сестра. Мама долго гадала, верила, что жив.

Теперь она старенькая, уже не говорит «жив», не ловит слухов, что кто-то где-то «обозвался». Мы уже взрослые. Мне, младшей, 46 лет. А душа успокоиться не может. Где отец, как погиб, может, могила есть его?..

С глубоким уважением, К. Бугаевская (Сажнева), Ставропольский край.

…Я прочла статью Василя Быкова под названием «Наша тревожная память». В ней Быков пишет о лейтенанте Бережном, погибшем в бою в Венгрии за два месяца до Победы, но не указывает имени. По всем данным, представленным Быковым, это мой сын Бережной Владимир Александрович, пропавший без вести. Я неоднократно обращалась в военкомат, ездила в Москву, но так и не смогла установить места и даты гибели моего сына. Я уже потеряла надежду, что узнаю что-либо о сыне, ведь немало матерей до сих пор не знают, где и как погибли их сыновья. И вот статья, напечатанная Вами, вновь потревожила рану моего сердца.

С уважением, Бережная Галина Кузьминична, г. Андижан.

Я прочитал статью в Вашей газете под названием «Наша тревожная память». Автор описывает, что очень жалеет своего погибшего друга артиллериста лейтенанта Бережного, но не указывает его имени. У меня брат Бережной тоже был артиллеристом и погиб. Если возможно установить его имя, напишите, пожалуйста, Бережному Василию Ивановичу.

Пожалуйста, имя и отчество.

Я прочитала Вашу повесть «Волчья стая», где упоминается фамилия Ударцева в таком контексте: «После разгрома дивизии я примкнул к группе Ударцева». Поскольку эта фамилия редкая, сибирская, то у меня возникла мысль, что Вы, возможно, знали моего мужа и что он был в партизанах.

Я — вдова Павла Васильевича Ударцева, 1912 г. рождения. Имею извещение о его гибели на Калининском фронте от 30 марта 1942 г. И имеется его последнее письмо от 26 марта с дороги. Он возвращался в свою часть с курсов младшего комсостава из г. Торжка. Обстоятельства гибели и местонахождение могилы мне неизвестны…

Ударцева Нина Павловна, г. Москва.

Photo.bymedia.net

Тов. Быков! В Вашей статье Вы упоминали фамилию Ковалева, но имя-отчество не написано. Если он — Алексей Васильевич Ковалев, рождения 1916 года, уроженец Винницкой обл., который служил до начала войны в г. Житомире офицером-артиллеристом, то опишите мне о нем все, что Вам известно, более подробно, и если чудом у Вас сохранилось фото, то вышлите мне. Мой жених был Алексей Васильевич Ковалев, мы 30 июня 1941 года должны были пожениться. Последнее письмо от него я получила 22.6.41 года…

С уважением к Вам, Ф. Мылова, Кировоградская обл.

…Я, как и миллионы других детей того времени, потеряла в этой войне отца. Когда он уходил на фронт, мне было 4,5 года, а когда погиб — 9 лет. И, как многие мои сверстники, я отца знаю только по фотокарточке. И вот в «Известиях» за 25 мая я прочитала статью Василя Быкова «Наша тревожная память», где рассказывается о тяжелых боях в Венгрии возле станции Шимонторнья. Это название станции меня очень растревожило, ибо мой отец погиб именно в Венгрии, и в «извещении» указывается, что похоронен в населенном пункте Шимантерино… Очень бы хотелось услышать из уст живого свидетеля о последних днях жизни отца…

Лидия Самойловна Бренер, Ивано-Франковская область.

«Я тебя раньше уважал как писателя...»

Мы покривили бы душой, если бы умолчали об еще одной категории писем. Впрочем, прежде стоит вспомнить письмо военнослужащих из в/ч 65442 из Лепельского района, обращенное к писателю: «Не звяртайце, калі ласка, увагу на крытыкаў — памятайце, што з кожным Вашым словам мацнее любоў чытачоў да Вас».

т. Василь Быков!

Прочитал Вашу писанину в «Лит. газете» от 18.01.98 г. (№ 3) и решил написать Вам о том, что я думаю о Вас и об этой писанине. Не обижайтесь за резкий тон. Он будет точно такой же, каким пронизана Ваша статья... К своре стервятников, питающихся мертвечиной, прибавился еще один — это Вы, милейший!

Надеюсь, Вам понятно — что я хочу этим сказать? Да, Вы правильно догадались — к кучке взвывающих злобой на товарища Иосифа Виссарионовича Сталина приткнулся еще один деятель — Василь Быков!..

Вот если бы был проведен Всенародный референдум об отношении людей нашей страны к памяти т. И. В. Сталина, то тогда бы все стало на свои места!..

Смыгин Александр Федорович, г. Ленинград.

Мне совершенно не понятно, как Вы пишете, что необходимо возвращаться к родному языку. Зачем? Неужели Вы не видите, что бел. язык — это, фактически, тот же русский, только как бы несколько безграмотный и глуповатый. Ведь русский чел. белоруса, а белорус — русского поймут на все 100% и без переводчика. Бел. язык — это диалект русского, и не более того. И что ушло — то ушло, ни к чему заниматься реанимацией умершего, это, как Вы правильно заметили, «зряшное дело». Бел. язык стал как латынь, вышел из употребления. Так ведь на латыни хоть рецепты пишут, а тут... Он потерял к себе уважение еще и тем, что примитивнее русского. Вот смотрите, передают погоду, говорят: «В Рызе — 20». Ну почему в Рызе, есть г. Рига, а РЫЗЫ нет? Далее, «циск — 725». А Вы что, приходите к врачу и говорите: «Доктор, измеряйте мой циск»? Нет, Вы говорите — измерьте давление. Много одинаковых слов — «нараджэння, кахання, паскарэння, здарэння, пасяджэння, пакарання, утварэння и т. д. Полсловаря слов одного звучания. У нас говорят везде и всюду, в основном, на русском с большим акцентом бел-го, и только радио до того уже забрехалось, что его хоть не включай, что мы и делаем — ну сколько можно жартаваць? Да и письменники и пагэты бел. (пагэт — это более правильно, чем паэт, так как: окно — вакно, ул. — вуліцы, эта — гэта. Значит, поэт — пагэт). Ну дык вось: взять, к примеру, этого Максима Броневика, нет, кажется, пулемета, вспомнил — Танка. Ну, скажите, зачем живому чел. лично себе давать усякия мянушки-кликушки, или он стесняется своей родной фамилии — Скурко? Как после этого читать его творы, словесную плетуху?..

Знаешь, Василь Быков, я тебя раньше уважал как писателя, пока не прочел «Карьер» и про мост [очевидно, речь о повести «Круглянский мост». — С. Ш.]. Ты становишься глашатаем буржуазного всемирного пацифизма. После этого я изменил свое мнение о тебе как о писателе.

А когда я прочел твою наглую, злобную, самодовольную и [неразб.] статью в «Советской культуре» от 10.12.87 г., я перестал тебя уважать как человека. Назвать тебя подонком, как [имя другого писателя, названного тут, опускаем. — С. Ш.], — не могу. У тебя талант и больше заслуги в ранних произведениях — они нужны народу. Но ты не наш человек, сытая, безмятежная жизнь в последнее время тебя изменила.

Без уважения.

[Подпись неразборчива. — С. Ш.]

Адрес не пишу, т. к. ты все равно бы не ответил.

Открытое письмо гг. С. Шушкевичу и В. Быкову

Вы, г-да, не в ладу со многими Заповедями Христа. В этом письме поговорим лишь об одной: не судите, да не судимы будете...

Мы долгие десятилетия жили по лжи и во лжи. Нам лгали с утра до вечера, с рождения до смерти. Лгали о счастливом будущем, которое никак не наступало, лгали о свободе, которой не было, лгали о «загнивающем», который до сих пор никак не загниет. Нас вынуждали жить двойной жизнью: громогласно славить режим и тайком, «на кухне» проклинать его. Мерзопакостное было время, но вот оно сменилось другим — увы, во сто крат худшим, еще более лживым. Худшим не только из-за несравненно более убогой, нищей (и материально, и духовно!) жизни. Демболтуны говорят: зато свободы больше. Какой свободы, для кого? Свободы для подонков и «свободы» для народа. Свободы грабить и свободы лгать. Дошло до того, что само понятие народовластия (демократия) стало ругательным словом, символом режима, где властвуют «предприниматели» (= хапуги, спекулянты, бандиты) и их подпевалы из числа так называемых «интеллигентов», кои, видимо, рассчитывают, что им что-то достанется со стола нуворишей, как раньше доставалось от партократов.

Так вот. Мало того, что вы воспеваете эту дерьмократию, вы еще очевидные беды нынешнего существования пытаетесь свалить на своих предшественников, на «тоталитарный режим»...

ЭТО ПИСЬМО — НЕ АНОНИМКА, ИБО ПОД НИМ МОГУТ ПОДПИСАТЬСЯ ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ.

(Письмо без подписи, равно как и конверт без обратного адреса.)

«У меня есть материал — это моя жизнь»

Приходило великое множество писем, авторы которых просили Быкова дать оценку их литературным трудам или же, рассказывая истории из своей фронтовой или сегодняшней жизни, предполагали, что писателю это может пригодиться в его творчестве; иные же настаивали на том, что написать о чем-то — необходимо.

12-го апреля я слышала Ваше выступление по телевизору, что Вы пишете книгу про войну, в книге нет еще названия. Я хочу, чтобы Вы написали такой эпизод из моей жизни...

Я пишу Вам как автору повести «Пойти и не вернуться»... У меня есть большой материал для создания образа шкурника, приспособленца, близкого человека, который благополучно выжил в пекле войны, вернувшись из немецкого плена. Хотелось бы этот материал дать Вам прочитать, но для этого надо встретиться. Вы не бываете в г. Свердловске?

Я не знаю другого такого писателя, который так глубоко проникает во внутренний мир человека, понимает его и дает точную оценку происходящему, высоко ценя принципиальность, честность, человечность. Если Вы сейчас работаете над современным произведением, то у меня есть материал — это моя жизнь...

...Я очень люблю Ваши произведения, они глубоко трогают меня, волнуют, заставляют вновь и вновь возвращаться к тем тяжелым и героическим временам, едва-едва задевшим мою жизнь своим крылом... Я как бы вижу все, о чем Вы пишете, своими глазами. Я всегда с Вашими героями, а если точнее, то это я ползу по снегу, ухожу в морозную темень ночи, становлюсь рядом с ребятами под пули врага... Это всегда я, Вы пишете обо мне, моих чаяниях и переживаниях, хотя, конечно, Вам знать не дано о такой малости, как я...

Но вот война позади. Представим, что я — Ваш герой — жива и здорова, закончила курс наук, работаю... Как Вы думаете, легко ли мне жить? Неужели все волнения, страсти, опасности остались там, в прошлом, на тех сумрачных таежных тропинках? Неужели сейчас, под мирным, чистым небом все хорошо и спокойно, царит этакая почти райская идиллия?

Нет, Василий Владимирович, нет... И Вы, наверное, знаете это не хуже, а лучше меня...

И мне очень хотелось бы, чтобы такие Колоссы, как Вы, обратили свой взор на день сегодняшний, чтобы с присущей Вам прозорливостью и сердечностью показали нашу жизнь, ее борьбу с косностью, стяжательством, борьбу, если хотите, за человека, за наше будущее, потому что оно целиком зависит от того, каким человек станет...

Каждая эпоха достойна того, чтобы о ней говорили во весь голос. Расскажите о ней и Вы, прошу Вас!.. У Вас это получится обязательно, здорово, я верю! Верю и... хочу ждать. Очень!..

Photo.bymedia.net

* * *

Увы, Василю Владимировичу уже не напишешь. Но нуждался ли он в наших письмах? Наверное, да. Особенно в тех доброжелательных и искренних, когда люди писали просто потому, что не могли не написать. Писатель ведь и пишет для того, чтобы его читали, а писать без реакции «с той стороны» — все равно что отправлять письма без надежды на ответ.

26 февраля 1978 г.

Дорогой Василь Владимирович!

Надеюсь, что это письмо дойдет до Вас через редакцию «Нового мира». Хочу выразить Вам огромную благодарность за Ваши повести. Они меня всего перевернули. Действительно, в них скрытая взводящая пружина, сила. Я прочитал почти все Ваши произведения, некоторые по два раза.

Мне скоро девятнадцать. Много что нужно сделать. Нужна уверенность в том, за что живешь, центральный стержень — не сдаться, не сломаться. Я вижу Ваших героев.

В этих ситуациях все — по лезвию ножа. И как кто повернется под этим лезвием?!

Вы обнажили то, что закрыто обыденностью — становой хребет — из хряща он или из железа!

Левчук, Ивановский, Василевич — это вот действительно люди, это хребет народа. Я завидую им. Я гляжу им в глаза.

Вы глубоко копаете, очень глубоко. Так и надо. Несмотря на трагичность, через пронизывающие всё конфликты в Ваших произведениях бьет струя жизненной уверенности и силы, выболенного, выстраданного оптимизма, оптимизма жить через всё. Вот именно что — дожить до рассвета!

Для меня примером Ваше величие духа, несгибаемость — ибо за произведениями — Вы сами.

Пишите, пишите, копайте глубоко и много! Для моего поколения это вот так нужно!

Вы просто обязаны писать! Это сейчас очень-очень нужно.

Еще раз Вам мое большое спасибо за то, что уже прочно вошло и никогда не изгладится у меня. Один из Ваших верных читателей — Растянников Павел.

В публикации использованы письма из домашнего архива писателя. Печатаются с согласия Ирины Михайловны Быковой.

Подготовил Сергей Шапран

Анатоль ГАТОЎЧЫЦ

Споведзь самотных самасёлаў

Вёску Савічы Брагінскага раёна вырашылі «ажывіць» пасля чарнобыльскай катастрофы самасёлы. Праз нейкія два гады пасля адсялення сюды вярнуліся блізу дзвюх сотняў чалавек — прыкладна чацвёртая частка колішніх жыхароў. Знаходзілі тут прытулак і людзі з «гарачых кропак» былога Савецкага Саюза.
Наведаўшы Савічы ў сярэдзіне 90-х гадоў цяпер ужо мінулага стагоддзя, беларускі прэзідэнт агучыў новы падыход да пражывання суграмадзянаў на забруджаных радыяцыяй тэрыторыях: «Хочаце жыць — жывіце!» І загадаў даць у падмогу самасёлам трактар і камбайн.

«Цяжка, што людзей няма»

Мінула дзесяцігоддзе, і жыццё расставіла ў Савічах свае акцэнты.

Марыя Гаўрыленка

Зарастаюць быльнягом вуліцы ды агароды. Вясковая крама, куды заходзіў кіраўнік дзяржавы, даўно закрыта. Са ста васьмідзесяці колішніх самасёлаў у Савічах цяпер засталося толькі 59 чалавек.

Сямідзесяцігадовая бабуля Марыя Гаўрыленка скрушна апавядае:

— Ох, галубчык мой, салавейка мой, жывецца цяжка. Таму, што людзей няма. Паўміралі людзі… Пасеялі за хлеўчуком бульбу, дык прыйшлі дзікі і палову сотак зрылі. Раней усё наваколле людзі засявалі, а цяпер пустуе зямля, быллём парасла. Хоць бы траву які трактар скасіў, каб не было такой глушы. Ласкі просім, каб пакасілі касілкамі, каб дзікі так нахабна тут не гойсалі.

Да чарнобыльскай катастрофы Марыя Дзям'янаўна з сям'ёй жыла ў Пучыне, непадалёк ад Савічаў. Перасялілі іх у саўгас «Камінтэрн» Буда-Кашалёўскага раёна, дзе радыяцыі таксама хапае. Хіба толькі стронцыю крыху меней.

— Калі мы жылі ў тым «Камінтэрне», у пасёлку Шырокім, я крыху расшорхалася, узяла вядро і выправілася ў Салаўёўку. Гэта вёска за тры кіламетры ад нас. Яе выселілі, а плантацыі клубніцаў там засталіся. Прыйшла я туды, стала ягады збіраць. Набрала амаль вядро. І тут прыязджаюць нейкія вайскоўцы. Пытаюцца: «Матуля, навошта вы тут клубніцы збіраеце?» А я ім адказваю, як ёсць: «Ягад захацелася». — «Нельга тут збіраць, радыяцыя вялікая». Я здзівілася, кажу: «Нас жа прывезлі сюды як у чыстую зону!»

Вайскоўцы паўсміхаліся і расказалі, што іх перавялі ў Буда-Кашалёва, каб вёскі ачышчаць ад радыяцыі.

Гэты расповед Марыю Дзям'янаўну вельмі ўразіў. Ягады яна не выкінула, прынесла дамоў і наелася ад душы. Але з таго часу глядзець на іх не можа, тым больш пасля перанесеных трох аперацый.

Вядро заражаных радыяцыяй трускалак было апошняй кропляй у рашэнні Марыі і яе мужа вярнуцца на Брагіншчыну. Іхні сын, які жыве ў Камарыне і працуе вадзіцелем, адвёз немудрагелісты бацькоўскі пажытак у пустую хату ў Савічы, бо ў родны Пучын, моцна аздоблены стронцыем, людзі не вярталіся.

Адступленне першае

Вёска Савічы вядомая з XVI стагоддзя як паселішча ў Рэчы Паспалітай. Гэта 152 кіламетры на паўднёвы захад ад Гомеля і 22 — ад Брагіна.

Пасля другога падзелу Рэчы Паспалітай у 1793 годзе Савічы разам з іншымі населенымі пунктамі адышлі да Расійскай імперыі.

На пачатку XX стагоддзя ў Савічах было 127 двароў і

Рыгор Гутнік

ні парадзелых паселішчаў, ні заўчаснага адыходу з жыцця многіх аднавяскоўцаў, асабліва мужчын. Ужо дайшло да таго, што сярэдняя працягласць іх жыцця ў некаторых чарнобыльскіх раёнах ледзьве перавышае 57 гадоў. А колькасць сельскага насельніцтва, напрыклад, у тым жа Брагінскім раёне за апошнія дзесяць гадоў скарацілася ўдвая, нягледзячы на прыезд перасяленцаў з Расіі, Казахстана, Сярэдняй Азіі.

У свайго цёзкі Котчанкі я пацікавіўся, чаму ён усё-такі вярнуўся ў Савічы з вёскі Дуравічы, што ў Буда-Кашалёўскім раёне.

— Дык клімат не падышоў, — знайшоўся Анатоль і распавёў, што «клімат» той — сямейны.

У Савічы вярнулася і маці Анатоля, якой цяпер 83 гады. Так і жывуць. Анатолю няма яшчэ шасцідзесяці, але ён ужо на пенсіі: раней працаваў у радыяцыйна-экалагічным запаведніку, дзе стаж у паўтара разы апярэджвае звычайныя каляндарныя гады.

— Зямлю мы, як і раней, засяваем бульбай, жытам, ячменем, буракамі, памідорамі, гарбузамі і нават кавунамі. Яны тут растуць! — сцвярджае Котчанка.

Вырашчаны ўраджай ніхто не правярае.

— Не павязу ж я бульбу ў Брагін, — кажа Анатоль. — А да нас санстанцыя прыязджае правяраць найперш малако. Карову мы не трымаем, таму нічога і не правяраем. А што правяраць, калі чыстай прадукцыі ўсё адно няма.

Дарослыя працаздольныя жыхары Савічаў мараць пра якую-небудзь працу, бо, апроч участка лясніцтва, у вёсцы няма ніякай вытворчасці, а да калгаса — дваццаць вёрст.

— Тут у нас адны пенсіянеры. Таму дапаможаш прапалоць, гэтаму — узараць, і кожны капейку дасць. Купіш

812 жыхароў. Тут дзейнічалі народнае вучылішча, хлебазапасны магазін, капліца, яўрэйскі малітоўны дом, дзве лаўкі, карчма.

У 1930 годзе ў Савічах заснавалі аднайменны калгас. Вяскоўцы тады мелі два ветракі, крупарушку, паравы млын, кузню, ваўначоску, стальмашню.

Найлепшы дэмаграфічны перыяд прыходзіцца на канец 50-х гадоў, калі ў Савічах жыло 1305 чалавек.

Падчас чарнобыльскай трагедыі ў Савіцкай сярэдняй школе, наколькі памятаю, размяшчаўся штаб унутраных войскаў. На ўзлеску адразу за вёскай трактарным плугам прааралі глыбокую баразну — мяжу 30-кіламетровай зоны. Вайскоўцы паказвалі тады ахоўную сістэму «зоны» кшталту той, якую выкарыстоўвалі памежнікі. Тонкі медны дроцік на метр ад зямлі цягнуўся ўздоўж баразны. Калі хтосьці разрываў яго, сігнал «трывога» паступаў на пульт. Але мясцовыя жыхары без асаблівых цяжкасцяў прабіраліся ў «зону» — хто за рэчамі, кінутымі паводле патрабаванняў начальнікаў, а хто і за харчовымі прыпасамі ды самагонам.

Адзін са сталых жыхароў вёскі Крукі распавядаў мне ў 86-м годзе, што ў Айчынную вайну ён пасты немцаў ды паліцаяў праходзіў, а свае ахоўнікі — тым больш не перашкода.

Марыя Гаўрыленка згадвае: калі яны вярнуліся з саўгаса «Камінтэрн» у Савічы, да іх неўзабаве прыехаў кіраўнік дзяржавы.

— Лукашэнка быў у нас тутака. Даў новы трактар і камбайн. Але тэхніку адразу ў калгас забралі.

Цяпер вяскоўцы шукаюць прыватнікаў з канём альбо якой тэхнікай, каб тыя дапамаглі ім апрацаваць агароды, сабраць збажыну. Бо да калгаса ў Хракавічах, куды далучылі Савічы, ажно два дзесяткі кіламетраў.

Больш шанцуе тым, у каго родныя альбо сваякі працуюць у Палескім радыяцыйна-экалагічным запаведніку, дзе ёсць свая тэхніка. Астатнія спадзяюцца хіба на Рыгора Гутніка з суседняй вёскі Савічы Двор і ягоную працавітую кабылку. Ён і ўзарэ, і пабаранує, і бульбу абгоніць.

— Калі мы вярнуліся сюды, — згадвае Марыя Дзям'янаўна, — тут усё засявалі. А цяперака на ўсю вуліцу толькі тры хаты жывыя. Во тут, праз дарогу, жыла такая ж адзінокая бабуля, як і я цяпер, без гаспадара. Памерла, небарака, дык, мусіць, на трэці дзень спахапіліся, што яе няма. Сталі шукаць дзяцей, дык тыя ўжо прыехалі і пахавалі.

«Чорт нас не бярэ»

У Савічах, як і ўсюды ў чарнобыльскіх вёсках, людзі прызвычаіліся жыць сярод радыяцыі. Але амаль ніхто з вяскоўцаў не ведае ні яе прыроды, ні нават дапушчальных узроўняў радыяцыйнага забруджвання прадуктаў харчавання, у тым ліку лясных грыбоў і ягад.

— Няма ніякага чорта, ніякай радыяцыі. Вунь тыя, што паехалі ў чыстыя зоны, даўно ўжо адчэзлі. А мы тут жывем, і чорт нас не бярэ. Мы ўжо адаптаваліся да радыяцыі, — кажа вясковец Анатоль Котчанка.

І гэтак разважаюць многія, нібыта і не заўважаючы ўсяго таго, што адбываецца побач:

хлеба (*смяецца*) альбо шмотку якую — так і перабіваемся, — апавядае 47-гадовы Рыгор, адзін з дванаццаці вясковых мужыкоў працаздольнага ўзросту.

Унукі Івана Анапрыенкі

Адступленне другое

З калегамі-журналістамі мы заўважылі, што ў радыяцыйных вёсках з ліку дарослага працаздольнага насельніцтва засталіся жыць пераважна людзі з паламаным лёсам. У аднаго не склалася сям'я, у іншага — з працай былі праблемы.

Багата людзей, якія моцна пілі і цяпер не перастаюць гэта рабіць, калі, канешне, яшчэ могуць. Аўталаўкі спраўна возяць у «зону» не толькі хлеб, макароны, цукар, але і гарэлачныя вырабы. Зрэшты, хто-кольвечы і сам здольны наладзіць вытворчасць «карчоўкі», як называюць іншым разам цукровую самагонку.

І з амурнымі справамі ў чарнобыльскіх вёсках асаблівых праблем таксама няма: недзе — развёўся, тут — сышоўся.

Адзін з маладых савіцкіх мужыкоў, дом якога застаўся за калючым дротам у Новым Сцяпанаве, пасля яўнага пахмелля бег за сваёй «палавінкай»: «Люда, пастой! Люд...» Нам ён расказваў: «Гэта маёй роднай жонкі родная сястра».

«Родная жонка», як высветлілася, засталася ў Гомелі, а «родная сястра» — у Савічах.

Побач з дарослымі жывуць у Савічах і чацвёра дзяцей.

У Аляксандра і Ірыны Анапрыенкаў іх двое: чатырохгадовая Ніна і двухгадовая Аксана. Часцяком сюды прыязджае таксама з выселенай вёскі Грушнае і сын Аляксандра ад першага шлюбу, 12-гадовы Дзіма.

Даглядае дзяцей часцей за ўсё дзед Іван. Дзеці босыя і голыя растуць, як кажуць, на ўлонні прыроды, харчуюцца, як і дарослыя, найперш з агарода.

Дзед Іван скардзіцца, што меншая ўнучка вельмі не любіць купацца — ні ў начоўкаў, ні ў дажджавых лужынах. З большымі — лягчэй: «У гразі купаюцца. Дождж пройдзе, дык у лужынах. Раней — у начоўках, у балеі. Няхай плаваюць».

Канцэрт у Савічах

Адступленне трэцяе

Пакуль мы гутарылі з самасёламі, у Савічы прыехаў канцэртны аўтобус з Брагіна. Культурніцкі дэсант прывезла галоўны спецыяліст райаддзела культуры, яна ж кіраўнік галіновай інфармацыйнай групы Любоў Дубадзел.

— У раёне сёння паводле плана — адзіны інфармацыйны дзень. Раскажам пра апошнія падзеі ў нашай краіне і адначасова парадуем — канцэрт прывезлі, — патлумачыла Любоў Аляксандраўна.

На пустыннай вуліцы пачалі збірацца самасёлы. Некаторыя кабеты нават апранулі святочную вопратку. Бо канцэрт для іх — сапраўды свята.

Карцела, канешне, даведацца, пра якія такія падзеі ў краіне будзе распавядаць інфармацыйная група.

— Пра ўдасканаленне сістэмы льгот раскажам, — задаволіла цікаўнасць культасветніца.

Канешне, афіцыйная прапаганда людзям не расказвае, што за апошнія гады на Гомельшчыне паводле пастановаў

урада «чыстымі» альбо з «меншым узроўнем» радыяцыйнага забруджвання сталі больш за 200 паселішчаў. Таму іх жыхароў, у тым ліку і дзяцей, пазбавілі сацыяльнай падтрымкі з боку дзяржавы. Многія населеныя пункты выведзены з катэгорыі абавязковага адсялення, састарэлыя людзі страцілі магчымасць выехаць са сваіх пакінутых вёсак, напрыклад, у аграгарадкі ці раённыя цэнтры.

Тым часам савіцкім самасёлам паказалі некалькі канцэртных нумароў, пагрузіліся ў аўтобус і накіраваліся ў Грушнае.

Воўчы клык

Не абышла бокам самасёлаў Савічаў і адна з бедаў, што пачасцілася ў чарнобыльскіх вёсках. Асабліва ў тых, што прылягаюць да Палескага дзяржаўнага радыяцыйна-экалагічнага запаведніка. Сюды нярэдка забягаюць ваўкі, часам шалёныя, і нападаюць на людзей.

Тое было ўзімку 2006 года. Кацярына Чэчка выправілася па хлеб у суседнюю вёску Савічы Двор. Шалёны воўк напаў на пенсіянерку.

— Клянуся вам Богам, я не памятаю, як прыйшла дадому, — расказвае жанчына. — Вунь і спадніца мая, і куртка пракусаныя. Калі б гэта было летам і я была лёгка апранутая, ён бы мяне на месцы разарваў. Воўк мне на галаву ўскочыў — і па галаве лапамі… Я ў кювет павалілася. Ён нада мною стаяў, а я пуховай хусткай твар закрыла і крычала немым голасам. Воўк, пэўна, спужаўся майго крыку.

Драпежнік парваў жанчыне адзенне, параніў плячо, іншыя часткі цела — і збег. А неўзабаве ля крамы ў вёсцы Савічы Двор воўк напаў на старэнькую бабулю і моцна параніў ёй твар. Спатрэбіліся складаная хірургічная аперацыя і лячэнне ад шаленства.

У Савічах мне сказалі, што не так даўно бабуля гэтая памерла.

Адступленне чацвёртае

Кіраўнік Брагінскага таварыства паляўнічых і рыбаловаў Фёдар Бабранок распавёў, што, па ўсім відаць, і пенсіянерак, а затым яшчэ і маладога мужчыну, пакусала шалёная ваўчыца. Прынамсі, такую ваўчыцу забілі на тэрыторыі калгаса «Агра-Лідэр».

Паляўнічым і ветслужбе давялося нават у навакольных вёсках знішчаць хатніх сабак ды катоў, што мелі кантакт з шалёным зверам: «Якія жывёліны былі пакусаны, мелі кантакт з ваўкамі, тых мы знішчылі. Дзе ўсыплялі, дзе адстрэльвалі. Спалілі іх і содаю тое месца пасыпалі. Прафілактыку правялі. Дзякуй богу, пакуль ціха».

Як сведчыць паляўнічы, вельмі шмат ваўкоў развялося ў радыяцыйным запаведніку. Там спакойна, і яны пладзяцца даволі хутка. А з надыходам моцных маразоў цягнуцца бліжэй да чалавечага жытла.

Канцэнтрацыя пагалоўя драпежнікаў вядзе і да пашырэння сярод іх шаленства. На яго хварэюць вельмі часта як ваўкі, так і лісы. І тыя, і другія нападаюць на хатнюю жывёлу і людзей.

У Савічах тым часам жанчыны засвоілі новую тактыку зімовых паходаў у краму.

— Колле, нажы пабяром ды ідзём, — расказвае ўжо знаёмая нам Кацярына Чэчка. — Па адной ужо не ходзім, баімося. Гуртам ходзім!

Фота аўтара і Уладзіміра Дзюбы

Настасся ЗАНЬКО

Нататкі з летняй практыкі…

Нарэшце скончыліся тэлевізійныя штодзённыя зводкі з палёў. Хлеб сабраны. У агульным каравай ёсць лусты і скарынкі, «падабраныя» падчас «бітвы за ўраджай» у СПК «Вінец» Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці. Дзе ў час «змагання за хлеб» я сапраўды зразумела, чаму людзі кажуць: «Не хлебам адзіным»…
Я на зерняток пайду, хай мяне навучаць!

Лета — самы час падзарабіць для студэнта. Аптымальны варыянт — у родным горадзе ці вёсцы. І танней, і да бацькоў бліжэй. Не вельмі ж да іх з сталіцы наездзішся.

А паколькі ў нашай вёсцы амаль адзіным месцам сезоннага заробку з'яўляецца калгас (назва СПК неяк не прыжылася), то менавіта туды я і накіравалася. Мяне і яшчэ дзвюх такіх жа студэнтак узялі вагаўшчыцамі на зерняток. Праца не складаная: узважваць машыны з зернем, запісваць чыстую вагу ў спецыяльны журнал і рэестры вадзіцеляў і камбайнёраў.

Мае зменшчыцы працавалі не першы год. А вось мне горш за ўсё даваліся начныя змены. У маю будку (а інакш працоўнае памяшканне вагавай не назавеш) набівалася шмат народу.

Камбайнёры ішлі з паперамі, якія чамусьці завуцца рэестры. З гэтага года па новых правілах у «рэестрах» павінен быць мой подпіс. Увогуле, камбайнёры павінны самі пазначаць кожны рэйс вадзіцеля. Але на полі яны проста не паспявалі гэтага рабіць.

А начальнікі ўчасткаў прыходзілі, каб падсумаваць сабраныя за дзень тоны і (галоўнае) запісаць колькасць зжатых гектараў. Пасля я павінна была запоўніць спецыяльныя набытковыя ведамасці, каб ранкам здаць… Толькі пасля паўночы можна было крыху расслабіцца і паслухаць стары, яшчэ савецкі, радыёпрыёмнік з алюмініевым дротам замест антэны.

Вагавая падчас уборкі — гэта інфармацыйны цэнтр. Менавіта тут можна даведацца, колькі, чаго і адкуль было прывезена, хто колькі намалаціў за дзень. Заходзяць і проста так пасядзець, пагутарыць, паскардзіцца на жыццё. А калгаснае — яно малінай і лёгкімі грашыма не пахне.

Грошы — зло. Заходзіш у краму, і зла не хапае

Колькі нам заплацяць, не сказалі. Ні ў пісьмовай дамове, ні ў размовах — ніякай інфармацыі. Пачалі працаваць за ката ў мяху.

Акрамя нас, студэнтак, на зернетаку дапамагалі роднаму калгасу і школьнікі. Вядома ж, не бясплатна. Працавалі яны толькі днём у дзве змены па шэсць з паловай гадзін. Розніцы для 14- і 16-гадовых не рабілася. Нягледзячы на тое, што паводле закону падлеткі ад 14 да 16 гадоў могуць працаваць не больш за чатыры гадзіны, а з 16 да 18 — не больш за шэсць пры аплаце на ўзроўні дарослых.

Удзень на таку дарослых рабочых не было, калі не лічыць дзвюх бабулек-пенсіянерак. Таму дзеці выкладваліся па поўнай праграме. Грузілі і разгружалі машыны (з дапамогай спецыяльных пагрузчыкаў). Былі выпадкі, калі школьнікі рабілі дарослую працу. Цягалі мяхі, напрыклад. Дый проста рыдлёўкай памахаць шэсць гадзін паспрабуйце!

Таму школьнікі справядліва настойвалі, што плаціць ім павінны больш. Праўда, абмеркаванне гэтай гарачай тэмы часцей вялося міжсобку, чым з начальствам.

— У мінулым годзе, — расказвае дзесяцікласніца Наталля, — абяцалі добры заробак, але атрымалі мы па 150 тысяч рублёў (гэта за паўтара месяца працы. — Заўв. аўт.). Нешта там накруцілі ў бухгалтэрыі. У выніку я і мая сяброўка атрымалі аднолькавыя грошы, хоць Ала прапусціла чатыры дні, а я ўсяго адзін. Ну, нейкая ж розніца павінна была быць?!

Зараз школьнікі спадзяваліся атрымаць больш грошай яшчэ і таму, што сын старшыні Славік таксама працаваў на зернетаку.

Калгасныя заробкі непакояць і дарослых. Калі для дзяцей гэта — сезонныя грошы, то для іх бацькоў — асноўны даход. І лета — якраз той час, калі можна зарабіць: «летні дзень год корміць».

Але гэта толькі так кажуць. Адзін летні сезон у СПК «Вінец» наўрад ці пракорміць не тое што год, нават месяц сям'ю даяркі ці механізатара, калі абое дарослыя працуюць у калгасе. За 10 тысяч рублёў у дзень (прычым улетку з 7.00 да 23.00 без выхадных) мінскі рабочы згадзіўся б хіба што адпачываць. А вось у «Вінцы» многія калгаснікі працуюць сапраўды цяжка за такія, а часам нават і меншыя грошы. Таму з калгаса і ўцякаюць.

Свае і чужыя

Любоў Іванаўна, інжынер па тэхніцы бяспекі, адзначае, што звальненняў становіцца ўсё больш і больш.

— Ну, а што тут рабіць, — разважае яна. — Гэта мы, старэйшыя, трымаемся гэтага калгаса, бо трэба ж неяк да пенсіі дабыць. А вось ты скажы, з горада нехта вярнуўся назад? Не, я не кажу пра п'яніц. А з талковых? Не, не вярнуліся, бо што тут рабіць.

Сяргей, памочнік камбайнёра, скончыў пружанскі каледж і цяпер адпрацоўвае ўкладзеныя ў яго дзяржавай грошы. У калгасе заставацца не збіраецца.

Photo.bymedia.net

— Не, 1 жніўня 2008 года, на наступны дзень пасля заканчэння адпрацоўкі, я адсюль звалю, — кажа ён. — Ды хоць бы папрацаваць далі! Заробіш з імі… Ламаемся часта. Сёння ізноў некалькі разоў ланцуг на полі зляталў.

Але «зваліць» з СПК праблематычна. Кіраўніцтва замест павышэння заробку дзейнічае метадам умоў і перакананняў. Напрыклад Аляксандра, памочніка камбайнёра, не звальнялі некалькі тыдняў. Матывавалі проста: няма працаўнікоў.

— Кожны дзень да мяне падыходзіў шэф (так падначаленыя называюць старшыню. — Заўв. аўт.) і прасіў яшчэ некалькі дзён папрацаваць, пакуль яны, маўляў, працаўніка не знойдуць. А мне сюды з Бярозы ездзіць за гэтыя 400 тысяч. Я іх спакойна і ў горадзе зараблю, і выдаткаў будзе меней!

Акрамя сваіх, мясцовых, на зернетаку працавалі шабашнікі, «браты-украінцы». Па чутках, ім павінны былі заплаціць нашмат болей за мясцовых.

Чаму штогод такая несправядлівасць у дачыненні сваіх працаўнікоў? Няўжо чужыя сезоннікі лепшыя за пастаянных працаўнікоў, якія вось ужо колькі год працуюць у СПК? Адказы на гэтыя пытанні, думаю, цікавяць не толькі мяне.

Пэўна, такая палітыка нечым выгодная для кіраўніцтва калгаса. А «выгода» людзей, якія за няспынную сялянскую працу не могуць атрымаць належнага, каб нармальна жыць, увасобілася ў прыпеўкі і прыказкі, якія не транслююць па тэлебачанні. Адна з такіх прыказак уразіла мяне найбольш: «Каб у калгасе жыць у шчасці, трэба красці, красці, красці».

Школа, настаўнік, родная мова

...Ружавее ранні золак,
Рэха ў гаях,
А ў грудзях тваіх асколак,
Беларусь мая.
(Сяржук Сокалаў-Воюш, паэт, бард)

Ала КАЖЭРА,
педагог

Пачаўся новы навучальны год, і, хаця я, што называецца, даўно на заслужаным адпачынку, маё настаўніцкае сэрца не можа застацца абыякавым да таго, што адбываецца за сценамі школы. Я зноў думаю пра лёс роднай мовы, пра выхаванне нацыянальна свядомых сыноў і дачок нашай Радзімы, духоўную культуру і спадчыну беларусаў.

Фота Анатоля Кляшчука

Часта даводзіцца чуць, што бацькі не хочуць аддаваць дзяцей у беларускамоўныя школы і класы.

Мне ж згадваецца пачатак 90-х, калі родная мова, дзякуючы намаганням дэпутатаў Вярхоўнага Савета 12-га склікання, быццам прачнулася ад цяжкага летаргічнага сну і пачала квітнець.

Перад вачыма сярэдняя школа № 96 г. Мінска напярэдадні навучальнага года. Бацькі без усякага прымусу пішуць заявы ў беларускамоўныя 1-я класы. Паўсюль чуваць беларускую гаворку, твары людзей радасныя, асветленыя. Такі ж настрой у большасці мінскіх школ.

Тады мова яднала людзей, адчувалася аднадушнасць бацькоў і настаўнікаў. Дзяржава заахвочвала тых, хто выкладаў па-беларуску, даплочвала 10 адсоткаў ад стаўкі.

Педагогі імкнуліся да авалодвання мовай, наведвалі розныя курсы, лекторыі, семінары. Настаўнікі беларускай мовы былі ў дэфіцыце, бо ў школах павялічылася колькасць гадзін на тыдзень.

Самы актыўны ўдзел у адраджэнні духоўнасці прымала Таварыства беларускай мовы пад кіраўніцтвам народнага паэта Беларусі Ніла Гілевіча.

У Савецкім раёне Мінска суполкай ТБМ кіраваў Алег Трусаў, па яго ініцыятыве на базе бібліятэкі імя Янкі Купалы стварыўся нядзельны беларускамоўны ліцэй. Кіраўніцтва бібліятэкі смела адгукалася на ўсе прапановы ініцыятараў адраджэнцкага руху.

Мне даверылі працу па стварэнні ліцэя, які хутка стаў самастойнай штодзённай навучальнай установай. Гэта быў пачатак усім вядомага сённяя ліцэя імя Якуба Коласа. Паралельна я ўдзельнічала ў стварэнні курсаў вывучэння беларускай мовы на базе СШ № 23 г. Мінска, а таксама семінараў для бібліятэкараў Савецкага раёна.

Цікавасць да ўсяго беларускага была незвычайная, бо з лекцыямі перад школьнікамі і студэнтамі выступалі вядомыя навукоўцы: Генадзь Сагановіч, Павел Лойка, Сяргей Тарасаў, Павел Церашковіч, Ігар Чарняхоўскі, іншыя. Настаўнікі і бібліятэкары, атрымаўшы пасведчанні ТБМ імя Ф. Скарыны, панеслі беларускае слова ў жыццё.

Прыгадваю развітальную размову з групай бібліятэкараў, сярод якіх шмат рускіх па нацыянальнасці, бо многія патрапілі ў Беларусь пасля замужжа:

— Шчырае дзякуй усім выкладчыкам, бо вы для нас адкрылі прыгажосць мовы, на якой мы нават баяліся і слова вымавіць.

Гэта было прыемна. Разам з тым карэнныя беларусы спяшаліся пазнаць, адкуль мы родам, дакрануцца да сваіх каранёў, да вытокаў, да мілагучнасці роднай мовы і вызначыць не толькі сваю будучыню, але будучыню Беларусі.

Хаця, здаралася, хтосьці прадказваў цяжкія часіны, калі ўсё раптам зменіцца і хмара цемрашальства зноў закрые далягляд пазнання. Так яно і адбылося, калі пасля 1994 года ўлада пачала ўносіць бясконцыя папраўкі ды змяненні ў Канстытуцыю краіны.

Заўважна паменшала беларускіх школ і класаў, пад нож пайшоў падручнік па гісторыі Беларусі, скарацілі колькасць гадзін навучання і адмянілі экзамен па беларускай літаратуры ў 11 класе. Лагічным вынікам «новага парадку» быў рэферэндум 1996 года: абвесцілі, быццам бы народ сам цураецца роднай мовы і прагне «великого и могучего». Пачалося адрачэнне ад святыняў: гістарычнай дзяржаўнай сімволікі, роднай мовы ў школах.

Лічбы гавораць самі за сябе:

— 1994/95 год — 58% школьнікаў навучаюцца на беларускай мове;

— 2000/01 год — 4,3% школьнікаў навучаюцца на беларускай мове;

— 1995/96 год — рускамоўных школ 79%;

— 2000/01 год — рускамоўных школ 91%.

Прывяду колькасць школьнікаў, што навучаліся на беларускай і рускай мовах.

Навучальны год	па-беларуску	па-руску
2000—2001	400869 — 29%	1039174 — 70,9%
2005—2006	280179 — 23%	922938 — 76,7%
2006—2007	245928 — 21,5%	898615 — 78,5%

За 13 апошніх гадоў прыём у першыя класы з роднай мовай навучання скараціўся з 76% да 18,6%, а ў сталіцы — да 2,2%. Бацькі, напалоханыя такім становішчам, думаюць пра далейшую адукацыю дзяцей у ВНУ і ўладкоўваюць іх у рускамоўныя школы.

А многія настаўнікі, звыклыя да армейскага падпарадкавання яшчэ з савецкіх часоў, зноў зазналі не менш жорсткі ідэалагічны ўціск. Школа разам з усім грамадствам стала ахвярай крыжацкага паходу, на шчыце якога знявага да настаўніцкай працы ды ўдушэнне вальнадумства. Невысокая заработная плата, невымерная нагрузка, бюракратычныя формы кіравання паставілі настаўніка на калені. Эканамічныя праблемы спарадзілі духоўны генацыд, што прывяло да звыклай абыякавасці і баязлівага маўчання.

Калі ў школе з'яўляецца настаўнік з іншым светаўспрыманнем, то ён хутка становіцца «белай варонай». Гэта ў лепшым выпадку, а ў горшым яго чакаюць цкаванне ды стварэнне невыносных умоў працы.

З прычыны ціску з боку адміністрацыі мінскія школы вымушаны былі пакінуць многія настаўнікі. Сярод іх таленавіты педагог Леанарда Мухіна, настаўніца беларускай мовы і літаратуры, паэтэса, чалавек перадавых поглядаў Вера Буланда. Такіх прыкладаў можна прывесці шмат. Паводле дадзеных Таварыства беларускай школы, за кароткі час пацярпелі больш як 60 настаўнікаў і выкладчыкаў ВНУ, і гэты спіс можна доўжыць.

На вялікі жаль, школамі часта кіруюць нацыянальна недасведчаныя людзі, што негатыўна адбіваецца на працы ўсяго педагагічнага калектыву.

У школах, дзе не вучаць думаць, дзе настаўнік адарваны ад грамадскіх падзей, і вынік працы адпаведны. Бо настаўніку проста неабходна пачуццё гістарычнай справядлівасці, які б прадмет ён ні выкладаў. Як, дарэчы, і веданне роднай мовы, культуры і педагагічнай спадчыны. А дзеці абавязкова адгукнуцца памкненнем сваіх чыстых душ, бо вераць настаўніцкаму слову, існасці ведаў, праўдзе і справядлівасці. Калі ж навучэнцы адчуваюць фальш, у іх душах нараджаецца абыякавасць.

Настаўнік мусіць рабіць высакародную справу абуджэння ў душах дзяцей любові да свайго роднага, да беларускасці пры любых абставінах. Як было падчас маёй працы ў СШ № 38, у педагагічнай гімназіі № 3 г. Мінска. Тут працаваў самаадданы калектыў выкладчыкаў беларускай мовы і літаратуры: Данута Астрэйка, Раіса Марчанка, Марыя Рунец, Марыя Берташ. Кожны іхні ўрок — гэта дзейства, дзе спалучаюцца веды і пачуцці, выхоўваецца імкненне да спазнання новага, а на занятках па літаратуры даюцца прыклады з самаахвярнага жыцця беларускіх пісьменнікаў.

Настаўнікі вучылі ўспрымаць сучаснасць праз падзеі мінулых часоў. Гэтаму спрыялі клубы «Вытокі», «Бусляня», дзе тыдні беларускай мовы і культуры ператвараліся ў запамінальнае свята. Два гады рэгулярна праводзіліся дыспуты «Моўны фактар як асяродак фармавання нацыянальнай свядомасці і гуманістычнага светапогляду».

Мы правялі апытанне праз сачыненне «Ці будзе жыць беларуская мова?».

«Я вельмі люблю сваю мову, але прызвычаілася да русізмаў, — напісала вучаніца шостага класа, — бо ўсе гавораць па-руску. Аднак веру, што прыйдзе час, калі беларуская мова будзе жыць і квітнець».

«Людзі, якія называюць сябе беларусамі, а самі і цікавяцца іншай мовай, і ставяць яе на першае месца, не заслугоўваюць гэтай назвы. Такіх людзей можна назваць «бежанцамі», якія ўцякаюць, бо пагражае бяда, а самі не маюць сілы супрацьстаяць знішчэнню. Гэта слабыя людзі, якія жывуць не сваім, а чужым» (11 кл).

З кіраўнічага «алімпа» неўзабаве павеяла холадам. Да настаўнікаў-адраджэнцаў пачалі ставіцца вельмі адмоўна. Пасля дыспута «Беларуская мова: ці надзённая сёння праблема?» я атрымала вымову за антыпедагагічныя паводзіны. Аднойчы на нарадзе сакратар абвесціла, што ўсім настаўнікам, акрамя мяне, падоўжаныя кантракты. Я вымушана была сысці з гімназіі.

У сярэдняй школе № 38, дзе я апошнія гады працавала, дзейнічала літаратурная майстэрня «Купалінка», у якой мы імкнуліся развіць літаратурныя здольнасці падлеткаў, абудзіць цікавасць да беларускай мовы, культуры, спадчыны.

У школе часта выступалі беларускія паэты: Мікола Маляўка, Сяргей Законнікаў, Мікола Чарняўскі, Васіль Жуковіч, гэтыя сустрэчы былі натхняльныя і запамінальныя.

Адначасова ў пачатковых класах працавала дзіцячая арганізацыя «Верасок». Як жа адгукаліся вучні на беларускае слова, як актыўна ўдзельнічалі ў літаратурных вечарынах, «Падарожжы па краіне беларусаў», эстафеце пакаленняў «Мой радавод».

Не, ніколі не паверу, што нашы дзеці нараджаюцца манкуртамі. Жыве ў іхніх душах жаданне пазнаць сваё, роднае, а калі настаўнік падае прыклад, вядзе за сабой, то гэтае памкненне становіцца шчырым і асэнсаваным.

Вось якія вершы складалі навучэнцы педгімназіі № 3:

Беларуская мова — роднае слова,
Спеўнае, як і Радзіма мая.
Беларуская мова ляціць у прасторы —
Песня твая, думка твая.

(Таня Раманава, 6 кл.)

Беларусам не трэба чужога:
Ні дабра, ні парады, ні славы.
Мы не возьмем ад іншых нічога,
У нас Радзіма свая і дзяржава.

Мы маем Нясвіж і Гальшаны,
Талентаў ланцуг нестрыманы.
І Будны ў нас ёсць, і Прадслава.
Якое яшчэ вы жадаеце славы?

(Юрка Васілеўскі, 11 кл.)

Так і ляжыць у мяне зборнік вершаў «Гімназічны ветразь». Але хто сёння паспрыяе яго выданню?

На працягу стагоддзяў настаўніцкая самаахвярнасць была невымернай, і ці маем мы зараз права скласці рукі перад дзікунствам і наступам на родную мову?

Справа выхавання чалавека не можа лічыцца скончанай, пакуль у настаўніка застаецца хаця б адзін шанец, бо яму дадзена вялікае шчасце бачыць свет вачыма дзіцяці.

Вядома, што паўнавартаснасць асобы залежыць ад маральнага выбару. Які выбар зробіць настаўнік, такі і пакіне след, бо ён працуе для будучыні. І не мае значэння, застануцца нашы імёны на скрыжалях гісторыі ці не. Галоўнае, што ў гэтай будучыні будзе часцінка нашай працы дзеля захавання роднай мовы і Радзімы.

Канстанцін СКУРАТОВІЧ

Сёе-тое пра аўто для народа

Беларусь зрабіла БелКу, зарганізавала «Славянскі базар», досвед аграгарадкоў прапануе Венесуэле. Самы час здзівіць свет народным аўто.

І хоць у пасёлку Абчак пад Мінскам вырабляюць беларуска-іранскі «Саманд», на які пры старце праекта паабяцалі перасадзіць у першую чаргу сталічных чыноўнікаў і міліцыянтаў, ні мэр беларускай сталіцы, ні міністр унутраных спраў, ні тым болей прэзідэнт на іранскім «скакуну» не заўважаныя.

Бо краіна шукае варыянты.

Гітлер меў «жука» ў крэдыт

69 гадоў таму, 26 мая 1938 года нямецкі інжынер Фердынанд Поршэ зладзіў прэзентацыю зараз вядомага ўсяму свету аўтамабіля «Фольксваген». Кіраўніцтва фашысцкай Германіі абрала мадэль для народнай аўтамабілізацыі краіны. Пэўным чынам то быў адказ «заакіянскім плутакратам» са Злучаных Штатаў, якія першымі ў свеце здзейснілі праект вытворчасці даступнага кожнаму рабочаму аўтамабіля маркі Генры Форда.

Праект «Фольксваген» таксама аказаўся паспяховым, але толькі праз дзесяць з лішнім гадоў, бо неўзабаве пачалася Другая сусветная вайна, у выніку якой гітлераўская Германія пацярпела жорсткую паразу.

Для вытворчасці Поршэ прапанаваў тры варыянты «жука»: лімузін, кабрыялет і цалкам адкрытае спартова-прагулачнае аўто. Ён меў рухавік магутнасцю ў 24 конскія сілы, спажываў 6–7 літраў бензіну на 100 кіламетраў і мог рухацца з хуткасцю да 100 кіламетраў у гадзіну, перавозячы акрамя шафёра чатырох пасажыраў.

Заводскі кошт машыны складаў 990 рэйхсмарак, «сярэдні немец» мог яе набыць дзякуючы сістэме спрыяльнага крэдытавання.

З цягам часу высветлілася, што канструкцыя «Поршэ» была ў многіх адносінах ледзь не геніяльнай, таму аўтамабіль, празваны «жуком» з прычыны знешняга падабенства, у 50-я гады мінулага стагоддзя павялічваў сваю папуляцыю з хуткасцю вельмі знаёмай беларускім калгаснікам дакукі — каларадскага жука.

Поршэ быў выдатным інжынерам, Гітлер, як высветлілася, — натуральным людажэрам, але перапляценне палітычных інтарэсаў аднаго і прафесійных памкненняў другога дало гэткі вось плённы вынік. Хоць Гітлер, які ў 1939 годзе стаў адным з першых уладальнікаў народнага аўтамабіля, пра пераможную хаду «жука» па Еўропе так і не даведаўся.

Дарэчы, кіраўнік той ваяўнічай Германіі не толькі прыняў удзел у прэзентацыі аўтамабіля для народа, але і набыў яго на тых жа ўмовах, праз тую ж сістэму спрыяльнага крэдытавання, што і шараговыя грамадзяне.

У Савецкім Саюзе аўто заўжды было раскошай, і «народным» стаў хіба «Запарожац», пра які дагэтуль гуляе шмат анекдотаў. У постсавецкі час Барыс Нямцоў, стаўшы расейскім прэм'ерам, паспрабаваў «пересадить на «Волги» нават не ўрадоўцаў, а шараговае чынавенства, але з гэтага нічога не атрымалася. Хоць пры Ельцыне «младарэфарматарам» многае дазвалялася і многае прабачалася, але такога замаху на свае собскія інтарэсы, хай сабе і дзеля захавання айчыннага аўтапрама, расейскія «вяршкі» не пацярпелі.

Міжнароднік Бовін меў «Аку»

Пасля «Форда» і «Фольксвагена» ідэя стварэння ўласнага «народнага аўтамабіля» не пакідала кіраўнікоў розных краінаў. Былі паспяховыя праекты. У прыватнасці, італьянскі «Фіят», правы на вытворчасць якога на льготных умовах (пры садзейнічанні італьянскай кампартыі) атрымаў Савецкі Саюз. Кажуць, што італьянскія камуністы атрымалі ў «адкат» амаль законную грашовую падтрымку ад КПСС, але савецкая краіна займела адносна сучасны аўтамабільны завод, а савецкі народ — танны аўтамабіль. Адносна танны. На «Жыгулі» шараговаму савецкаму чалавеку трэба было адкладваць грошы некалькі гадоў запар, але чэргі на набыццё былі вялізарнымі.

Пазбаўлены канкурэнцыі на ўнутраным рынку, аўтазавод у Тальяцці амаль не клапаціўся пра змену мадэльнага раду і штампаваў «Жыгулі», якія пры фармальнай змене нумара ў прэйскуранце і праз дваццаць гадоў нагадвалі ўсё тую ж перанятую ад «Фіята» «капейку».

Дарэчы, на знешнім рынку савецкая «Лада» таксама не пакутавала ад канкурэнцыі — у рэкламных праспектах вызначалася: «Новы аўтамабіль па цане патрыманага».

І калі аднойчы Міхаіл Гарбачоў, наведаўшы волжскі аўтагігант, выращыў, што наспеў час вывесці «Жыгуль» на ўзровень сусветных узораў, з перабудоўшчыка рагатаў амаль што ўвесь вялізарны Савецкі Саюз. Бо шмат хто ўжо ведаў: у прыадчыненай Еўропе і ўжо не такой далёкай Амерыцы — іншы попыт і іншы густ.

Да таго ж не бачылі нашыя людзі ні Хрушчова ў «Запарожцы», ні Брэжнева ў «Жыгулях». Тыя нават не імкнуліся ўлезці туды, куды ўлазіў савецкі народ. Незалежна ад камплекцыі.

Наколькі мне асабіста вядома, з усіх больш-менш прыкметных савецкіх асобаў адзін толькі Аляксандр Бовін меў смеласць не прытрымлівацца чынавенскай моды. Адносна позна сеўшы за руль, адносна позна атрымаўшы пасведчанне кіроўцы, ён задаволіўся мікрамініятурнай «Акой», набытай напрыканцы перабудовы. Цяжка ў гэта паверыць, ведаючы, што Бовін быў чалавекам курпулентным, але ён сам пра гэта напісаў у сваёй кнізе (вельмі, дарэчы, цікавай!) «5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства».

Нашы маюць «Мерседэсы», але хочуць мець «Кітай»

Кіраўнікі незалежнай Беларусі змушаны задавальняцца «Мерседэсамі». Бо сваіх легкавушак Беларусь дагэтуль не выраблала.

Але зараз сітуацыя можа змяніцца. Высілкамі ўрада і дзякуючы добрым стасункам з асобнымі азіяцкімі краінамі, у Беларусі наладжваецца вытворчасць кітайскіх ды іранскіх «іншамарак», якім нібыта наканавана роля беларускага «Фольксвагена» ды масавага службовага аўто.

Сёй-той не разумее сімпатый беларускага кіраўніцтва да кітайскіх ды іранскіх заканадаўцаў аўтамабільнай моды. Іншыя кажуць: брэнд — не галоўнае, абы аўто рухалася ды не ламалася. Кітайцы ж некалі, атрымаўшы ад СССР заводы па вытворчасці зброі, пацiснулі на рынку «прагрэсіўных ваяроў», нават брэн-

датрымальнікаў — большасць змагароў супраць імперыялізму (у тым ліку савецкага) паспяхова ваявалі «калашамі» менавіта кітайскай вытворчасці. А талібскія ўмельцы ўвогуле вырабляюць іх з дапамогай зубіла з рашпілем.

Да таго ж у свеце многае мяняецца. Тавары кітайскай вытворчасці сёння фармуюць «абавязковы асартымент» беларускіх крамаў. Літаральна гэтак — калі прыбраць кітайскае, дык паліцы апусцеюць. Застануцца хіба што маленькія, дзе месціцца ўсё, пазначанае шыльдай «зроблена ў Беларусі». Пералічыць — хапіла б пальцаў на руках. І параўноўваць нашу «бытавую электроніку» з кітайскай, тайваньскай ці малайскай — толькі настрой сабе псаваць.

Так што, можа, лепш закупіць на пробу, для вывучэння попыту, гэтых кітайскіх легкавікоў і не эксперыментаваць з шыльдай «зроблена ў Беларусі» над таварам, вартасцям якога свет даўно вызначыў крытэрыі?

Фота Анатоля Клешчука

Фота Юрыя Дзядзінкіна

Віталь Тарас: «Яшчэ раз спрабаваў асэнсаваць жыццё»

Генадзь КЕСНЕР

«Звыклае зло» — гэтак называецца кніга вядомага беларускага журналіста і публіцыста Віталя Тараса, якая ўбачыла свет дзякуючы праекту «Кнігарня «Наша ніва». Аўтар кажа, што яго ідэйным натхняльнікам стаў калега, рэдактар «НН» Андрэй Дынько.

Зборнік складаецца з апублікаваных у незалежным тыднёвіку «Наша ніва» эсэ і нарысаў Віталя Тараса, а таксама з твораў, яшчэ не вядомых шырокаму колу чытачоў. «Век газетнага артыкула ці эсэ нядоўгі. Нават калі газета — тыднёвік, публікацыя ў ёй жыве самае большае пяць дзён. Але, насуперак законам жыцця і журналістыкі, я спрабаваў пісаць для «Нашай нівы» хоць і актуальна, ды ўсё-такі маючы на ўвазе гэтак званыя «адвечныя тэмы», — прызнаецца аўтар.

Вядомы беларускі публіцыст Сяргей Дубавец у прадмове да кнігі піша: «Супрацьпастаўленне газетнага артыкула, які, нібыта, жыве тыдзень, і рамана, разлічанага на вечнасць, — умоўнае. Бывае і наадварот. Галоўнае, што і артыкул, і раман падпарадкоўваюцца агульным законам літаратуры… Беларускае грамадства сёння разрозненае настолькі, наколькі, бадай, не было ніколі… Публіцыстыка і эсэістыка ў сённяшняй літаратуры — жанры «недзяржаўныя» і «апазіцыйныя».

Сяргей Дубавец мяркуе, што зборнік эсэ Віталя Тараса раскрывае чытачу вочы на многія актуальныя праблемы: «Мы не маем адказаў, у якім грамадстве мы жывем, што за час на двары, часта няма таго, хто б уцямна табе распавёў, што адбываецца з Беларуссю. А тут чалавек з вялікім жыццёвым досведам, жывым розумам, з вялікім талентам асэнсоўвае, што адбываецца, і ў кнізе Віталя Тараса знаходзіш адказы на гэтыя пытанні».

Суровы назоў сваёй кнігі аўтар тлумачыць гэтак: «Ён перадае не тое што сутнасць тых з'яваў, якія мы бачым вакол нас, а саму атмасферу. Можа, націск трэба рабіць не на «зло», а на «ЗВЫКЛАЕ зло». Бо мы ўсе, на жаль, прызвычаіліся да таго, што зло пануе на кожным кроку. Але мне не хацелася б, каб гэта ўспрымалася як праява чорнага песімізму. Гэта свядомы праваакцыйны прыём. Калі нехта абурыцца: «Ну, як гэта так, якое можа быць звыклае зло?» — тады мая задача часткова выкананая».

У эсэ «12» Віталь Тарас разважае: «…Шчасця ўсё адно няма. Бо колькасць зла ў прыродзе не змяншаецца. Проста зло набыло іншае аблічча. У адных выпадках яно стала яшчэ больш нахабным і нахрапістым, у іншых — наадварот, больш вытанчаным і крывадушным… Нават калі зло атрымала татальную і пагалоўную перамогу, калі ты аб гэтым ведаеш і хоць бы адзін не згаджаешся з гэтым, значыць, бітва яшчэ не скончаная. Значыць, час можа спыніцца і насуперак усім законам фізікі павярнуцца назад».

Калі кніга прэзэнтавалася ў Беларускім ПЭН-цэнтры, сябрыжурналісты шчыра здзіўляліся: няўжо ў Тараса сапраўды толькі першая друкаванка? І выдавец Зміцер Колас, знаёмы з Віталем Тарасам з малых гадоў, быў перакананы, што аўтар мае за плячыма цэлы стос выданняў. «З маленства прага пісаць прысутнічала ў ім і вылівалася ў нейкія непасрэдныя, на той час дзіцячыя творы, — сказаў Зміцер. — Мы тады шмат чаго напісалі разам, у сааўтарстве. Але зараз я быў упэўнены, што ў Віталя ўжо шмат кніг! Настолькі вялікі рэзерв яго магчымасцяў, што, безумоўна, гэтая першая кніжка пацягне за сабой цэлую чараду новых твораў. Спадзяюся, што гэта будзе не толькі публіцыстыка, але і проза».

Сяргей Дубавец на гэты конт зазначыў: «У розных творцаў вельмі па-рознаму складваецца іх творчае сталенне. Нехта можа «адстраляцца» ў 19 гадоў, а нехта ўсё жыццё спее-спее і ў 50 гадоў пачынае прапаноўваць публіцы свае ўжо завершаныя кандыцыйныя творы. Яму за іх не сорамна, а нам гэта — каласальны набытак».

З выхадам першай кнігі Віталя Тараса павіншавала старшыня ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў», сябрам якой аўтар з'яўляецца ад часу стварэння гэтай арганізацыі, Жанна Літвіна: «Я абсалютна шчыра радуюся кожнай новай кнізе, якую пішуць журналісты. Мяне ўразілі словы, якія ёсць на пачатку Віталёвай кнігі: «Яшчэ раз спрабаваў асэнсаваць жыццё». На маю думку, асэнсаванне атрымалася. Там столькі асабістага, патаемнага, што, магчыма, не кожны чалавек гатовы аддаць гэта на суд грамадскасці. А Віталю ўсё гэта ўдалося».

Кніга «Звыклае зло» выйшла накладам усяго толькі ў тысячу асобнікаў.

VIII конкурс для журналістаў

«Польшча — прыязная суседка Беларусі»

Пасольства Рэспублікі Польшча ў Рэспубліцы Беларусь аб'яўляе VIII тур конкурсу для журналістаў:

«Польшча — прыязная суседка Беларусі».

У конкурсе могуць прыняць удзел журналісты, якія да 30 лістапада 2007 года вышлюць на адрас Пасольства РП копіі публікацый (у тым ліку змешчаных на інтэрнет-старонках), а таксама радыё- і тэлематэрыялаў (з указаным месцам і датай публікацыі) за 2007 год на наступныя тэмы:

- Сучасная Польшча;
- Супольная гістарычная спадчына Беларусі і Польшчы;
- Польскія органы самакіравання як падмурак рэгіянальнага дэмакратычнага развіцця;
- Роля сродкаў масавай інфармацыі і пазаўрадавых арганізацый у Польшчы;
- Польска-беларускае эканамічнае супрацоўніцтва;
- Польшча ў ЕС;
- Беларусы і палякі — падабенства і адрозненне;
- Еўрарэгіёны — шанец для польска-беларускага памежжа;
- Турызм — найлепшы спосаб узаемапазнання.

**Матэрыялы просім высылаць на адрас:
220034 Мінск, вул. Румянцава, 6
з пазнакай: «Конкурс».**